

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Филологический факультет
Кафедра русского языка**

В.И. Теркулов

ОСНОВЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

учебное пособие

Донецк 2019

ББК Ш100.3

УДК 81'33(075.8)

Т 35

*Рекомендовано к изданию Учёным советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(протокол № 1 от 25.01.2019 г.)*

Теркулов В. И. Основы когнитивной лингвистики : учебное пособие
/ В. И. Теркулов – Донецк: ДонНУ, 2019. – 110 с.

Рецензенты:

Филатова Е.В. – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Юрьева Елена – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

Учебное пособие соответствует программе учебного курса дисциплины «Когнитивная лингвистика». В учебном пособии даётся определение базовых понятий когнитивистики: категоризации и концептуализации, концептосферы и языковой картины мира, языковой личности.

Пособие предназначено для студентов направления подготовки 45.04.01. «Филология», а также будет полезно студентам и аспирантам других родственных направлений подготовки.

ББК Ш100.3
УДК 81'33(075.8)

© В.И Теркулов, 2019
© ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет», 2019

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ О КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	7
1.1 Когнитология (когнитивистика) как направление научных исследований.	7
1.2 Место когнитивной лингвистики в системе когнитивных наук.....	9
1.3 Предмет, цель, задачи и основные принципы когнитивной лингвистики	12
1.4 Общие сведения об истории возникновения и становления когнитивной лингвистики	15
1.5 Постулаты когнитивной лингвистики	16
Контрольные вопросы	18
ГЛАВА 2. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ.....	20
2.1. Понятие о концептуализации и категоризации.	20
2.2. Объективистский и экспериенциальный подходы к описанию языка	21
2.3. Понятие о языковой личности.....	23
Контрольные вопросы	28
ГЛАВА 3. КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИИ.....	30
3.1. Теория прототипов.	30
3.2. Принципы категоризации	35
3.3. Теория когнитивной метафоры.....	42
3.4. Типология категорий.....	44
Контрольные вопросы	49
ГЛАВА 4. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КОНЦЕПТЫ.....	51
4.1. Происхождение и определение понятия «концепт	51
4.2. Концепт и смежные понятия	53
4.3. Когниция как путь формирования концептов и понятий.....	56
4.4. Структура концепта.....	63
4.4.1. Знак концепта	63
4.4.2. Структура содержания концепта	74
4.5. Типология концептов	79
Контрольные вопросы	84
ГЛАВА 5. КОНЦЕПТОСФЕРА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА	86
5.1. Понятие о концептосфере.....	86
5.2. Языковая картина мира.....	91
Контрольные вопросы	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	100
ГЛОССАРИЙ.....	101
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	103

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Когнитивная лингвистика» относится к обязательным дисциплинам вариативной части блока дисциплин. Для изучения «Когнитивной лингвистики» необходимы знания, умения и навыки, формируемые предшествующими и сопутствующими дисциплинами, такими, как «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Лингвокультурология», «Мировая и отечественная культура», «Философия», «Психология», «Современный русский язык». «Когнитивная лингвистика» является основой для изучения следующих дисциплин: «Коммуникативная лингвистика», «Номинатемный подход к описанию языка», «Жанрология и генристика», «Психолингвистика», «Медиалингвистика», «Актуальные проблемы исторической лексикографии», для дальнейших научных исследований, написания магистерских и диссертационных работ, а также для практической деятельности преподавателя-словесника.

Данное пособие разделено на пять разделов, отражающих основные темы курса «Когнитивная лингвистика», указанные в рабочей программе:

1. Понятие о когнитивной лингвистике.
2. Концептуализация и категоризация.
3. Категоризация и категории.
4. Концептуализация и концепты.
5. Концептосфера и языковая картина мира.

Теоретический курс, изложенный в данном учебном издании, предназначен для формирования у студентов систематизированных знаний об основном понятийно-терминологическом аппарате когнитивной лингвистики и её месте в современной научной парадигме, об основных этапах истории и закономерностях развития отечественной и зарубежной когнитивной лингвистики, о современных концепциях и методах лингвокогнитивных исследований, о достижениях современной науки (как самой когнитивной лингвистики, так и смежных дисциплин), о базовых характеристиках языковой личности, о специфике концептосферы и языковой картины мира.

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивная лингвистика в последние годы стала одним из самых модных направлений в отечественном языкознании. Возникают и развиваются центры когнитивных лингвистических исследований в Москве, Тамбове, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Воронеже, Белгороде и во многих других филологических центрах. Количество диссертаций, монографий, статей, авторы которых определяют себя как лингвокогнитологи, давно превысило «критическую массу» научной терпимости. Всё чаще оппоненты говорят о том, что когнитивные изыскания – это, в принципе, традиционные исследования, которые всего лишь обросли новой «модной» терминологией. К сожалению, часто так оно и есть: многие наши коллеги несколько превратно понимают базовые принципы этой новой науки, просто замещая наименования традиционного системоцентрического подхода к описанию языка наименованиями антропоцентрической терминосистемы.

Во многом это обусловлено тем, что когнитивная лингвистика является очень молодой наукой и поэтому пока ещё не получила достойного места в учебных планах высших учебных заведений. Обычно она преподаётся как дисциплина по выбору на последних курсах бакалавриата или в магистратуре. Большинство учёных, работающих в описываемой отрасли, – самоучки, осваивавшие премудрости когнитологии по трудам классиков. Но повторюсь: работ по когнитивной лингвистике очень много, и отделить зёрна от плевел часто бывает затруднительно. Поэтому и возникают проблемы, обусловленные описанным когнитологами феноменом выделяющихся примеров: часто при прочтении какой-либо статьи несущественное, ошибочное воспринимается как базовый постулат методологии и на его основе строятся не менее ошибочные описания.

К счастью, последние годы появляются солидные учебные издания по когнитивной лингвистике, к которым мы бы отнесли работы Н.Н. Болдырева, Е.В. Дзюбы, В.В. Колесова, М.В. Пименовой, В.А. Масловой и многих других. Правда, они настроены на «большие» курсы и во многом требуют от студентов дополнительной теоретической подготовки. Есть потребность в создании своего рода «букваря» когнитивной лингвистики, в котором были бы даны самые основные сведения о понятиях и принципах этой науки. Именно опытом такого букваря, не избавленного, правда, от некоторых не принимаемых многими авторских ремарок, например об основной языковой единице, связанной с концептом, о соотношении онтологического и реального миров и т.д., и является предлагаемое вашему вниманию издание.

Данное учебное пособие состоит из пяти глав. В первой даётся общее представление о когнитивной лингвистике и когнитологии в целом. Вторая посвящена первичному определению основополагающих понятий науки, таких, как категоризация и концептуализация, эксперенциальность, языковая

Теркулов В.И. Основы когнитивной лингвистики

личность. В третьей главе подробно рассматриваются процессы категоризации, а в четвёртой – концептуализации. Последняя глава посвящена описанию особенностей концептосферы и языковой картины мира.

Учебное пособие рекомендуется для ознакомления с основами когнитивной лингвистики. Автор будет рад критическим замечаниям и предложениям коллег.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ О КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1 Когнитология (когнитивистика) как направление научных исследований.

Вторая половина XX столетия и начавшийся XXI век характеризуются «когнитивным бумом» в гуманитарной науке, обеспечившим распространение так называемой «антропоцентрической парадигмы», в которой в центр исследований помещается человек как психологический, культурный, социальный феномен. Происходит формирование нового научного подхода, получившего название **КОГНИТИВИЗМ** и понимаемого как «направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны» [Нестерова 2015, с. 23]. Иначе говоря, объектом когнитивных исследований становится явление **когниции**¹, которая определяется одновременно как процесс приобретения знаний и как собственно знания, полученные в результате этого процесса. Важно отметить, что когниция тесно связана с языком: возможность формирования знаний человека о мире основывается на возможности их закрепления и использования именно в языковых структурах: мы воспринимаем и интерпретируем мир, храним его в своём сознании благодаря его языковой определённости, что позволяет считать когницию системой «мыслительных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и **языковых выражений для этих знаний** (выделено нами. – В.Т.)» [Демьянков 2005, с. 5].

Изучение когниции даёт возможность изучить **ментальность**, то есть систему умственных и духовных установок отдельного человека либо целой группы людей, имеющую общепринятые, индивидуальные, культурные, этнические, эмоциональные, психические и теоретические основания, и **менталитет** – способ восприятия действительности, определяемый совокупностью когнитивных установок, характерных для определённой личности, социальной или этнической группы людей, то есть их ментальностью. Иначе говоря, ментальность и менталитет нами определяются как состояние (ментальность) и деятельность (менталитет).

Когнитивный подход к изучению человека, его ментальности и менталитета имеет очень важное значение в первую очередь для решения целого ряда прикладных задач. Именно на это указывает Н.Н. Плужникова, утверждающая, что данная область интересов учёных представляет собой «не теоретическую, а скорее систематические эмпирические, экспериментальные исследования, конкретные вычислительные модели построения сознания и интеллекта» [Плужникова 2018, с. 150]. Можно говорить как минимум о двух причинах распространения когнитивизма.

¹ Явление когниции будет подробнее рассмотрено в п.4.3.

Во-первых, это изобретение и широкое распространение компьютеров. Возникли возможность, а следовательно, и необходимость создания компьютерных программ, которые смогли бы эффективно решать задачи, стоящие перед людьми. Предполагается, что это может стать реальностью в том случае, если человеческие модели когниции удастся экстраполировать на компьютерные процессы обработки, хранения и использования информации. Иначе говоря, достижения когнитивного подхода к изучению человека обеспечивают возможность создания как искусственного интеллекта, так и любых других интеллектуальных компьютерных систем.

Во-вторых, это развитие психологии познания, которая настроена на выявление особенностей процессов, обеспечивающих восприятие, память, мышление и речь. Когнитивные исследования позволяют установить модели поведения человека, определяемые его когнитивными способностями, что, несомненно, может быть использовано в целом ряде актуальных практик: производственных, психотерапевтических, манипулятивных и т.д.

Когнитивизм стал основополагающим принципом **КОГНИТОЛОГИИ (КОГНИТИВИСТИКИ)** – науки «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведённых в определённую систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных процессов». Это наука «о системах репрезентации знаний и обработке информации, приходящей к человеку по разным каналам» [Кубрякова 1994, с. 34].

Днём рождения когнитологии считается 11 сентября 1956 года, когда на симпозиуме в Массачусетсе были зачитаны три доклада, определившие основные характеристики когнитивной науки: экспериментального психолога Дж. Миллера «Магическое число 7 ± 2 », лингвиста Н. Хомского «Три модели языка» и специалистов в области искусственного интеллекта А. Ньюэлла и Г. Саймона «Логик-теоретик».

Предметом когнитологии выступает явление когниции. **Цель** этой науки – определение закономерностей и путей формирования знаний и способов их использования в деятельности человека.

К **задачам** когнитивистики следует отнести:

- изучение способов и каналов получения, переработки и использования знаний человеком;
- изучение особенностей протекания психических процессов, обслуживающих мыслительные акты;
- исследование понимания и формирования человеком и компьютером мыслей, изложенных на естественном языке;
- построение ментальных моделей мира;
- создание компьютерных программ, способных эффективно решать когнитивные задачи.

1.2 Место когнитивной лингвистики в системе когнитивных наук

Когниция может изучаться с разных сторон, с различной целью и при помощи разных «каналов проникновения»: как психологический, языковой, культурный и т.д. феномен. В силу этого процессы, связанные с получением, обработкой, хранением и использованием знаний, могут быть объектом изучения разных наук, что, собственно, и показывает современное состояние когнитологии, которую определяют как «целое семейство дисциплин, объединённых взаимодействующей проблематикой и сходными методологическими принципами» [Нестерова 2015, с. 14].

«Когнитивный бум» охватил практически все науки, так или иначе связанные с деятельностью человека. В последнее время говорят о когнитивной экономике, когнитивной социологии науки, социобиологии, когнитивной политологии и т.д. Это вполне объяснимо, поскольку практически во всех сферах гуманитаристики стала очевидной роль индивидуальных знаний и индивидуального восприятия мира в деятельности человека. Однако можно назвать те науки, которые составляют базу когнитологии, формируют её методологические принципы. По мнению американского психолога и историка науки Х. Гарднера, это: 1) когнитивная психология; 2) когнитивная нейронаука; 3) философия сознания (добавим сюда эпистемологию и гносеологию); 4) когнитивная антропология; 6) компьютерные науки и искусственный интеллект; 5) когнитивная лингвистика.

Когнитивная психология – это наука, изучающая познавательные процессы (память, внимание, ощущения, сознание, воображение и т.п.), происходящие в сознании человека. Отцами когнитивной психологии считают Вольфганга Келера, изучавшего особенности поведения человекообразных обезьян, и Жана Пиаже, исследовавшего особенности развития детского интеллекта. Как самостоятельная отрасль она оформилась в 1950-х — начале 1960-х годов, когда Д. Миллер совместно с Д. Брунером в 1960 году создали первый Центр когнитивных исследований при Гарвардском университете. Наиболее известные представители когнитивной психологии – Ф. Хайдер, предложивший теорию когнитивного баланса, Р. Аткинсон, известный своими работами в области изучения мотивации, достижения и поведения, Л. Фестингер, разработавший теорию когнитивного диссонанса, Д. Келли, создавший теорию личностных конструктов, и другие. Для развития когнитивной лингвистики особо значимыми являются работы Э.Рош – одного из авторов теории прототипов и категорий базового уровня (см. пп. 2.2. и гл. 3.).

Когнитивная нейронаука – это междисциплинарный подход, который объединяет усилия когнитивной психологии, психобиологии, нейробиологии для изучения связи активности головного мозга и, шире, нервной системы с познавательной деятельностью и поведением человека. Например, американские учёные К. Прибрам и К. Лешли разработали голографическую модель функционирования психики человека, которая привела к уникальному выводу: память не сосредоточена в отдельных участках мозга – в его

срединных долях, как это раньше считалось, а распределена по всем отделам. Основные принципы и открытия когнитивной нейронауки описаны в работах Б. Баарса, М. Бира, М. Газзанига, Н. Гейдж и др.

Само собой разумеется, когнитивные исследования должны иметь философскую базу. Говорить о когнитивной философии как о самостоятельной науке, вероятно, нельзя, однако в структуре философии обычно выделяют два раздела с явной когнитивной доминантой: **эпистемологию**, которая определяется как философско-методологическая дисциплина, осуществляющая исследование знания как такового, его строения, структуры, функционирования и развития (отношение «объект-знание»), и **гносеологию**, которая занимается исследованиями, критикой и теориями познания (отношение «субъект-объект»). Яркими представителями «философии познания» являются К. Поппер, Б. Рассел, У. Куайн и другие. Важное место в ряду когнитивных наук занимает **философия сознания** – раздел философии, изучающий природу сознания, соотношение сознания и физической реальности. Здесь следует назвать имена Д. Даннета, Г. Райла, Х. Патнэма и других.

В основе **когнитивной антропологии** лежит представление о культуре как об особом способе познания, организации и ментального структурирования действительности. Одной из основных задач данной науки является изучение когнитивных структур, которые определяют восприятие мира, регулируют поведение и упорядочивают социальную жизнь в тех или иных культурах. Представители когнитивной антропологии – М. Дуглас, С. Тайлер, Р. Д'Андрейд, С.В. Лурье.

Очень важную, если не главную, роль в создании и становлении когнитологии играют **компьютерные науки и искусственный интеллект**. Изначальным стимулом для развития когнитивистики является именно идея создания искусственного интеллекта, под которым понимают способность интеллектуальных машин выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека. Наука об искусственном интеллекте возникает в 50-е годы XX столетия, и её оформление как самостоятельной отрасли научных знаний связывается с семинаром по вопросам искусственного интеллекта, прошедшим в 1956 году в Дартмутском колледже, во время которого Р. Соломофф высказал идею о вероятностной машине, «обучающейся без учителя», а Д. Маккарти впервые употребил термин «искусственный интеллект». Активно развиваются такие направления теории и практики искусственного интеллекта, как представление знаний и моделирование рассуждений, приобретение знаний, машинное обучение и автоматическое порождение гипотез, интеллектуальный анализ данных и обработка образной информации и т.д. В последнее время широкое распространение получила такая «гибридная» наука, как **философия искусственного интеллекта**, имеющая своей целью изучение «мышления машин», в том числе и с этической стороны. Сейчас несколько расширилась область интересов теории искусственного интеллекта: в неё попали и другие

интеллектуальные искусственные системы (системы поиска и обработки информации), появлению которых во многом способствовало развитие Интернета.

При всей значимости упомянутых наук в деле изучения когниции следует отметить особую роль в нём **КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (ЛИНГВОКОГНИТОЛОГИИ, ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОГНИТОЛОГИИ)** – лингвистического направления, «в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Краткий словарь 1996, с. 53]. Е.С. Кубрякова вполне обоснованно считает, что когнитивная лингвистика входит «в число системообразующих когнитивную науку дисциплин» [Кубрякова 2004, с. 3]. Это обусловлено двумя причинами.

1. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «когниция неразрывно связана с языком, поскольку именно на языке мы, в основном, передаём накопленные опыт и знания, обмениваемся информацией, можем рассуждать о самих познавательных процессах и их результатах» [Болдырев 2001, с. 8]. О том же пишет Е.И. Голованова: «Отличительной чертой когнитивизма как новой научной парадигмы является понимание особой роли лингвистики, что обусловлено новой оценкой роли языка во всей речемыслительной деятельности человека. Язык, по мнению когнитологов, обеспечивает лучший доступ ко многим непосредственно не наблюдаемым процессам мыслительного, познавательного характера, процессам концептуализации и категоризации мира» [4, с. 9]. Именно поэтому все упомянутые выше науки вынуждены не просто использовать язык в качестве основного источника сведений о процессах когниции, но и строить свои изыскания на данных, полученных при изучении особенностей категоризации и концептуализации реальности в языковых структурах, то есть использовать результаты когнитологического изучения языка.

2. Важной для определения места языка в процессах когниции является его трактовка В. фон Гумбольдтом как «мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 1984, с. 304], в которой представлено предположение о существовании организованного языком мира событий, то есть о существовании перформативного лингвального бытия социума и субъекта. Этот тезис позволяет трактовать соотношение языка и реальности двояко. Во-первых, структура языка определяет мышление и способ познания реальности: мы видим мир в первую очередь так, как принуждает его видеть наш язык. Во-вторых, если исходить из этого положения, допустимо предположить репрезентацию в языке двух миров – **онтологического**, референтного, то есть мира внеязыковых сущностей и событий, протоколируемых в языковых структурах, и **лингвального**, то есть мира, созданного в сознании человека языком. Другими словами, можно говорить не только о том, что язык определяет мышление, но и о том, что мир, созданный языком, является миром нашего

человеческого существования. Наше поведение обусловлено законами этого мира, хотя и имеет в то же время онтологические рамки. Например, наше настоящее, в сущности, является не мимолётным мигом физиологического самоощущения, а некоторым временным промежутком, определяемым формой настоящего времени глагола, употребление которой позволяет нам ощущать настоящее в онтологическом прошлом и будущем. Так, предложение *Я работаю в Донецком университете* формирует осознание настоящего не только как совпадающего с моментом речи, но и вбирающего в себя весь срок моей службы, начиная с дня подписания мною контракта с руководством вуза. В связи с этим справедливым представляется мнение Ю.М. Лотмана о том, что «язык всей своей системой настолько связан с жизнью, копирует её, входит в неё, что человек перестаёт различать предмет от названия, пласт действительности от пласта её отражения в языке» [Лотман 1994, с. 69]. Учёт вышесказанного позволяет внести некоторые коррективы в схему номинации. Эта схема, изначально определявшаяся как дихотомия (реальность → язык), представляется нам в виде трихотомии (**онтологическая реальность** → **язык** → **лингвальная реальность**). При этом именно лингвальная реальность становится главным конструктором человеческого бытия. Как писал В. фон Гумбольдт, «человек думает, чувствует и живет только в языке» [Гумбольдт 1984, с. 378].

Таким образом, когнитивная лингвистика изучает не только особенности воплощённой в языке когниции, но и саму организацию человеческой жизни, его лингвальное бытие, определённое ментальной рамкой нашего языка.

1.3 Предмет, цель, задачи и основные принципы когнитивной лингвистики

Объектом изучения когнитивной лингвистики, как и любой другой из лингвистических наук, является язык. В качестве **предмета** же, как это было показано выше, выступает язык как когнитивный феномен, как средство познания и восприятия мира и вследствие этого – как инструмент создания лингвальной реальности человеческого бытия.

Когнитивная лингвистика состоит из целого ряда разделов, в каждом из которых уточняется предмет рассмотрения. К основным разделам лингвистической когнитологии относятся:

1) **Концептология** – учение о концептах, «представляющих собою сущности общенародного подсознательного, выраженного вербально, в словах и грамматических формах родного языка» [Колесов 2016, с. 5].

2) **Когнитивная семантика** – раздел когнитивной лингвистики, изучающий взаимоотношения знаний и языковых структур (в основном, лексических и лексико-грамматических).

3) **Когнитивная грамматика** – раздел когнитивной лингвистики, особенности воплощения когнитивных процессов и явлений в грамматической системе языка.

Цель когнитивной лингвистики – определить статус и формы участия языка в когнитивных процессах.

У лингвокогнитивных исследований много **задач**. К основным задачам когнитивной лингвистики относятся следующие:

- 1) определить роль языка в процессах познания и осмысления мира.
- 2) охарактеризовать человека как языковую личность.
- 3) выявить особенности взаимосвязи концептуальных и языковых структур.
- 4) установить и описать средства и способы языковой категоризации и концептуализации реальности.
- 5) описать, каким образом формируются концептосфера языка и языковая картина мира.

Для дальнейшего повествования важно определить основные **принципы** исследований в области когнитивной лингвистики, которые сообразуются с указанными выше задачами. На наш взгляд, наиболее полно система этих принципов изложена Т.Г. Скребцовой, которая, предваряя её описание, отмечает: «Когнитивная лингвистика достаточно разнородна, что затрудняет выделение особенностей, единых для всех соответствующих концепций. Скорее, можно говорить о некоторых основополагающих принципах, которые неоднократно заявлялись и обсуждались в трудах классиков данного направления. Эти принципы носят достаточно общий характер, будучи обусловлены идеями когнитивизма и/или характерными <...> чертами современной лингвистики» [Скребцова 2011, с. 26]. Основными учёный считает следующие принципы (см. [Скребцова 2011, с. 26–29]).

1. **Антропоцентризм**, который, в отличие от традиционного для лингвистики **системоцентризма**, настроенного на изучение языка как автономной системы, предполагает, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчёта в анализе тех или иных явлений, что он вовлечён в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели. В лингвистике антропоцентрический принцип связан с попыткой рассмотреть языковые явления в связи “язык и человек”» [Кубрякова 1995, с. 212]

2. **Принцип открытости** или, в терминологии Н.Н. Болдырева, **принцип междисциплинарности**, предполагающий использование в качестве средств лингвистических исследований открытий других наук, в частности – психологии, культурологии (антропологии), истории и т.д.

3. **Признание главенствующей роли физического опыта взаимодействия человека с миром** в организации его когнитивной системы: языковая картина мира, лингвальный мир формируются в нашем сознании не

а priori, а в результате постоянного взаимодействия с реальностью и поэтому являются индивидуальными, но находящимися в ментальных рамках общезыковых процессов и явлений. Это мотивирует следующий принцип.

4. **Определение языковой способности как реализации общих когнитивных механизмов:** «Языковая способность считается проявлением общих когнитивных механизмов, следовательно, через посредство языка можно изучать человека — его мышление, память, познавательные процессы и т.д.» [Скребцова 2011, с. 26].

5. **Признание органической взаимосвязи языковой способности и психики человека,** в силу чего «лингвистический анализ не ограничивается описанием языкового поведения, но распространяется и на соответствующие ментальные состояния и процессы» [Скребцова 2011, с. 26].

6. **Принцип субъективности исследования,** предполагающий, что «адекватный анализ значения языкового выражения невозможен без привлечения экстралингвистической информации, включающей в идеале широкий круг сведений об участниках коммуникации (социальные характеристики, психологические особенности, коммуникативные цели, фоновые знания, прошлый опыт и др.) и ситуации общения (место, время и обстановка, тип речевого события, статусно-ролевые характеристики участников, уровень официальности и т. д.). Вся эта информация образует контекст, и чем он обширнее, тем достовернее интерпретация текста» [Скребцова 2011, с. 26].

7. **Принцип экспланаторности:** переход от описания «как-языка» к описанию «почему-языка». В отличие от системоцентрической лингвистики, считающей своей задачей описать то, **как** устроен язык, когнитивная лингвистика ставит перед собой задачу объяснить, **почему** именно так устроен язык: «когнитивисты стремятся предложить интерпретацию как можно большему числу языковых форм, так как убеждены, что они (языковые формы) мотивированы тем, как человек понимает окружающий мир» [Скребцова 2011, с. 28–29].

8. **Холистический (целостный) принцип** описания языковой способности и процессов восприятия и порождения текстов, предполагающий невозможность точного описания языка путём разделения его на исследовательские модули: языковая единица получает адекватную дефиницию только в результате одновременного рассмотрения её со всех возможных точек зрения.

9. **Функционализм,** предполагающий изучения не языковой компетенции, а особенностей употребления языка – «языка в действии».

10. **Текстоцентризм,** тесно связанный с предыдущим принципом и предполагающий, что «все языковые реалии приобретают истинный смысл только в тексте. Без указания на то, как та или иная языковая единица или категория участвует в создании определённого типа текста, представление о языке будет неполным» [Демьянков 1985, с. 73]

11. Семантикоцентризм, основанный на представлении о непосредственной связи содержательной стороны языка с познавательной деятельностью человека и предписывающий исследование языка ономасиологически – от значения к знаку.

1.4 Общие сведения об истории возникновения и становления когнитивной лингвистики

Возникновение когнитивной лингвистики связывают с Международным лингвистическим симпозиумом, прошедшим в 1989 г. в Дуйсбурге (Германия), который его участники переименовали в Первую международную конференцию по когнитивной лингвистике. На симпозиуме (конференции) была создана Международная ассоциация когнитивной лингвистики (International Cognitive Linguistics Association), основан журнал *Cognitive Linguistics* и задумана серия монографий *Cognitive Linguistics Research*, в которой впоследствии публиковались труды выдающихся представителей этого направления. Правда, термин «когнитивная лингвистика» (вернее, когнитивная грамматика, который среди американских лингвистов является более распространённым для обозначения данного направления исследований) впервые был употреблён значительно раньше – в статье Дж. Лакоффа и Г. Томпсона «Представляем когнитивную грамматику». В 1987 г. были опубликованы первый том «Оснований когнитивной грамматики» Р. Лэнакера (второй – в 1991 г.), а также этапные для данного направления книги «Женщины, огонь и опасные предметы» Дж. Лакоффа и «Тело в мышлении» (англ. «The Body in the Mind») М. Джонсона.

Важным этапом в развитии когнитивной грамматики были статьи Л. Талми 1980-х годов, Ч. Филлмора и У. Чейфа. Дж. Лакоффа, Р. Лэнакера (Лангакера), Т. ван Дейка (Нидерланды), Дж. Хэймана (Канада) и др.

В Европе когнитивная лингвистика стала распространяться в середине 1990-х годов, когда вышли первые учебники по когнитивной лингвистике: Ф. Унгерер и Х.-Й. Шмидт «Введение в когнитивную лингвистику» (1996) и Б. Хайне «Когнитивные основания грамматики» (1997).

В Советском Союзе о когнитивной грамматике в 1985 г. впервые было сообщено в обзоре В.И. Герасимова. Он отметил важную роль в становлении науки таких направлений и программ исследования, как психосемантика У. Чейфа, процедурная семантика Т. Винограда, когнитивная теория употребления языка Т. ван Дейка и др. Эти исследования и стали отправной точкой для развития отечественной когнитивной лингвистики. Для её формирования важную роль сыграли также русские переводы книг Т. Винограда «Программа, понимающая естественный язык» и Р. Шенка и др. «Обработка концептуальной информации», а также XXIII том «Нового в зарубежной лингвистике», посвящённый когнитивным аспектам языка. В 1995 г. был издан сборник переводов «Язык и интеллект».

В России предпосылки формирования когнитивной лингвистики существовали ещё в первой половине XX века: в работах Л.В. Щербы, Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина и многих других рассматриваются проблемы соотношения языка и мышления, традиции в изучении психологии речи. Значительный вклад в развитие отечественной когнитивной лингвистики внесли также работы русских учёных – представителей ономаσιологического направления (В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, А.А. Уфимцева, Г.В. Колшанский), а также работы по языковым картинам мира и проблемам категоризации мира (Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева, Е.С. Яковлева и др.).

Очень важна для российской когнитивной лингвистики работа Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» (1997 г.), в которой были систематизированы ценности русской культуры, заложенные в концептах (константах культуры), такие, как «Правда», «Закон», «Любовь», «Слово», «Душа», «Грех», «Наука», «Интеллигенция», «Огонь», «Вода», «Хлеб», «Письменность», «Число», «Время», «Родная земля», «Дом», «Язык» и др. Обобщающим трудом в отечественной когнитивной лингвистике является «Краткий словарь когнитивных терминов», вышедший под редакцией Е.С. Кубряковой (1997 г.), в котором собраны и систематизированы ключевые понятия общей когнитологии и когнитивной лингвистики.

Сейчас можно говорить о формировании российских школ лингвокогнитологии: московской (Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.А. Виноградов, В.З. Демьянков, Б.Н. Караулов, А.Д. Шмелёв и др.), тамбовской (Н.Н. Болдырев, А.Л. Шарандин, А.С. Щербак и др.), санкт-петербургской (В.В. Колесов, Т.Г. Скребцова, И.А. Кобрин и др.), воронежской (А.П. Бабушкин, И.А. Стернин, З.П. Попова), волгоградско-краснодарской (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин), кемеровской (М.В. Пименова, Е.Н. Пименов, Н.Д. Голев), белгородской (Н.М. Алиференко, Г.М. Шпицына, И.И. Чумак-Жунь), уральской (А.П. Чудинов, Л.Г. Бабенко, А.М. Плотникова) и др.

1.5 Постулаты когнитивной лингвистики

За годы своего становления когнитивная лингвистика выработала ряд основных постулатов когнитивного исследования языка. Под постулатом понимается «положение (суждение, утверждение), принимаемое в рамках какой-либо научной теории за истинное в силу очевидности и поэтому играющее в данной теории роль аксиомы» [Философский энциклопедический, с. 517]. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский (см.: [Баранов, Добровольский 1997]) выделяют семь постулатов лингвокогнитологии.

1. Постулат о примате когнитивного: за значениями слов, грамматических категорий, синтаксических структур, стилей и регистров речи стоят когнитивные структуры. Данный постулат предполагает, что «реальное объяснение функционирования языка можно получить только при обращении

к когнитивным структурам» [Баранов, Добровольский 1997, с. 14]. Например, объяснение того, почему в русском языке слова *мертвец* и *покойник* относятся к одушевлённым, можно сделать только на основе когнитивного принципа мифа и поверья: слово *мертвец* связывается с неуспокоенным духом, не могущим по каким-то причинам перейти в мир иной, а *покойник* – с душой, которая сорок дней после смерти находится среди людей.

2. Постулат о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания: когнитивная лингвистика предполагает необходимость при описании значений языковых единиц и структур апеллировать ко всем видам знаний, связанных с данными единицами и структурами, не разделяя их на лингвистические и экстралингвистические. Как писала А. Вежбицкая, «Сама природа естественного языка такова, что он не отличает экстралингвистической реальности от психологической и от социального мира носителей языка» [Wierzbicka 2003, p. 16]. Например, для толкования значения слова *самолёт* одинаково важно и то, что это «летательный аппарат тяжелее воздуха с силовой установкой и крылом, создающим подъёмную силу», и то, что такие летательные аппараты могут быть турбовинтовыми, реактивными, бипланами, монопланами и т.д., поскольку каждая из этих характеристик может быть актуализирована в процессе использования указанной лексемы. В связи с этим в противоположность традиционным лингвистическим теориям, интерпретирующим понимание как универсальную категорию, когнитивная лингвистика говорит о неуниверсальности понимания, которое вполне очевидно зависит от «"фактора интереса" и устройства модели мира участников процесса коммуникации» [Баранов, Добровольский 1997, с. 16]: человек в процессе общения понимает только то, что соответствует его коммуникативным потребностям, и то, что не вступает в диссонанс с его знаниями о объектах, привязанными к используемым в процессе коммуникации единицам. Более того, его лингвальный мир образуется не «лингвистическими значениями» слов из толковых словарей, которые, в сущности, являются не значениями, а во многом упрощёнными толкованиями значений, а той информацией, которая на сознательном или бессознательном уровне связывается у него с теми или иными языковыми структурами.

3. Постулат о тенденции к экономии усилий: стремление к использованию минимального количества операций для структурирования языковой картины мира. В этом случае языковая система обеспечивает человека определённым количеством готовых интерпретационных языковых моделей, освобождая его от усилий по созданию новых операций и единиц. Язык в силу своей чёткой формально-семантической структурированности мотивирует формирование стереотипного, «ритуального» мышления и языкового поведения, поскольку «усилия экономятся только там, где проблемная область чётко структурирована, а поведение регламентировано. Фреймы и прототипы (воплощённые в языковых структурах – В.Т.) фактически представляют собой один из способов экономии усилий,

поскольку являются "идеализированными когнитивными моделями" и сводят практически любую уникальную ситуацию к стандарту, в котором воплощён предшествующий опыт человека» [Баранов, Добровольский 1997, с. 16].

4. Постулат о множественности воплощения когнитивных структур в языке. В языке отмечается так называемый асимметричный дуализм (С. Карцевский): одна и та же когнитивная структура может выражаться разными значениями одного слова (полисемия), значениями разных слов (синонимия и гиперо-гипонимия), словосочетаниями, грамматическими значениями и т.д., в которых могут реализоваться разные характеристики этой структуры. Например, значение прошедшего времени может выражаться лексически (*вчера, недавно*), грамматически (формами прошедшего времени глагола – *пришла, родилась*), фразеологически (*во время оно*) и т.д.

5. Постулат о неоднородности плана содержания языкового выражения: в плане содержания языковой единицы реализуются разные по своей природе семантические компоненты. Часто выделяют предметное значение, коннотативную, ассертивную и пресуппозиционную части, иллокутивную составляющую и т.д. При этом в разных условиях текстопорождения разные части значения по-разному актуализируются. В одних случаях наиболее важна предметная часть значения (*он лётчик* – обозначение референта), в других – коннотативная (*его нужно уважать – он такой лётчик!* – в значении «прекрасный специалист»), в третьих – пресуппозиционная (*что с него возьмешь, он же лётчик* – с пресуппозицией «человек, постоянно проводящий время вне дома – в полётах») и т.д.

6. Постулат о множественности семантического описания: неоднородность значения предопределяет его исследование с разных точек зрения, что предполагает необходимость использования при исследовании семантики разных метаязыков: изучение предметной части значения требует иного набора операторов, нежели, например, изучение его коннотативной части.

7. Постулат о значимости нестандартных употреблений: очень часто языковые единицы используются в речи с отступлениями от норм функционирования языковой системы. Сюда следует отнести случаи языковой игры, нарушения правил коммуникации, стилистические ошибки и т.п. Для когнитивной лингвистики такие ситуации являются значимыми, в отличие от традиционных исследований, относящих их к зоне языковой маргинальности: лингвокогнитология определяет их как «специфические операции над знаниями», изучение которых «может способствовать выявлению тех компонентов плана содержания высказывания, которые обычно исключались из рассмотрения» [Баранов, Добровольский 1997, с. 19].

Контрольные вопросы

1. Что такое когниция?
2. Что собой представляет когнитивизм как научное направление?
3. Чем различаются ментальность и менталитет?

4. Что такое когнитология?
5. Каковы предмет, цель и задачи когнитологии?
6. Какие науки включены в структуру когнитологии?
7. Что такое когнитивная лингвистика?
8. Определите объект, предмет, цель и задачи когнитивной лингвистики.
9. Какова роль когнитивной лингвистики в структуре когнитологии?
10. Опишите основные принципы когнитивной лингвистики.
11. Опишите основные этапы развития когнитивной лингвистики.
12. Опишите базовые постулаты когнитивной лингвистики.

ГЛАВА 2. КОНЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ

2.1. Понятие о концептуализации и категоризации.

Основным предметом исследований когнитивной лингвистики являются процессы категоризации и концептуализации. Все остальные предметы исследования лингвокогнитологии так или иначе основываются на теоретических выводах, полученных в результате интерпретации указанных процессов. Как пишет Е.С. Кубрякова, «вопросы о концептуализации и категоризации мира – это ключевые проблемы когнитивной науки, а позднее и когнитивной лингвистики» [Кубрякова 2004, с. 306].

Под **концептуализацией** понимается интенциональный процесс: это «осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определённых представлений о мире в виде концептов (т.е. фиксированных в сознании человека смыслов), например: концепт дома, времени, пространства, вечности, движения и т.д.» [Болдырев 2001, с. 22]. Другими словами, это накопление знаний о некоторых классах элементов (категориях), формирующее **концепты**² – «кванты знаний».

Концептуализация опирается на **категоризацию**, понимающуюся как экстенциональное «когнитивное расчленение реальности, сущность которой заключается в делении всего онтологического пространства на различные категориальные области. Это структурирование мира, акт отнесения слова/объекта к той или иной группе, способ установления иерархических отношений типа «класс – член класса» [Маслова 2016, с. 15]. В результате категоризации возникает **категория**, то есть осознание совокупности элементов как принадлежащих к одному классу. Как утверждает Н.Н. Болдырев, «многие проблемы, которые приходится решать когнитивной лингвистике на современном этапе её развития, связаны с изучением языковых способов и механизмов представления знаний. Особое внимание при этом уделяется языковым категориальным системам» [Болдырев 2010, с. 45]. На особую значимость указанного процесса для лингвистических исследований указывали В.И. Заботкина и Е.Л. Боярская: «Изучение процесса категоризации важно для любого лингвистического исследования, так как этот процесс лежит в основе использования языка в целом» [Заботкина 2010, с. 60].

Необходимо отметить, что возможность категоризации обеспечена языковым знаком. Для того чтобы прототип (источник категоризации) мог собрать вокруг себя некоторые объекты на основе так называемого «фамильного сходства» (см. о прототипах и «фамильном сходстве» главу 3), он должен быть выделен из континуума реальности языковым знаком, становящимся «вехой» категоризации: «В принципе, можно с полным на то

² О концептах речь пойдёт в главе 3.

основанием утверждать, что вся деятельность по категоризации мира, то есть по распределению по особым группировкам, классам и т.п. – по категориям, носит всегда в конечном счёте языковой характер» [Кубрякова 2010, с. 14].

Категория и концепт являются разными сторонами одной когнитивной структуры. При этом категория формирует её экстенциональную часть (объём, совокупность входящих в неё объектов), а концепт – интенциональную (содержание, знание об объектах, входящих в категорию, способах их номинации). Например, когнитивная структура «птица» **обозначается** знаком *птица* и формируется категорией «птица», к которой относятся воробьи, вороны, малиновки, голуби. При этом с категорией «птица» связан интенционал – концепт «птица», представляющий собой совокупность знаний о птицах: наличие у них оперения и крыльев, клюва, умение летать и т.д.

Конечно же, категоризация и концептуализация индивидуальны (принцип субъективности): для каждого человека формируются свои когнитивные структуры, содержание и объём которых зависят от его личного опыта, однако всякая индивидуальность, сообразно принципу экономии усилий, создаётся в рамках определённых языком и культурой коллектива, в котором он воспитывался, устоявшихся схем и моделей категоризации и концептуализации. Поэтому мы и можем говорить о существовании общих закономерностей формирования концептов и категорий: «Несмотря на то, что знания о мире специфичны у каждого человека, основные познавательные процессы концептуализации (осмысления и закрепления результатов познания в виде единиц знания – концептов) и категоризации (отнесение их к определённым рубрикам опыта – категориям) обнаруживают общие закономерности» [Болдырев 2010, с. 45].

Взаимодействие процессов категоризации и концептуализации можно представить следующим образом. 1. Источником формирования категорий и концептов является прототип. 2. Для того чтобы прототип стал отправной точкой категоризации и концептуализации, он должен быть номинирован, то есть обозначен языковым знаком, который вносит его в «реестр памяти». 3. Номинация позволяет осуществить первичную концептуализацию, заключающуюся в сохранении в сознании привязанного к знаку образа прототипа. 4. На основе «прототипа – знака – первичного концепта» по принципу «фамильного сходства» осуществляется категоризация – сбор объектов вокруг прототипа в единую категорию. 5. Формирование категории сопровождается накоплением знаний о ней – концептуализацией, приводящей к формированию концепта.

2.2. Объективистский и экспериенциальный подходы к описанию языка

Особенности когнитивного подхода к категоризации, который определяется как **экспериенциальный**, и его отличия от традиционного подхода, называемого **объективистским**, изложены в работе Дж. Лакоффа

«Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении» [Лакофф 2004].

Объективистский подход является философским и ведёт своё начало от трактатов Аристотеля. Он всё ещё наиболее распространён в науке, хотя, как утверждает Дж. Лакофф, существует «огромное количество противоречащих ему эмпирических данных» [Лакофф 2004, с. 10]. Лежащее в основе объективистского подхода «рациональное мышление состоит в оперировании абстрактными символами и <...> эти символы получают значение через соотношение с миром, трактуемым объективно, то есть вне связи с его отражением и интерпретацией каким-либо живым существом. Набор символов, поставленных в соответствие с объективно структурированным миром, рассматривается как репрезентация реальности. С объективистской точки зрения, рациональное мышление целиком заключается в оперировании абстрактными символами, получающими своё значение через условные соотношения с вещами во внешнем мире» [Лакофф 2004, с. 10]. Иначе говоря, для объективистского подхода категории существуют объективно и навязываются человеку миром, возможно, через посредство языка. Объективистская теория категоризации реализована в концепции божественного происхождения категорий Платона, в теории абсолютной идеи Г.В.Ф. Гегеля, в теории логических суждений И. Канта, в учении о врождённых категориях Н. Хомского и С. Пинкера, в учении об отражении при категоризации реального мира в его устойчивых признаках Б. Рассела. Как отмечает Дж. Лакофф, «сказать, что классические категории существуют вне каких-либо существ или умов, значит сказать, что существует трансцендентная логика вселенной, рациональность, которая выходит за пределы любого существа или любого ума» [Лакофф 2004, с. 458]. Можно ли с этим согласиться?

Описывая недостатки объективистской теории категоризации, Э. Рош, по свидетельству Дж. Лакоффа, обратила внимание на два её положения, не находящих подтверждения в реальных процессах формирования классов: «Во-первых, если категории определяются только посредством признаков, которые имеют все члены категории, то ни один член не может быть лучшим примером категории, чем другие. Во-вторых, если категории определяются только по признакам, внутренне присущим их членам, категории должны быть независимы от особенностей существа, производящего категоризацию, то есть они не должны учитывать такие вещи, как человеческая нейропсихология, движения человеческого тела и специфические человеческие способности восприятия, формирования мысленных образов, изучения и запоминания~ систематизации изученного и эффективной коммуникации» [Лакофф 2004, с. 21–22].

Исследования же учёного показали, что, во-первых, в сознании людей категории объединяют не равноправные элементы, а имеют «лучших представителей», называемых прототипами, представителей, относящихся к прицентральной зоне и к периферии, а во-вторых, важную роль в

категоризации, а также в определении прототипов играют все перечисленные выше индивидуальные условия категоризации – способности индивидуального «категоризатора».

В противовес объективистской экспериенциальная теория, основывающаяся на теоретических положениях «Философских исследований» Л. Витгенштейна и теории прототипов и категорий базового уровня Э. Рош, выдвигает идею «чувственного опыта» как источника формирования категорий. Схема категоризации представляется в экспериенциальной теории следующим образом.

1. Существуют некоторые прототипы, которые воспринимаются человеком как «лучшие образцы» категории и поэтому становятся источником категоризации. Например, прототипом для формирования в сознании конкретного человека категории «собака» является то животное, которое было названо при нём *собакой*, и это название было осознано им как наименование этой собаки. Обычно это либо дворняга, либо домашний питомец.

2. Человек объединяет в категорию различные объекты по описанному Л. Витгенштейном принципу «фамильного сходства», причём это «фамильное сходство» полностью зависит от нашего видения реальности: «Вместо того чтобы выявлять то общее, что свойственно всему, называемому языком, я говорю: во всех этих явлениях нет какой-то одной общей черты, из-за которой мы применяли к ним всем одинаковое слово. Но они родственны друг другу многообразными способами» [Витгенштейн 1994, с. 110]. Мы можем внести в категорию и те объекты, которые при научном (понятийном) подходе не могут связаны с данной категорией, например, волка в категорию «собака», арбуз в категорию «фрукт» и т.д. В категорию «стол» может войти как предмет мебели (письменный стол, например), так и подстилка на пикнике, на которой разложена еда и т.д.

3. Как выбор прототипа, так и определение фамильного сходства зависимы от индивида. При этом «навыки» этого индивида формируются окружением, в котором происходит его воспитание, и его личным опытом. Иначе говоря, главным субъектом категоризации и концептуализации является языковая личность, в сознании которой сосуществуют общее – определённое языковым сообществом, в котором человек впитывает язык по ближайшим речевым образцам (речь родителей, друзей, учителей, книги и т.д.), и индивидуальное – общее, преломлённое через личный опыт.

Именно понятия «личность», «прототип» и «фамильное сходство» являются базовыми для когнитивистики в целом и когнитивной лингвистики в частности и формируют когнитивный подход к описанию языка.

2.3. Понятие о языковой личности.

Для антропоцентрического экспериенциального подхода, который, как это было показано выше, является основополагающим для когнитивистики и когнитивной лингвистики, личность является: а) субъектом категоризации и

концептуализации, зависящих от его опыта, и в силу этого – б) своего рода «вместилищем» объекта описания когнитивной лингвистики – языка как когнитивной сущности. В связи с этим необходимо дать общие характеристики человека говорящего – языковой личности.

Личность – это человек как субъект социальных отношений и сознательной деятельности, существующий одновременно в двух взаимосвязанных аспектах – индивидуальном, как отдельный представитель человеческого сообщества, и в социальном – как субъект взаимодействия с окружающими его коллективами. Мы не рождаемся личностью, а становимся ею в процессе познания, обучения, освоения правил поведения в нормативных ситуациях, то есть в процессе **социализации**.

Личность может рассматриваться с разных сторон – с психологической, социальной, исторической и т.д. Для нужд когнитивной лингвистики наиболее важен языковой аспект существования личности.

Идея личности, для которой язык является «органом внутреннего бытия», впервые была высказана В. Фон Гумбольдтом [Гумбольдт 1984], писавшим о человеке говорящем, с одной стороны, как о представителе рода *homo sapiens*, умеющем соединять мысль со звуком и использовать результаты этой деятельности духа для общения, а с другой, – как о национальной языковой личности, то есть о носителе языка – представителе своего народа. О том, что личность является единственным объективным «пространством» существования языка (утверждение, по нашему мнению, явно экспериенциальное), писали И.А. Бодуэн де Куртенэ, отмечавший, что «человеческий язык, человеческая речь **существует только в мозгу, только в «душе» человека** (выделено нами – В.Т.), а основная жизнь языка заключается в ассоциации представлений в самых различных направлениях» [Бодуэн де Куртенэ 1987, с. 154], А.А. Шахматов, утверждавший, что реальностью обладает только речь индивида, а говор села или некоторой местности являются фикцией, научной абстракцией. Очень ёмко и точно выразился А. Мартине, по мнению которого язык – это в сущности «совокупность миллионов микромиров» [Мартине 2000: 18] говорящих на нём личностей.

Правда, каждый из этих микромиров существует в пределах некоторого лингвального единства, которое, собственно, и имеет статус социально-коммуникативной системы, идиома – языка, диалекта, социолекта и т.п.: «Индивидуальное сознание как высшая специфически человеческая форма психического отражения формируется, развивается в предметно-практической деятельности человека, в его общении с другими людьми. В такой трактовке индивидуальное сознание человека есть определённая проекция общественного» (И.А. Зимняя). Эта «проекция» обеспечивается в первую очередь наличием у различных личностей в данном идиоме общего набора фонетических, лексических, грамматических языковых средств, моделей и принципов их использования. Однако этого недостаточно: структурные языковые сущности являются только инфраструктурой единства.

Как писала В.В. Красных, «язык (как языковая компетенция) не сводим к ряду или к системе чисто формально лингвистических правил и категорий типа тех, с которыми мы имеем дело на уроке родного языка. Язык есть часть социальной памяти, совокупность значений (не языковых), составляющих ориентировочную основу деятельности (не только речевой, но и другой, например, познавательной) (А. Н. Леонтьев), поскольку речь по природе своей — "неинстинктивная, приобретенная", "культурная" функция (Э. Сепир)» [Красных 2001, с. 150-152]. Если бы язык существовал только на уровне языковых единиц и структур, он был бы всего лишь универсальным средством примитивного общения и не мог бы участвовать в формировании социальных институтов этноса – идеологии, культуры, науки. Для того чтобы язык стал таким, каким он видится нам, – «вместилищем» лингвального бытия индивида и этноса, необходимо, чтобы языковые знаки «обросли» некоторыми культурно значимыми смыслами, которые бы объединяли людей не только на уровне общения, но и на уровне восприятия мира, способствовали бы созданию поведенческих стереотипов, национального характера. Иначе говоря, язык должен впитать в себя то, что называется «национально-культурной спецификой речевого поведения», «которая складывается из системы факторов, обуславливающих отличия в организации, функциях и способе опосредования процессов общения, характерных для данной культурно-национальной общности (языкового коллектива)» [Леонтьев 1977, с. 8]. К данным факторам относятся:

- факторы, связанные с культурной традицией: разрешённые и запрещённые разновидности общения, стереотипные ситуации, традиции, ролевые и социально-символические особенности общения, организация текста;

- факторы, связанные с социальной ситуацией и социальными функциями общения (функциональные «подъязыки», функциональные стили, этикетные формы);

- этнопсихологические факторы, то есть особенности протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности (психолингвистическая организация речевой деятельности, номенклатура, функции и особенности протекания проксемических процессов, то есть процессов установления межличностного расстояния и паралингвистических процессов, сопровождающих речь – общих фонационных и кинесических действий);

- факторы денотации (система традиционных образов, сравнений, символических употреблений денотатов, кинесические средства);

- факторы, определяемые спецификой языка данной общности (система стереотипов, структура текстов, психолингвистическая организация речи) [Леонтьев 1977, с. 8–10].

Впервые языковая личность стала самостоятельным объектом научного рассмотрения в работе В.В. Виноградова «О художественной прозе», где описывается языковая личность писателя, в которой языковое начало

реализуется в наибольшей мере, поскольку познать автора мы можем только через текст его творения [Виноградов 1980].

Основные базовые идеи теории языковой личности высказаны в двух исследованиях: диссертации Г.И. Богина «Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов» [Богин 1983] и в монографии Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987], в первом из которых речь идёт о лингводидактическом аспекте существования человека говорящего, а во втором – собственно о лингвистическом с явным когнитивным уклоном, который и представляет для нас наибольший интерес.

Под языковой личностью Ю.Н. Караулов понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [Караулов 1989, с.3].

Учёным выделяется три уровня существования языковой личности:

1) вербально-семантический (структурно-системный) уровень (**лексикон**), понимаемый в широком смысле и «включающий фонд лексических и грамматических средств, использованных личностью при порождении ею достаточно представительного массива текстов, т.е. в дискурсе языковой личности, моделью которого может стать, например, совокупность текстов, продуцированных одним персонажем в художественном произведении» [Караулов 1987, с. 87]; именно этот уровень, как уже было сказано выше, объединяет языковых личностей в межличностные структуры – группы, этносы и т.д.;

2) лингвокогнитивный (**тезаурис**), «характеризующий свойственную ей (языковой личности – В.Т.) картину мира и воплощённый в её **тезаурисе**» [Караулов 1987, с. 87], в котором запечатлён «образ мира»; этот уровень «включает не просто знание языка в узком смысле слова, а аккумулирует знание носителя языка о мире, то есть фиксирует наивно-языковую картину мира» [Караулов 1999, с. 89];

3) мотивационный (**прагматикон**), «охватывающий коммуникативно-деятельностные потребности личности, движущие ею мотивы, установки и цели и резюмирующийся в наборе или сетке связанных с конкретными речевыми актами интенциональностей: надежд, желаний, страхов, любви, ненависти, симпатий и антипатий, сомнений, радостей, досады, раздражения, смущения, благодарности, враждебности, восхищения, уважения, стыда, удовольствия, удивления, веселости, разочарования» [Караулов 1987, с. 87]; иначе говоря, данный уровень «предполагает владение культурной базой, обеспечивающей реализацию коммуникативных потребностей личности» [Иванова 2004, с. 29], он «отражает культурный ценз носителя языка, то, что иными словами можно обозначить как культурность» [Иванова 2004, с. 29].

Каждый уровень языковой личности имеет свои единицы, специфические отношения между ними, их стереотипные объединения.

Вербально-семантический уровень – лексикон (нулевой уровень языковой личности):

а) единицы – номинативные единицы (слова, словосочетания, а в нашей концепции – номинатемы);

б) отношения – всё разнообразие лексико- и грамматико-парадигматических, мотивационных, семантико-синтаксических и ассоциативных отношений, которые формируют вербально-грамматическую сеть личности;

в) объединения – лексико-семантические, грамматические и т.п. поля, группы, категории и т.п.

Лингво-когнитивный уровень – тезаурус (базовый уровень языковой личности):

а) единицы – категории и концепты;

б) отношения – упорядоченная иерархически организованная система концептов, отражающая в языковых знаках структуру мира и базирующаяся на отношениях фамильного сходства;

в) объединения – концептополя, концептосфера и т.п.

Языковая личность начинается с лингво-когнитивного (тезаурального) уровня: на нём осуществляется индивидуальный выбор, личностное предпочтение – пусть и лингвистически и социально обусловленное – прототипов, создание категорий и концептов: единицы, отношения и объединения лексикона выступают в качестве некоторой инфраструктурной данности, которую личность не в состоянии значимо изменить, а индивидуальность, субъективность проявляет себя в способах категоризации и концептуализации лингвальной реальности, да и то только двигаясь в рамках, определённых языком, языковым окружением, опытом.

Высший, мотивационный уровень – прагматикон (итоговый уровень языковой личности):

а) единицы – коммуникативно-деятельностные средства и нормы, используемые личностью, которые реализуются в трёх базовых тактиках – контактоустанавливающей, информационной и воздействия, а также «стереотипы текстовых преобразований, или способы представления и оперирования прецедентными текстами данной культуры» [Караулов 1987, с. 91];

б) отношения – поведенческие сценарии личности;

в) структуры – речевые жанры, определяемые как «единица речи, представляющая собой типовую модель, объединённую единством цели, темы и композиции, воплощённую в одном или множестве текстов, реализованную с помощью вербальных и невербальных средств и состоящую из одного или нескольких речевых актов» [Косицкая 2005, с. 57], языковая картина мира.

В концепции Ю.Н. Караулова языковая личность представляет собой комплексное единство инвариантной, то есть ядерной части, и изменяющейся, вариативной части [Караулов 1987, с. 40]. Таким образом, при объективно существующей индивидуальной языковой личности, объединяющей в себе инвариантное и вариантное, инвариантная часть объединяет индивидуальные языковые личности в некоторые личностные типы, что позволяет говорить, например, о национальной языковой личности (или национальном типе языковой личности) как об объединении инвариантных признаков лексикона, тезауруса и прагматикона, характерных для всех представителей одной нации, например о русской языковой личности, профессиональной языковой личности как об объединении инвариантных признаков лексикона, тезауруса и прагматикона представителей одной профессии и т.д. Иначе говоря, следует говорить о языковой личности как об индивиде и о типе языковой личности как о языковом сообществе, объединяющем языковые личности по некоторым инвариантным признакам лексикона, тезауруса и прагматикона.

Языковая личность – многомерное явление, реализующееся как иерархически организованная система личностных феноменов. Вслед за В.В. Красных [Красных 2001] можно выделить следующие аспекты существования языковой личности:

1) **Homo loquens** (суперординатная категория) – «человек говорящий»: общее наименование, обозначающее «личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (охватывающая как процесс порождения, так и процесс восприятия речевых произведений)», то есть личность, обладающая языковой способностью;

2) собственно **языковая личность** (базовая категория / суперординатная категория) – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определённой совокупностью языковых навыков, знаний и представлений;

3) **речевая личность** (базовая категория / суперординатная категория) – личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических);

4) **коммуникативная личность** (субординатная категория) – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации [Красных 2001, с. 151].

Контрольные вопросы

1. Что такое концептуализация?
2. Что такое категоризация?
3. Какова роль языковых структур в процессах категоризации и концептуализации?
4. Каково соотношение субъективных и объективных факторов в процессах концептуализации и категоризации?

5. Опишите взаимодействие процессов концептуализации и категоризации.
6. В чём состоит сущность объективистского подхода к трактовке концептов и категорий?
7. Какие недостатки объективистского подхода описывает Э.Рош?
8. В чём состоит сущность экспериенциального подхода к трактовке концептов и категорий?
9. Как определяются личность и языковая личность?
10. Как осуществляется социализация языковой личности?
11. Опишите структуру языковой личности.
12. Что такое лексикон языковой личности, какие единицы, отношения и объединения его формируют?
13. Что такое тезаурус языковой личности, какие единицы, отношения и объединения его формируют?
14. Что такое прагматикон языковой личности, какие единицы, отношения и объединения его формируют?
15. Какие типы языковой личности вы знаете?

ГЛАВА 3. КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИИ

3.1. Теория прототипов.

В основе когнитивистики и когнитивной лингвистики, как было сказано выше, лежит теория прототипов, которая, собственно, является краеугольным камнем экспериенциальной теории. Её особенности были показаны Дж. Лакоффом на примере анализа Р.М.В. Диксоном категорий языка австралийских аборигенов дьирбал, в котором выделяется четыре грамматических класса:

(I) **bayi**: мужчины, кенгуру, опоссумы, летучие мыши, большая часть змей, большая часть рыб, некоторые птицы, большая часть насекомых, луна, грозы, радуги, бумеранги, некоторые типы копий и т. д.

(II) **balan**: женщины, бандикуты (сумчатые барсуки), собаки, утконосы, ехидна, некоторые змеи, некоторые рыбы, большая часть птиц, светлячки, скорпионы, сверчки, волосатый червь, все, связанное с водой или огнем, солнцем и звездами, щиты, некоторые типы копий, некоторые деревья и т. д.

(III) **balam**: все съедобные фрукты и растения, на которых они произрастают, клубни, папоротники, мед, сигареты, вино, лепешки

(IV) **bala**: части тела, мясо, пчелы, ветер, заостренные палки, некоторые типы копий, большая часть деревьев, трава, грязь, камни, звуки, язык и т. д.

Анализ процессов категоризации в языке дьирбал позволил учёному выделить прототипы, то есть центральные элементы, указанных классов, на основе которых и осуществлялась категоризация по принципу фамильного сходства:

(I) **bayi**: (человеческие) особи мужского пола; животные

(II) **balan**: (человеческие) особи женского пола; вода; огонь; битва

(III) **balam**: вегетарианская пища

(IV) **bala**: все существительные, не вошедшие в три первых класса.

Р.М.В. Диксон на основе проведённого анализа пришёл к констатации следующих формирующих их признаков.

1. **Центральность.** В каждой категории есть, с одной стороны, центральные элементы (собственно, прототипы), а с другой – менее центральные (напрямую связанные с прототипами) и периферийные (находящиеся на границе категорий) элементы, отнесение которых к категории обусловлено их фамильным сходством с прототипами. Например, центральными членами категории **bayi** являются мужчины, менее центральными – животные, а периферийными – радуга, бумеранги и т.д.

2. **Цепочечная связь.** Прототипы последовательно связываются с менее центральными членами категорий, которые, в свою очередь, связываются с периферийными элементами. Например, женщины, как прототипы категории **balan**, связываются с солнцем (менее центральный член категории), поскольку

в мифологии дьирбал солнце является женщиной – женой Луны, Солнце может стать причиной ожога, что становится основанием для введения в категорию *balan* волосатого червя (периферийный член категории, находящийся на границе между категориями *balan* и *baui*, поскольку может быть отнесён также к животным), так как он тоже оставляет ожог наподобие солнечного.

3. **Сферы опыта.** В каждой культуре есть определённые сферы деятельности человека, которые мотивируют формирование цепочечной связи между компонентами категорий. Например, мужчины (прототипы) в категории *baui* связаны с животными (менее центральные члены), поскольку они занимаются охотой, а следовательно, используют бумеранги (периферийные члены), находящиеся на границе между категориями *baui* и *bala*, но относящиеся по принципу сферы опыта к *baui*.

4. **Идеальные модели:** «Существуют идеальные модели мира (в их число входят мифы и различные поверья), которые также могут задавать связи в категориальных цепочках» [Лакофф 1988, с. 16]. Например, в мифологии дьирбал луна и солнце являются мужем и женой, поэтому луна относится к классу *baui*, как и другие мужья-мужчины, а солнце — к классу *balan*, как и другие жены-женщины.

5. **Специфическое знание,** то есть знание, основывающееся на каких-то чертах, которые имеют бóльшую ценность для категоризации, чем общие (понятийные) признаки. Например, фрукты, мука, пирог (который делают из муки) относятся к классу *balan* – вегетарианская пицца. Вино может по разным признакам отнесено к классу *baui*, поскольку находится в сфере опыта мужчин, или к классу *balan*, поскольку сходно с водой. Но для категоризации в дьирбал важнее оказалось специфическое знание о том, что вино делают из фруктов, и это стало основанием для отнесения его к классу вегетарианской пищи.

6. **Прочее.** В каждой системе есть неклассифицируемые объекты, которые относятся к отдельному классу, в нашем случае – к классу *bala*.

7. **Отсутствие общих характеристик.** Цепочечная связь часто делает элементы категории не сводимыми к единой понятийной трактовке, то есть к такой трактовке, которая основывается на наличии у элементов общих существенных признаков. Нет, например, общих характеристик у женщины и солнца, у мужчины и бумеранга.

8. **Мотивация.** Сказанное выше делает классификацию объектов в дьирбал мотивированной, но не предсказуемой. Мы можем объяснить, почему, например, птицы, которые являются животными и поэтому должны относиться к классу *baui*, относятся к классу *balan*. Здесь вступает в силу принцип мифа и поверья: в мифологии дьирбал птицы считаются душами умерших женщин, и поэтому их отнесение к женскому классу вполне мотивировано, но вряд ли оно может считаться предсказуемым.

Итак, отправной точкой категоризации являются **прототипы**, то есть лучшие, центральные представители категории, выступающие в качестве

источника и образца для категоризации. Прототипы, несмотря на их субъективность, – каждый человек, в сущности, может иметь свои уникальные прототипы для той или иной категории – всё же, в подтверждение принципа экономии усилий, могут быть достаточно типичными: они часто единообразны для людей, принадлежащих к одной культуре, что обусловлено сходством житейского опыта этих людей и сходством «внешних влияний» – устойчивых стереотипов культуры, воспитания, литературы и т.д.

Можно выделить основные свойства прототипов, позволяющие им стать центрами категорий.

1) Прототипические объекты **чаще встречаются и используются** в окружении того, кто осуществляет категоризацию. Выбор прототипа территориально, ментально, культурно обусловлен. Иными словами, он продиктован социальными факторами, расположенными иерархично, но действующими обычно комплексно. Можно выделить общечеловеческие, национальные, групповые (половые, семейные, профессиональные) и индивидуальные стимулы выбора прототипа. Например, воробей или голубь являются прототипами для категории «птица» в русской городской лингвокультуре, поскольку это наиболее часто встречающиеся в городе птицы и их чаще всего используют в качестве примера для объяснения того, что такое птица. У северных народов в качестве прототипа, скорее всего, чаще будет выступать гагара или баклан, а у южных приморских – чайка. В русской лингвокультуре образцом учёного является чаще всего Д.И. Менделеев, а в американской – Никола Тесла и т.д.

2) То, что прототипы чаще встречаются, способствует тому, что они **легко запоминаются**, и это подтверждается хотя бы тем, что именно прототипы обычно быстрее вспоминаются в ситуациях, когда возникает необходимость привести пример какой-либо категории. Например, при анкетировании в ответ на вопрос «Кого из представителей русской культуры вы знаете?» обычно первым вспоминают А.С. Пушкина, который, очевидно, является прототипом для категории «представители русской культуры», а в ответ на просьбу «Назовите какие-либо фрукты» первым чаще всего называют яблоко, являющееся стереотипным прототипом для категории «фрукты».

3) В силу частоты использования прототипы **быстро распознаются**: носитель языка в городской лингвокультурной среде легко узнаёт воробья, но с трудом может определить, например, зяблика или сапсана.

4) Именно на основе прототипов **строятся умозаключения**, которые, кстати, способствуют формированию категорий. Например, умозаключение «воробей летает» становится основой для умозаключения «птица летает».

Следует уточнить, что категории формируются вокруг прототипов, но большинство из входящих в них элементов с прототипами не совпадают. Например, в категорию «птицы» входят не только воробьи, но и те птицы, которые не похожи на воробьёв, например орлы и колибри, те птицы, которые «не совсем птицы» – страус и пингвин, и те птицы, которые «совсем не птицы», например железные птицы – самолёты.

Дж. Лакофф предложил выделять семь базовых типов прототипов [Лакофф 1988, с. 34–36].

1. **Типичные примеры**, то есть, собственно, чаще встречающиеся в данной культуре «наглядные» объекты и процессы, воспринимаемые обычно целостно, гештальтно. Например, для русской лингвокультуры типичным примером фрукта является яблоко, а для американской – апельсин. Типичными инструментами для плотника являются пила и молоток, а для электрика – паяльник и вольтметр. Типичные примеры обычно используются при категоризации бессознательно и автоматически. Они также являются средством определения отношения факта к норме. Например, если какая-то собака не лает, мы воспринимаем это как отступление от нормы, поскольку типичная собака обладает типичным свойством – она должна лаять.

2. **Социальные стереотипы**, то есть устоявшиеся в обществе осознанные представления о базовых характеристиках типичного представителя категории. Например, в нашем сознании немцы педантичны, эстонцы – медлительны, а грузины – экспансивны и любят петь. Типичный муж – ленив и лежит на диване, типичная блондинка – глупа. Как пишет Дж. Лакофф, «социальные стереотипы чаще всего используются, чтобы делать быстрые суждения о людях. К ним прибегают также в рекламе и в большей части форм массовой литературы, в особенности в газетных статьях». Формирование социальных стереотипов – мощнейшая манипулятивная тактика.

3. **Идеалы**, то есть навязываемые лингвокультурой представления о характеристиках не столько типичных или стереотипных, сколько лучших образцов чего-либо. Например, идеальный муж не имеет вредных привычек, хорошо зарабатывает, заботится о семье и т.д. Идеальный работник никогда не опаздывает, всегда понимает стоящие перед ним задачи с полуслова, выполняет задания быстро и очень качественно.

4. **Образцы** – персонифицированные идеалы. Это могут быть конкретные люди, персонажи художественных произведений, события и т.д. Например, образцом поэта для русского человека является А.С. Пушкин, а для англичанина – Дж.Г. Байрон, образцом места для отдыха могут быть Мальдивы и т.д. Образцом злодея для интеллигента может быть профессор Мориарти, а для фрезеровщика – начальник цеха. Образцы очень важны в том смысле, что люди часто им подражают: их внешний вид, поведение, идеология становятся для них моделями, которые они пытаются воплотить в жизнь.

5. **Порождения (генерализаторы)**. Как пишет Дж. Лакофф, «в некоторых случаях члены категории определяются или порождаются её центральными членами, к которым применяются какие-либо общие правила» [Лакофф 1988, с. 35]. В качестве примера приводятся натуральные числа, которые являются центральными и порождают всю категорию «естественные числа»: они «в совокупности с операциями сложения, таблицами умножения и правилами арифметики образуют модель, которая порождает все естественные числа и является метонимической <...>: категория как целое

воспринимается через меньшую подкатеорию» [Лакофф 1988, с. 35]. При этом простые однозначные числа от одного до девяти являются прототипами для категории «натуральные числа»: любое натуральное может быть записано как последовательность однозначных чисел. Иначе говоря, генерализаторы это не просто прототипы, а прототипы, использование которых формирует другие элементы категории, в отличие, например, от типичных примеров, фамильное сходство которых с другими элементами категорий чаще всего является именно сходством. Например, для художников и дизайнеров генерализаторами для категории являются три цвета – жёлтый, красный и синий, не потому, что эти цвета являются типичными разновидностями цвета, а потому, что все остальные цвета возникают в результате их смешения.

6. Частные модели (субмодели). Это наиболее обобщённые представления о норме, характерные для той или иной лингвокультуры. Э. Рош называет субмодели когнитивными точками отсчёта. Так, например, частной моделью греха для христианской религии является модель «семь смертных (главных) грехов», к которым относятся гордыня, скупость, зависть, гнев, похоть, обжорство, лень или уныние. Как видим, в этот перечень не вошли такие, например, грехи, как предательство или коварство, которые в обыденном сознании более осуждаемы, нежели, например, чревоугодие. Однако именно данные грехи воспринимаются нами как точка отсчёта греховности. Другой пример – числовые округления: в качестве нормативного эталона при подсчёте чего-либо в нашем сознании выступают округления до десятков. Мы не говорим, что у нас в кармане около двадцати двух рублей, мы говорим, что у нас есть около двадцати рублей, и это «двадцать» – субмодель количества.

7. Выделяющиеся примеры. Это обобщения, сделанные на основе абсолютизации свойств конкретных примеров: «Для того, чтобы представить себе всю категорию в целом, люди используют хорошо им известные, запоминающиеся или особенно характерные примеры» [Лакофф 1988, с. 35]. Выделяющиеся примеры могут быть источниками для абсолютизации как объективно базовых черт прототипа, так и несущественных и нетипичных. Например, если ваш друг – лётчик, вы, используя его человеческие качества в качестве прототипа, переносите их на всех других лётчиков. Они могут быть в вашем представлении трезвенниками, если ваш друг не употребляет спиртного, педантами, если он неукоснительно соблюдает правила, и т.д. Если ваша мама готовит вам борщ, добавляя в него болгарский перец, в вашем представлении все борщи, приготовленные всеми женщинами, готовятся с добавлением болгарского перца. Можно в связи с этим говорить о двух видах конъюнкции (причинно-следственной связи), устанавливаемой выделяющимися примерами: объективной, когда данный прототип стал основой для установления истинной причинной связи, и субъективной, когда фактам, формирующим категорию, приписывается некая связь, не подкрепляющаяся реальными истинными отношениями между элементами.

Итак, категоризация в экспериенциальной теории, лёгшей в основу когнитивной лингвистики, осуществляется на базе центрального члена категории – прототипа, вокруг которого на основе «фамильного сходства» собираются менее центральные и периферийные объекты.

3.2. Принципы категоризации

Уже не раз выше говорилось о том, что в основе категоризации лежит принцип «фамильного сходства».

Вопрос состоит в том, каким образом это фамильное сходство реализуется при создании категорий, как формируются прототипические (прототипные) эффекты – проявления прототипичности в элементах категории, при котором «центральные члены категории обладают иными когнитивными характеристиками, чем периферийные» [Лакофф 1988, с. 33], но при этом стимулируют вовлечение в категорию нетождественных им элементов. Например, прототипом фруктов в русской лингвокультуре является яблоко, прицентральные члены – другие фрукты, явно не совпадающие с яблоком: бананы, груши, мандарины, периферийные – вовсе не яблоки и не фрукты, например арбуз – ягода, которая в обыденном сознании часто воспринимается как фрукт, прожжённый человек (*ну он и фрукт!*) и т.д.

Во-первых, техническим средством формирования «фамильного сходства» является **номинация** прототипа – обозначение его языковым знаком: категоризация осуществляется прежде всего путём обозначения тем же знаком других элементов, которые воспринимаются нами как находящиеся в отношениях «фамильного сходства». Например, обозначение шакала словом *собака* является свидетельством того, что для номинирующего овчарка и шакал находятся в отношениях фамильного сходства, а следовательно, относятся к одной категории.

Во-вторых, существуют некоторые **базовые принципы**, которые определяют причину включения того или иного объекта в категорию. Дж. Лакофф вслед за Р.М.В. Диксоном установил три таких принципа.

1. **Принцип сферы опыта**, который формулируется следующим образом: «Если существует сфера опыта, ассоциирующаяся с А, то все реалии этой сферы, естественно, принадлежат той же категории, что и А» [Лакофф 1988, с. 14]. Например, рыбы (как животные) относятся в дзырбал к категории *baui*, в силу чего все объекты, относящиеся к сфере рыбной ловли (крючки, острога, леска и т.д.), также относятся к этой сфере. Конечно же, в сфере опыта важным является гиперо-гипонимический принцип, согласно которому в категорию включаются все элементы, воспринимаемые с прототипом как разновидности одного и того же явления. Например, в категорию «автомобиль» включаются все автомобили, независимо от их типа: легковые, грузовые, автобусы и т.д. Такое включение можно назвать понятийным, поскольку оно основывается на очевидных существенных базовых сходствах элементов.

2. **Принцип мифа и поверья:** «Если какое-либо существительное обладает характеристикой X (по которой оно может быть отнесено к определённом классу), но вместе с тем на основе поверья или мифа оно обладает характеристикой Y, то, как правило, оно принадлежит классу, в который включаются существительные с характеристикой Y, а не X» [Лакофф 1988, с. 14–15]. Например, в дърбал, как это было показано выше, птицы, которые являются, согласно мифам, душами умерших женщин, относятся не к классу *baui*, к которому относятся мужчины и животные, а к женскому классу *balan*. Однако три вида трясогузок в мифах являются мужчинами, и поэтому они относятся к классу *baui* вместе с мужчинами. В русском языке отсутствуют формы звательного падежа: функции обращения берет на себя форма именительного падежа, что приводит к смешению ситуаций называния и обращения при номинации человека. Это приобретает особую значимость в связи с христианской заповедью «Не произноси имени Господа Бога твоего всуе»: в русской лингвокультуре совпадение форм звательного и именительного падежей приводит к тому, что произнесение имени Господа становится грамматическим фактом обращения к нему. Во избежание этого русский язык заимствует для обращения к Богу церковнославянские формы звательного падежа Боже, Господи, Отче. В данном случае принцип мифа и поверья регламентирует некоторую коррекцию грамматических категорий языка.

3. **Принцип важной особенности:** «Если подмножество существительных обладает определённой важной особенностью, которая отсутствует у остальных членов множества, то члены этого подмножества в целях маркирования данной особенности могут быть отнесены к иному классу, чем вся остальная часть множества» [Лакофф 1988, с. 15]. Интересные примеры использования принципа важной особенности приводит В.И. Абаев: «Австралийские охотничьи племена относят птицу эму не к классу птиц, а объединяют её в один класс с кенгуру. Почему? Потому что и кенгуру, и эму являются для них предметом охоты. Этот их признак – быть объектом охоты – отодвигает на второй план другие их свойства и отличия... южноамериканское племя гуичолов относит к одному классу пшеницу и оленя и верит, что пшеница была прежде оленем. ...Пшеница и олень получают общее наименование потому, что оба они служат удовлетворению потребностей племени» [Абаев 1995, с. 39-40]. В русском языке принцип важной особенности проявляется, например, при разделении трактовок некоторых животных как существ и как пищи при помощи показателей одушевлённости (винительный падеж множественного числа = родительному падежу множественного числа: *на берегу он увидел **крабов*** – существ) и неодушевлённости (винительный падеж множественного числа = именительному падежу множественного числа: *И потом, ты же салат уже **приготовила** из **крабов**, а я так люблю **крабы!*** – пищу [x/ф «Ирония судьбы, или с лёгким паром»]).

В-третьих, важно определить **идеализированные когнитивные модели категоризации** (Дж. Лакофф), то есть мыслительным модели реализации прототипических (прототипных) эффектов включения того или иного объекта в категорию. **Прототипический эффект** – это, в сущности, и есть эффект осознания фамильного сходства какого-либо объекта с прототипом, на основе которого осуществляется включение данного объекта в категорию прототипа.

Идеализированная когнитивная модель, являющаяся комплексным структурирующим целым, использует, по мнению Дж. Лакоффа, четыре символические структуры: пропозициональную структуру, как во фреймах Ч. Филлмора, образно-схематическую структуру, как в когнитивной грамматике Р. Лэнкера, метафорическое и метонимическое отображения, описанные Дж. Лакоффом и М. Джонсоном.

Идеализированная когнитивная модель структурирует так называемой **ментальное пространство**, описанное Ж. Фоконье. Под ментальным пространством понимаются постоянно модифицируемые когнитивные конструкты, которые строятся в режиме реального времени в ходе дискурсивной деятельности и хранятся в оперативной памяти говорящих. Это «некоторое положение дел», которое воспринимается и вербализуется (превращается в дискурс – текст, помещённый в событие) человеком. При этом значение, создаваемое в дискурсе, формирует конфигурации (структуры) ментальных пространств. Как видим, ментальные пространства, в принципе, если не создаются, то определяются языком, и поэтому идеализированную когнитивную модель можно описать как структуру формирования в первую очередь лингвальной реальности.

Ментальными пространствами являются:

- 1) базовое пространство: окружающая нас здесь и сейчас реальность;
- 2) базовое пространство нашего прошлого;
- 3) гипотетическая реальность, в том числе – наше прогнозируемое будущее;
- 4) вымышленная реальность, представленная в первую очередь в произведениях искусства;
- 5) абстрактные пространства, например политика, наука, экономика и т.д.

Например, в дискурсе *Вероятно, Наташа и Сергей будут вместе праздновать Новый год* создаётся два ментальных пространства:

1. Базовое, в котором существуют Наташа и Сергей.
2. Гипотетическое, в котором они празднуют Новый год.

Выделяются четыре типа когнитивных моделей, определяющих способы категоризации ментальных пространств.

Модель 1. **Схематическая модель образа (образная схема** – Р. Лэнкер) – «специфические схематические представления образов, таких, как траектории, длинные тонкие формы или вместилища» [Лакофф 1988, с. 31]. Например, наше знание о ящике включает представление о вместилище,

которое позволяет называть и считать ящиком и тару для банок, и почтовый ящик, и ящик письменного стола; наше знание о ударе футболиста по мячу включает представление о траектории полёта этого мяча и т.д. Во многом схематические модели образов сходны с элементами универсального предметного кода Н.И. Жинкина (см. п.4.4.1.).

Дж. Лакофф отмечает, что выделение категории и их классификация имеют в своей основе именно образные схемы: «Категории (в целом) понимаются в терминах схемы "вместилище". Иерархическая структура понимается в терминах схем "часть-целое" и "верх-низ". Реляционная структура понимается в терминах схемы "связь". Радиальная структура понимается в терминах схемы "центр-периферия". Структура переднего плана – заднего плана (фона) (foreground-background structure) понимается в терминах схемы "передняя-задняя сторона". Линейная шкала количества понимается в терминах схем "верх-низ" и «линейный порядок» [Лакофф 2004, с. 368]. Иначе говоря, схематическая модель образа является базовой гештальтной моделью категоризации: они создают координаты осмысления элементов категорий.

Вопрос о перечне сематических моделей образов открыт. Наиболее полный список предлагает М. Джонсон, который в книге «The Body in the Mind» описывает следующие модели образа: container (контейнер / вместилище), balance (равновесие), compulsion (принуждение), blockage (блокирование), counterforce (противодействие), restraint removal (устранение преграды), enablement (разрешение), attraction (притяжение), mass-count (масса/исчисляемое), path (путь), link (связь), center-periphery (центр-периферия), cycle (цикл), near-far (близко-далеко), scale (масштаб), part-whole (часть-целое), merging (слияние), splitting (разделение), full-empty (полный-пустой), matching (совпадение), superimposition (наложение), iteration (повтор), contact (контакт), process (процесс), surface (поверхность), object (объект), collection (собрание).

Модель 2. Пропозициональная модель (Ч. Филлмор). Пропозициональные модели «вычленивают элементы, дают их характеристики и указывают связи между ними» [Лакофф 1988, с. 31], но при этом не могут использовать механизмы формирования образности: это, так сказать, чистое знание об элементах. Например, модель университета как модель определённой сферы опыта включает в себя знание о статусе этого объекта в системе образования (высшее учебное заведение), о помещении, в котором оно находится, о внутреннем его устройстве (аудитории, кафедры и т.д.), о статусе людей, находящихся в нём (студенты, преподаватели, руководство), о структуре отношений между ними и т.д.

Категоризация при помощи пропозициональных моделей осуществляется путём сопоставления набора данных рассматриваемого объекта с набором данных прототипа, что позволяет выделить в составе категории центральные (то есть прототипные, имеющие полный набор эталонных характеристик) и менее центральные (имеющие некоторые

пропозициональные отличия) и периферийные (имеющие значительные пропозициональные отличия) элементы категории.

В каждой пропозициональной модели есть субстанция (онтология – по Дж. Лакоффу), то есть некоторое множество элементов, и структура, определяющая их взаимосвязь.

Пропозициональные модели подразделяются на простые и комплексные.

Базовые простые пропозициональные модели – это минимальные, предельные пропозиции – атомарные характеристики элементов категории.

Во-первых, это **фреймовые пропозиции**. Под фреймом понимается набор данных о типической статической ситуации (при широком понимании ситуации как ситуативно осознанного объекта, явления или собственно ситуации). Простая пропозиция включают элемент (собственно, прототип категории), аргументы (актанты-объекты и сирконстанты-обстоятельства) и предикаты, истинные относительно данных аргументов. Например, простая пропозиция *птица имеет крылья*, характеризующая категорию «птица», включает элемент *птица*, посессивный предикат *иметь* и аргумент *крылья* (инструменталис).

Фреймы формируются по схемам «часть – целое», «связь» и т.п.

Во-вторых, это **сценарные модели**. Под сценарием понимается набор данных о типической динамической (развивающейся) ситуации. Сценарии строятся по схеме «источник (начальное состояние) – путь (последовательность событий) – цель (конечное состояние)». Например, сценарий «жизнь» предполагает «рождение» как начальное состояние, «взросление» – «старение» как путь и «смерть» как конечное состояние.

Между фреймами и сценариями существует вполне ощутимая взаимосвязь. Например, фрейм «футболист» характеризуется через сценарий «футбол», а фрейм «победа» через сценарий «сражение».

На основе фреймов и сценариев создаются **базовые комплексные пропозициональные модели**.

Каждая базовая пропозициональная модель входит в структуру комплексной пропозициональной модели в качестве **слота**. Например, в структуру категории «ресторан» входят фреймовые слоты «помещение» (пропозиция *ресторан находится в помещении*), «общественное питание» (пропозиция *в ресторане готовят и подают еду для всех, способных её оплатить*), «дорогой» (пропозиция *в ресторане еда стоит дорого*) и т.д., а в структуру категории «концерт» сценарные слоты «начало концерта», «последовательность номеров» и т.д.

Слоты могут быть **узловыми** (обязательными), например слот «наличие текста» для категории «книга», и **терминальными** – «вместилищами», допускающими варьирование заполнения, например терминал «обложка книги» категории «книга» допускает её разное цветовое оформление – она может быть белой, цветной, разноцветной и т.д.

По особенностям организации слотов в модели различают модель «пучок свойств», радиальную градуированную и таксономическую модели.

1. **«Пучок свойств» («Пучок слотов»)**, то есть простой набор фреймовых и скриптовых признаков. Например, для категории «врач» выделяются:

а) фреймовые слоты: «человек», «имеет медицинское образование», «носит халат», «является специалистом по определённым болезням» и т.д.

б) сценарные слоты: «ведёт приём – устанавливает диагноз – определяет способ лечения – выписывает лекарства – контролирует ход лечения – констатирует выздоровление» и т.д.

При формировании «пучка свойств» реализуется образная схема «вместилище»: в категорию собираются элементы по степени соответствия их воспринятым и/или осознанным нами признакам – пучку свойств, принятому нами в качестве прототипного.

Модель «пучок свойств» является базовой для остальных моделей, которые используют её соответственно целям категоризации.

2. **«Радиальная модель»** структурируется по схеме «центр – периферия» и предполагает существование в категории центральных компонентов (прототипов), менее центральных и периферийных. В принципе, она является порождением модели «пучок свойств»: прототип отражает пучок свойств эталонно – он является источником для формирования «фамильного сходства», а у остальных элементов возможно опущение каких-либо свойств. Например, прототипом для существительных являются предметные имена (названия объектов и существ – *стол* и *человек*), прицентральною зону формируют абстрактные (*любовь*), событийные (*урок*) и под. имена, у которых опускается фрейм предметности, и периферийную зону, в которую, например, входят девербативы (*бег, побег*), находящиеся между именами и глаголами.

3. **«Градуированная модель»** представляет собой объединение элементов по определённой шкале градации признака и имеют в своей основе образную схему «верх – низ»: каждый элемент более высокого уровня имеет признак, выраженный в большей мере, чем у элемента более низкого уровня. Например, категория «рост» представлена элементами «низкий рост» – «рост ниже среднего» – среднего роста (прототип) – «рост выше среднего» – «высокий рост». Градуированная модель является размытой – она не имеет чётких установленных границ градации: средний рост для кого-то 160 см., а для кого-то – 170 см.

4. **«Таксономическая модель»** представляет собой «порождения человеческого ума»: это классификации элементов, создаваемые в процессе познания путём выделения в «пучке свойств» наиболее существенных признаков. Таковы научные классификации морфем, частей речи, биологических видов и т.д., построенные по родо-видовому принципу, а следовательно, созданные на основе образной схемы «часть – целое» и «верх – низ». Каждая категория более высокого уровня является целым (например, морфема), а категории ближайшего нижнего уровня – его частями (префикс, суффикс, флексия и т.д.). Категории, относящиеся к одному уровню, не пересекаются и дополняют друг с друга по принципу дополнительной

дистрибуции, занимая каждая своё пространство и выполняя свои функции, не совпадающие с функциями других категорий.

Схематическая модель образа и пропозициональная модель характеризуют **структуры** категорий и их элементов.

Модель 3. **Метафорическая модель** (Дж. Лакофф и М. Джонсон), которая предполагает переход «от пропозициональных моделей или схематических моделей образов одной области к соответствующей структуре другой области» [Лакофф 1988, с. 31]. Метафорическая модель реализует образную схему, представляющую собой скриптовую модель «источник-путь-цель», в которой источник (source domain) – то есть сфера, которая используется для осмысления, и цель (target domain, мишень, таргет), выступающая в качестве осмысливаемой при помощи элементов зоны цели, являются пропозициональными или образными «вместилищами». Например, в русском языке активно реализуется фреймовая модель «Время (цель, мишень, таргет) есть деньги (источник)», предполагающая следующие типы осмысления («**метафорическую проекцию**» или «**когнитивное отображение**»): осмысление объектов (*У нас есть небольшой запас времени, И на самом деле ресурсы времени в стрессе и напряжении становятся ограничены*), осмысление действий и состояний (*Мы с тобой сэкономим время, Я потратил на него кучу времени*)³.

Модель 4. **Метонимическая модель** (Дж. Лакофф и М. Джонсон). К метонимическим относятся «модели одного или нескольких описанных выше типов (схематической модели образов и пропозициональной модели), дополненные указанием функций, выполняемых одним элементом по отношению к другому» [Лакофф 1988, с. 31], и абсолютизацией этих функций (слотов) при категоризации, например модель «часть – целое», когда некоторая часть подвергаемого категоризации объекта может заменить целое в его осмыслении: мать-домохозяйка может стать прототипом для категории «мать», а привлечение в категорию других матерей осуществляется на основе замещения образом матери-домохозяйки, например, работающих матерей, где основанием для метонимического переноса становится слот «родившая»; для приёмной матери, в том случае, когда слот «воспитавшая» становится заместителем всех остальных слотов в пропозициональной модели и т.д. Часто метонимизация осуществляется цепочечно: для уже упомянутого выше волосатого червя способность производить ожог является наиболее значимой при категоризации, замещает другие характеристики и относит его не к классу мужчин и животных, а к классу женщин и опасных предметов по цепочечной метонимической модели: женщина – Солнце (принцип мифа и поверья, метафора) – ожог (свойство, метонимия) – волосатый червь (имеющий свойство, метонимия). В принципе, метонимическая модель объясняет во многом, как осуществляется категоризация в схематической модели образов и пропозициональной модели: в них абсолютизация того или иного слота из пучка признаков и затемнение других

³ Метафорическим моделям посвящён раздел 3.3.

слотов приводит к возникновению прототипического эффекта привлечения в категорию элементов, не совпадающих с прототипом.

Метафорическая и метонимическая модели характеризуют **отображения** и используют схематические модели образов и пропозициональные модели для расширения категорий. В них прототипические эффекты, настроенные на включение в категории элементов, не имеющих общих существенных черт с прототипами, реализуются в наибольшей степени.

3.3. Теория когнитивной метафоры

Метафорические модели, которые очень важны для категоризации, требуют особого описания. В обыденном сознании представляется, что в жизни человека метафора – явление редкое и малозначительное, использующееся только для создания образности, «красивостей» речи. Это объясняется тем, что наш опыт, прежде всего школьного обучения, предполагает обозначение термином «метафора» того, что было определено в учебниках. С одной стороны, из школьного курса литературы мы знаем, что метафора – это «один из основных тропов (образных средств – В.Т.) художественной речи» [Квятковский, с. 156–158], предполагающий создание художественного образа, при котором осуществляется перенос названия с одного предмета или явления на другой на основе осознанного автором сходства. Например, во фразе Б. Пастернака *Я клавишей стаю кормил с руки Под хлопанье крыльев, плеск и клёкот* представлена метафора, в которой клавиши рояля отождествляются с птицами, что обеспечивается образным отождествлением музыки и птичьего пения. С другой стороны, из курса русского языка мы знаем, что метафора – это один из способов переноса значения на основе сходства, всё-таки встречающегося часто в обиходной речи и формирующего многозначность слова. Например, слово *зелёный* в метафорическом значении – это молодой, незрелый, неопытный. Метафора строится на основе значения «несозревший, неспелый»: *зелёные абрикосы* «неспелые абрикосы». Однако и в этом случае считается обычно, что метафора – это некое речевое излишество, без которого легко можно обойтись.

Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что это далеко не так. По их мнению, «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 25]. Правда, метафора понимается ими несколько иначе: это не конкретный перенос значения с наименования одного объекта на другой, а некоторая модель, когда одна категория представляется через другую категорию: «Суть метафоры — это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 27].

В качестве примера ими был приведён целый ряд ситуаций, когда категория «спор» переживается в терминах категории «война» (метафора *argument is war* «спор есть война»):

Your claims are indefensible «Ваши утверждения не выдерживают критики (букв. *незащищаемы*)».

He attacked every weak points in my argument «Он *напал на каждое слабое место* в моей аргументации».

His criticisms were right ou target «Его критические замечания *били* точно в цель».

I demolished his argument «Я *разбил* его аргументацию».

I've never won an argument with him «Я никогда не *побеждал* в споре с ним».

You disagree? Okay, shoot! «Вы не согласны? Отлично, ваш *выстрел*

If you use that strategy, he'll wipe you out «Если вы будете следовать этой *стратегии*, он вас *уничтожит*».

He shot down all of my arguments «Он разбил (букв. *расстрелял*) все мои доводы».

В данном случае нельзя говорить только об образности речи. Восприятие спора как войны определяет наше поведение в споре, наше отношение к нему и т.д. Как показывают Дж. Лакофф и М. Джонсон, если бы существовала какая-нибудь культура, в которой бы существовала иная метафора для спора, например «спор есть танец», мы бы столкнулись с иным мировоззрением: «В такой культуре люди будут рассматривать споры иначе, вести их иначе и говорить о них иначе. Мы же, по-видимому, соответствующие действия представителей этой культуры вообще не будем считать спорами: на наш взгляд, они будут делать нечто совсем другое. Нам покажется даже странным называть их «танцевальные» движения спором. Возможно, наиболее беспристрастно описать различие между данной воображаемой и нашей культурами можно так: в нашей культуре некая форма речевого общения трактуется в терминах сражения, а в той другой культуре- в терминах танца» [Лакофф, Джонсон, с. 27].

Итак, *когнитивная метафора* – это устоявшееся в культуре, в сознании носителей этой культуры осознание одной категории через другую. Сущность метафоры – в структурировании некоторой категории по модели структурирования другой категории: фрейм или сценарий спора, например, использует те слоты, которые использовались при структурировании войны. Данный процесс получил название «**метафорической проекции**» (metaphorical mapping) или «**когнитивного отображения**» (cognitive mapping). Та категория, которая является образцом для структурирования, называется **сферой источника** (source domain, в нашем случае – это категория ВОЙНА), а та, которая структурируется – **сферой цели, мишени** (target domain, в нашем случае – СПОР).

Метафорическая проекция не локальна: она может захватывать любые компоненты сферы источника для определения сферы мишени. Например, метафора ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ предполагает возможность когнитивной проекции субъектов: *Ну ты и лиса! Ты мой котик* и т.д., объектов: *Жду вас в*

своей конуре! Он у неё на коротком поводке, действий: Что ты гавкаешь? Ну давай, телись!, событий: Это какая-то собачья свадьба! и т.д.

Механизм реализации когнитивной метафоры предполагает сосуществование двух процессов – **высвечивания** и **затемнения**. Под **высвечиванием** понимается выбор необходимых для когнитивного отображения элементов сферы цели и проекции на них элементов сферы источника. **Затемнение** же – это игнорирование каких-то элементов сферы источника.

Вполне резонно предположить, что стереотипное высвечивание одних компонентов и затемнение других определяет наше поведение, в первую очередь влияет на принятие решений. Как известно, всякое принятие решений осуществляется по следующей модели: 1. Осмысление ситуации. 2. Выявление альтернатив принятия решений, 3. Оценка альтернатив, 4. Выбор. Связь высвечивания и затемнения с принятием решений была показана на примере метафоры СПОР ЕСТЬ ВОЙНА: «Позволяя сфокусировать внимание на одном аспекте понятия (например, на «военной» стороне спора), метафора может препятствовать тому, чтобы мы заметили другие аспекты понятия, несовместимые с ней. Например, в пылу спора, намереваясь атаковать позиции противника и защищать свои, мы теряем из виду кооперативность спора. В некотором смысле тот, кто спорит с вами, в попытке достичь взаимопонимания тратит на вас принадлежащую ему ценность — своё время. Но когда идёт война, сотрудничество теряется из виду [Лакофф, Джонсон, с. 27]. Иначе говоря: 1. Мы осмысливаем ситуацию как спор; 2. Существует две альтернативы восприятия спора: как противодействия и как сотрудничества; 3. На оценку альтернатив влияет сложившаяся в нашем сознании метафора «спор есть война» с высвечиванием элемента «противодействие» и затемнением элемента «сотрудничество» (во время войны помимо сражений возможны и ситуации проведения переговоров). 4. Мы выбираем тактику противоборства. Таким образом, наш спор настроен на своё осуществление в стилистике войны, но не сотрудничества.

Выделяются несколько структурных типов когнитивной метафоры, базовыми из которых являются **ориентационные** (пространственные) метафоры, имеющие в своей основе схематические модели образов, например СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ (*Я **наверху** блаженства!* и альтернатива – *я **упал** духом*) и **онтологические** (структурные) метафоры, построенные по пропозициональной модели, например ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ (*Я **потратил** на неё свои лучшие годы*).

3.4. Типология категорий

На основе анализа категорий, учитывающем вышесказанное, определяются типы категорий.

1. На основании соотнесения категорий с той или иной языковой структурой

Как уже говорилось выше, категоризация обеспечивается номинацией категории: для того чтобы объединить те или иные элементы в класс, мы необходим языковой знак, который используется как маркер категории и относим к той или иной категории тот или иной элемент, обозначая его знаком этой категории. Например, какие-либо отношения между конкретными людьми мы относим к категории «дружба», обозначая их словом *дружба*. Затем мы используем этот знак для обозначения состояний, находящихся в отношениях фамильного сходства с прототипом. Существуют лексическую и грамматическую категоризации.

Лексическая категоризация, то есть категоризация при помощи номинативных единиц языка, является базовой и индивидуальной: каждая языковая личность определяет возможность сведения каких-либо элементов в категорию и обозначение их именем категории, исходя из своего опыта. Например, для кого-то возможным является отнесение кита к рыбам, и он обозначает его словом *рыба*, а для кого-то – нет, и он обозначает его словом *животное*.

Грамматическая категоризация, то есть категоризация при помощи языковых грамматических категорий – стереотипных семантических рубрик, которые помещают тот или иной элемент в класс однотипных элементов, является структурно обусловленной и общезыковой, а следовательно, навязываемой языковой личности языком. Например, категория «время» на грамматическом уровне номинируется глагольной категорией «время», которая относит то или иное событие, обозначенное глаголом к тому или одному отрезку времени по отношению к моменту речи.

2. По вертикальному уровню категоризации.

Существует **два уровня категоризации**: горизонтальный и вертикальный. На горизонтальном уровне реализуется схема «центр – периферия»: тот или иной объект относится к определённой категории одного уровня обобщения и имеет статус элемента категории. Например, девочка, женщина, бабушка горизонтально входят в градуированную категорию «лицо женского пола», где центром является «женщина», а периферию занимают девочка и бабушка. Вертикальный уровень предполагает реализацию схем «часть-целое» и «верх-низ» и вхождение одного объекта одновременно в разные иерархически расположенные категории разного уровня обобщения, например, девочка относится к категориям «лицо женского пола», «человек», «живое существо».

Вертикальный уровень категоризации включает три подуровня: базовый, субординатный и суперординатный.

1. Базовый уровень – уровень первичных категорий, который не требует специальных, осмысленных, теоретических знаний об их элементах. Восприятие и категоризация объектов на нём осуществляется гештальтно, т.е. нерасчленённо: мы воспринимаем элементы и оперируем ими неосознанно, не задумываясь об их характеристиках и компонентах. Таковы, например, категории дом, книга, овощ, женщина и т.д.: мы чётко разграничиваем

мужчину и женщину, овощ и фрукт, собаку и кошку, не задумываясь о том, что их различает. Базовые категории определяются на основе: 1) восприятия (целостное / гештальтное восприятие элементов, ментальный образ, быстрая идентификация), 2) функции (для членов базовой категории отмечается автоматически реализуемая общая моторная программа, т.е. единая система действий), 3) коммуникации (с базовыми категориями связаны наиболее короткие, наиболее частотные и контекстуально нейтральные слова, которые в первую очередь выучиваются детьми и первыми входят в лексикон); 4) организации знания (на этом уровне хранится наибольшее количество характеристик членов категории). (Дж. Лакофф).

2. **Суперординатный** – уровень генерализации и создания абстрактных категорий, на котором осуществляется объединение разных базовых категорий на основе их общих характеристик. Например, «женщина» и «мужчина» объединяются в категорию «человек», «существо», «собака», «кошка», «кит» и т.д. – «животное», «существо». На этом уровне реализуется способность человека к обобщению, абстрактное мышление.

3. **Субординатный** – уровень конкретизации базовых категорий, на котором в пределах последних выделяются их разновидности – субкатегории, которые сами организованы как категории и наличие которых позволяет считать базовые и суперординатные категории **кластерными**. Например, в категории «стол» – «письменный стол», «обеденный стол» и под., собака – «мастиф», «овчарка» и под., женщина – девушка, мама и т.д. Для отнесения соответствующих объектов к данным категориям необходимо знание их отличительных признаков, т.е. специальное знание.

3. **По структурному типу.** Как уже говорилось выше (п. 2.4.), схематическая модель образа и пропозициональная модель характеризуют **структуры** категорий и их элементов с точки зрения особенностей познания мира. Существует познание научного типа и обыденное познание, в связи с чем различаются классические категории и категории обыденного познания.

Классические категории представляют собой структуру пучков признаков, выявляемых в процессе осмысленного научного, теоретического познания: это «категории, определяемые через признаки, общие всем их членам» [Лакофф 2004, с. 13]. В данном случае не может быть прототипических эффектов, а значит, не может быть лучших представителей, менее центральных и периферийных элементов: все элементы таких категорий равноправны. Классические категории являются **таксономическими**: они представляют собой иерархическое распределение элементов по классам, осуществляемое на понятийной основе (при классическом определении понятия как объединения элементов некоторого класса по определённым общим и существенным признакам). Например, в категорию «ягоды» относятся не объекты, которые соотносятся в нашем сознании с каким-либо прототипом, например виноградом, а объекты, соответствующие определению «тип плода растения, в котором содержится много семян и у которого имеется сочная мякоть, развивающаяся из завязи цветка». В силу

этого ягодами являются не только крыжовник и брусника, но и помидор, баклажан, арбуз и даже яблоко и груша. При этом вишня, черешня, слива, абрикос, персик – это не ягоды. Их называют костянками, косточковыми: в них нет семян. **Образная схема классической таксономической категории** представляется схемой «вместилище», а **образная схема иерархии** – схемами «часть – целое» и «вверх – вниз». Каждая вышестоящая категория рассматривается как целое, а нижестоящие категории составляют её части. Например, категория «ягоды» включает подкатегории «**собственно ягоды**», которая состоит из подкатегорий «черника», «голубика», «виноград» и т.п., «**яблоко**», куда помимо яблок входят груша, рябина и др., «**тыква**», то есть арбуз, дыня, тыква, кабачок, «**померанец**» (плоды цитрусовых).

В классических категориях невозможно использование метонимических и метафорических моделей.

Категории обыденного познания имеют в своей основе прототипические эффекты, то есть строятся по схеме «прототип – фамильное сходство», и не могут быть объединением равноправных элементов в силу активного присутствия в них метонимических и метафорических моделей, а являются радиальными и градуированными. **Радиальная категория** представляет собой классический пример категорий обыденного познания с наиболее яркими прототипическими эффектами и имеет схему «центр — периферия»: существует прототип, который образует центр категории, вокруг него формируется прицентральная зона с менее центральными элементами, вокруг которых формируются свои подкатегории, менее центральные элементы которых формируют периферию категорий по отношению к прототипу всей категории. При этом категории обыденного познания «не порождаются центральной моделью по общим правилам, но представляют собой её конвенциональные расширения и должны быть изучены как таковые один за другим. Однако эти расширения отнюдь не случайны. Центральная модель определяет возможности для расширения вместе с возможными отношениями между центральной моделью и моделями, возникающими в результате расширения» [Лакофф 2004, с. 128]. Например, категория «мать» имеет центр, в основе которой лежит модель рождения (женщина, родившая ребёнка), включающая в свой состав генетическую модель (женщина, вложившая генетический материал), модель воспитания (женщина, вырастившая и воспитавшая ребёнка), супружеская модель (женщина, имеющая мужа), генеалогическая модель (ближайший родственник женского пола по восходящей линии). Прототипом для всей категории, конечно же, является конкретная мать конкретного человека. В большинстве случаев центральную подкатегорию формирует прототип, отвечающий всем указанным характеристикам матери. Прицентральную зону формируют матери других людей, отвечающие указанным требованиям. На периферии же оказываются другие, нецентральные подкатегории, образованные по метонимическим и метафорическим моделям: мачеха (не реализуется генетическая модель), приёмная мать (не реализуется генетическая модель),

мать-одиночка (не реализуется супружеская модель), биологическая (суррогатная) мать (не реализуется модель воспитания) и т.д., – которые воспринимаются как определённые отклонения от прицентральной подкатегории. При этом для людей, воспитанных, например, приёмной матерью, прототипной моделью для категории «мать» становится модель с доминантой модели воспитания, вокруг которой формируется своя прицентральная зона и периферия. Ещё дальше от центра находятся элементы, реализующие, например, метафорические модели: *наша воспитательница – наша мама, Киев – мать городов русских* и т.д.

В основе **градуированных категорий** лежат параметрические (градулируемые) модели, которые соотносятся с определённой шкалой и выражаются слотами типа *высокий, богатый, близкий, глубокий, средних лет* и т.п. Здесь выделяются лучшие примеры, вокруг которых строится градационная шкала. Например, градуированной является категория «возраст», включающая, «младенчество», «детство», «юность», «молодость», «средний возраст», «пожилой возраст», «старческий возраст», «долгожители». Правда, при этом следует заметить, что у градулируемых категорий обычно расплывчатые границы, что показывает Н.Н. Болдырев на примере категории «средний возраст»: «Никто не сможет с полной уверенностью сказать, в каком точно возрасте человек переходит в категорию или выходит из категории людей средних лет, хотя очевидно, что сорокалетний мужчина больше соответствует этой категории, чем тридцатилетний или семидесятилетний» [Болдырев 2001, с. 94]. В основе градуированной категории лежит образная схема «верх – низ».

Между радиальными и градуированными категориями нет чётких границ: в принципе, компоненты радиальных категорий также располагаются по шкале соответствия некоторой норме. Например, радиальная категория «холостяк» (пример Ч.Филлмора) строится на основе слота «неженатый мужчина» и предполагает в качестве лучшего примера ситуацию гетеросексуального мужчины, не имеющего социальных и физических ограничений для вступления в официальный брак. Можно градуировать переход от центра к периферии следующим образом: 1) гомосексуалисты, не имеющие устоявшихся пар; 2) люди, находящиеся в гражданском (неофициальном) браке, не оформившие свои отношения через социальные или религиозные институты, 3) гомосексуалисты, образующие устоявшиеся пары, 4) люди, состоящие в разводе, 5) священники и монахи и т.д.

Здесь представлены основные типы категорий. Вполне возможна классификация категорий и по другим принципам, в зависимости от точки зрения и потребностей их изучения и описания. Например, Е.В. Дзюба предлагает распределять категории по сферам категоризации и выделяет научную, профессиональную и наивную сферы [Дзюба, с. 199-200], по признаку намеренности / ненамеренности формирования категорий,

позволяющему выделять интенциональные, то есть навязываемые, и неинтенциональные, то есть формирующиеся естественным образом, категории и т.д. [Дзюба, с. 200]. Вполне возможны и другие многочисленные модели классификации («категоризации») категорий.

Контрольные вопросы

1. Какие категории были выделены Р.М.В. Диксоном для языка дьирбал?
2. Какие признаки категорий были определены Р.М.В. Диксоном?
3. Что такое прототипы?
4. Какими признаками обладают прототипы?
5. Какие существуют типы прототипов?
6. Что и почему выступает техническим средством категоризации?
7. Каковы базовые принципы осознания фамильного сходства?
8. Что такое идеальные когнитивные модели?
9. Какие символические модели лежат в основе идеализированных моделей категоризации?
10. Что такое ментальные пространства и какие существуют типы ментальных пространств?
11. Какие существуют модели структур категорий?
12. Опишите схематическую модель образа.
13. Опишите пропозициональную модель.
14. Какие существуют базовые простые пропозициональные модели?
15. Что такое слот и какие существуют слоты пропозициональных моделей?
16. Что такое комплексная пропозициональная модель и какие виды комплексных пропозициональных моделей вам известны?
17. Опишите модель «пучок свойств, определите её связь с другими моделями.
18. Опишите радиальную модель.
19. Опишите градуированную модель.
20. Опишите таксономическую модель.
21. Что такое модель отображения, какие виды моделей отображения вам известны?
22. Что такое метонимическая модель?
23. Что такое метафорическая модель?
24. Чем отличается когнитивная метафора от литературной и языковой?
25. Какие компоненты составляют структуру когнитивной метафоры?
26. Какие процессы формируют когнитивное отображение?
27. Какие структурные типы когнитивной метафоры вам известны?
28. Как может быть выражена категория?
29. Опишите категории с точки зрения их вхождения в иерархию категорий.

30. Чем отличаются классические категории от категорий обыденного познания?

31. Опишите классическую категорию.

32. Опишите категории обыденного познания.

33. Что такое радиальная категория?

34. Что такое градуированная категория?

Как взаимодействуют радиальная и градуированная категории\?

ГЛАВА 4. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КОНЦЕПТЫ

4.1. Происхождение и определение понятия «концепт»

Наиболее общее определение концепта даётся Е.С. Кубряковой: «*Концепт – это оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания*» [Краткий словарь 1996, с. 90–92]. Это двунаправленное ментальное образование: с одной стороны, это знание о некоторой категории и её элементах, а с другой, – знание о том, какими знаками может обозначаться данная категория, и каким образом эти знаки могут использоваться в различных языковых процессах. Иначе говоря, концепт – продукт обеспеченной языком когниции: то, что «человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира» [Пименова 2004, с. 8].

Слово *концепт* заимствовано из англ. *concept* «понятие, идея, общее представление, концепция», которое, в свою очередь, происходит от лат. *conceptus* «зачатие, зародыш». Как справедливо отмечает В.З. Демьянков, «термины *понятие* и *концепт* – исторически дублиеты, русское *понятие* калькирует латинское *conceptus*. Однако в современных научном и ненаучном узусах эти термины расходятся в употреблении» [Демьянков 2001, с. 35]. Как будет показано ниже (р. 4.3.), это расхождение следует в первую очередь связать с различием научного и обыденного познания, с различием классических категорий и категорий обыденного познания.

В нашем понимании концепт связан именно с обыденным познанием и формируется на основе прототипических категорий. Такой подход к определению концепта известен давно, и он может быть связан не только с западной, но и с отечественной научной традицией.

По свидетельству историков науки, впервые данный термин в России был употреблён С. А. Аскольдовым-Алексеевым, который в статье «Концепт и слово» (1928 г.) даёт определение концепта как заместителя познавательных средств, называя его мысленным образованием: «Чтобы подойти к уяснению природы концептов, необходимо уловить самую существенную их сторону как познавательных средств. Эту сторону мы видим в функции заместительства. Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода... Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий. Он может быть заместителем разного рода хотя бы и весьма точных, но чисто мыслительных функций. Таковы, например, математические концепты» [Аскольдов 1997, с. 268].

История определения и изучения концептов изложена, например, в работах В.З. Демьянкова [Демьянков 2001, Демьянков 2007], во многих учебниках по когнитивной лингвистике. Здесь мы только констатируем, что концепт как ментальное образование может изучаться с разных точек зрения, и это определяет несколько направлений его рассмотрения, каждое из которых устанавливает значимые для себя стороны концепта, объединение которых даёт возможность рассмотреть концепт комплексно, как «квант знаний».

А.П. Митяева выделяет лингвокогнитивный, лингвокультурологический, психолингвистический, семантический, логико-понятийный, логический и интегративный подходы к исследованию концептов [Митяева 2015]. Наиболее распространены сейчас лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы, различающиеся «векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурологический концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик, с. 97]. Мы предполагаем, что логико-понятийный подход, отмечаемый в работах А. Вежбицкой и А.Д. Шмелёва, представляет собой разновидность лингвокультурологического подхода, а логический подход, разрабатываемый школой Н.Д. Арутюновой, – разновидность лингвокогнитивного подхода, и поэтому выделяем четыре направления: лингвокогнитивное, лингвокультурологическое, психолингвистическое и семантическое.

1. **Лингвокогнитивный подход** представлен работами Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Н.Д. Арутюновой, Г.Г. Слышкина и др. Сущность его заключается в том, что концепт рассматривается как единица, формирующаяся в результате познавательной деятельности индивида. В данном случае концепт – это «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова 2007, с. 24]. Например, концепт «друг», создающийся в процессе формирования категории «друг» и связанный со знаком *друг*, рассматривается в лингвокогнитивном подходе с точки зрения определения процессов создания прототипа, выявления схематических и пропозициональных слотов концепта, установления моделей метонимизации и метафоризации и т.д.

2. **Лингвокультурологический подход**, представленный в работах С. Г. Воркачева, Д. С. Лихачева, В. Н. Нерознака, Н. А. Красовского, Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, В. В. Красных, В. А. Масловой, определяет концепт как базовую единицу культуры и рассматривает его в связи с тем, каким образом в нём формируется и функционирует ментальность носителей

данной культуры. Концепт для лингвокультурологов – это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек, рядовой, обычный человек, не "творец культурных ценностей" – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Степанов 1997, с. 41]. В этом случае определяется место концепта, например концепта «друг» и его наименований, в концептуальной и языковой картинах мира русского человека, что осуществляется на основе сопоставления русского фрейма «друг» с иностранными, выявляются культурно значимые слоты дружбы, например степень близости (*близкий друг, лучший друг, закадычный друг, приятель, товарищ* и т.д.), описывается концептосфера дружбы и т.д.

3. **Психолингвистический подход** связывают с именами А.Р. Лурия, А.А. Залевской, Н.В. Уфимцевой, Т.В. Черниговской и других. Концепт в этом случае понимается как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида перцептивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» ([Залевская, 2001; 39]. Концепт исследуется как ментальное психическое образование.

4. **Семантический подход**, представленный в работах А.П. Бабушкина и тех лингвистов, которые рассматривают концепт с точки зрения его места в структуре номинативного знака и определяют его «как дискретную единицу коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде». При этом «через анализ семем мы получаем доступ к сфере идеального в языке и выявляем, объективируем концепты» [Бабушкин 2001, с. 53]. Мы также рассматриваем концепт как «общее значение», формирующее семантические границы особой номинативной единицы – номинативно-деривационного поля, получившей в наших работах название «номинатема» [Теркулов 2008]. Другими словами, семантический подход рассматривает концепт, например концепт «друг», как основу семантического тождества слова или номинатемы *друг*.

Повторим: все указанные направления рассматривают концепт с разных сторон и не противоречат друг другу. Лучшим определением концепта будет, вероятно, интегрированное определение, аккумулирующее дефиниции перечисленных подходов. Мы предполагаем, что **концепт** – это *квант знаний о категории, ментальное образование, представляющее собой результат психологически и нейропсихологически обеспеченной когниции, реализованной в знаковой форме*.

4.2. Концепт и смежные понятия

Смежность концепта с другими ментальными явлениями можно рассматривать на двух уровнях: лингвокультурологическом и понятийном.

1 уровень: концепт и единицы культурологической трактовки знания. С.Г. Воркачев указывает на то, что «в конкурентной борьбе в российской лингвистической литературе» с начала 90-х гг. прошлого века столкнулись «концепт» (Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов-Алексеев, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.П. Нерознак, С.Х. Ляпин), «лингвокультурема» (В.В. Воробьев) «мифологема» (М. Лехтеэнмяки, В.Н. Базылев), «логоэпистема» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова), однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным здесь оказался "концепт", по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования» [Воркачев, 2004, с. 41]. Мы бы не были столь уверены в том, что концепт полностью вытеснил данные термины: они занимают свою нишу в лингвокультурологических исследованиях, правда, по сути, являются средствами терминологической специализации концептов или их сторон.

Понятие «лингвокультурема» было введено в научный обиход В.В. Воробьевым, который понимал под ней единство формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак [Воробьев 2008, с. 45]. Лингвокультурему определяют как «абстрактную сущность, конкретным выражением которой является языковая единица определённой структуры (лексема или фразеологическая единица, включающая в себя не только денотативно-сигнификативное значение, но и культурноносные семы, выражающие определённые культурные коннотации)» [Кириллова 2008, с. 73]. К последним относятся отмечаемые в семантике номинативной единицы культурно маркированные функции, обычаи, факты проведения и т.п. Например, русское слово *берёза* рассматривается как лингвокультурема в том случае, когда объектом этого рассмотрения является не столько денотат «лиственное дерево с белой (реже тёмной) корой и пахучими сердцевидными листьями», сколько культурные смыслы «символ России», «символ невинной девушки» и т.д. Таким образом, отличие лингвокультуремы от концепта состоит в следующем:

1. Если **концепт**, несомненно, связанный с языковым знаком, всё-таки является **ментальной единицей**, воплощённой в слове, формирующей мышление и поведение человека, то **лингвокультурема** выступает как **языковая единица**, рассматриваемая в первую очередь с точки зрения реализации в ней культурно значимых смыслов.

2. Если для концепта важны **все модели категоризации**, как модели структуры, так и модели отображения, то для лингвокультуремы наиболее значимы метафорическая и метонимическая модели отображения.

Иначе говоря, лингвокультурема – это языковая единица, являющаяся знаком концепта, который рассматривается с точки зрения содержащегося в нём культурно значимого знания. Как лингвокультуремы могут рассматриваться любые номинативные единицы: слова (*берёза, балалайка, дружба* и т.д.) и словосочетания различного типа (*белая ворона, бить баклуши, русский характер* и под.). Определение этого знания наиболее

продуктивно на основе сопоставления разноязычных лингвокультурем, связанных с одним и тем же денотатом. Лингвокультурема может получить статус **константы культуры** (Ю.С. Степанов), то есть концепта, существующего постоянно или, по крайней мере, очень долгое время как выразитель значимых для этноса культурных смыслов

Понятие «**логоэпистема**», предложенное Е.М. Верещагиным, В.Г. Костомаровым, Н.Д. Бурвиковой, во многом схоже с понятием «лингвокультурема»: это «языковое выражение закреплённого общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [Костомаров, Бурвикова 2001, с. 41]. Но в отличие от лингвокультурем логоэпистемы – это не все слова, имеющие культурные семы, а прецедентные слова и выражения, имеющие в качестве пресуппозиции «указание на породивший их текст или ситуацию» [Костомаров, Бурвикова 2001, с. 39].

Логоэпистема – это **культурно значимое цитирование части прецедентного текста**, которое «в процессе коммуникации может видоизменяться в пределах сохранения опознаваемости; в этом случае она приобретает текстообразующую силу» [Костомаров, Бурвикова 2001, с. 39]. Например, логоэпистемой является цитата из романа Л. Толстого «Анна Каренина» *Все смешалось в доме Облонских*, которая стала обозначать ситуации путаницы, неразберихи, ссоры и т.д. В ряде текстов отмечаются модификации этой фразы: *Все смешалось в доме. Почему в парках строят музеи, а в опере гоняют скейтбордисты* (заголовок в журнале Forbes), *Как и в большинстве российских театров, все смешалось в Тульской драме* (в статье в «Петербургском театральном журнале»), *Все смешалось в доме боксерских. Новые единоборства уже отнимают аудиторию у бокса* (заголовок в газете «Коммерсант»), *Все смешалось в майданных головах: об «игнорировании» России в ПАСЕ* (заголовок в статье ИА REGNUM: <https://regnum.ru/news/polit/2733858.html>) и т.д.

Логоэпистемами могут быть слова (*леший, Сивка-Бурка*), словосочетания (*Куликовская битва, Мамаево побоище*), предложения (*И ты, Брут! Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*). Логоэпистема полностью настроена на реализацию метафорических структур концепта.

Понятие «**мифологема**», которое было введено в научный обиход ещё в 1941 году К. Г. Юнгом для обозначения «стойких конструкторов, которые повторяются в коллективной общенародной фантазии, что обобщённо отражают действительность в виде конкретно-чувственных персонификаций, разнообразных существ, которые воспринимались архаичным сознанием как вполне реальные» [Юнг 1991], сейчас в лингвистических исследованиях используется для обозначения «единиц коллективного сознания, которые отражают объекты **возможных миров** (выделено нами – В.Т.) и в вербальной форме представлены в национальной памяти носителей языка» [Питина 2002, с. 36].

Мы выделяем два типа мифологем. Во-первых, это мифологемы, реализующие нулевой денотат, концепты полностью вымышленных (или возможных) миров, маркированные, например, словами *ведьма*, *единорог*, *сансара* и т.д. В данном случае можно говорить о мифологических концептах, имеющих в качестве знака **мифолексемы**. Во-вторых, это мифологемы, которые входят в пропозициональные структуры концептов, то есть мифологические, вымышленные фреймы или скрипты – трактовки каких-либо объектов, процессов, событий и т.п., имеющие стереотипные прототипы, например пропозициональные структуры «спать перед заходом Солнца вредно» (концепт «сон»), «в городе N живёт необразованная биомасса» (концепт город N) и т.п. В этом случае речь идёт о **мифологических (мифических) трактовках**.

Кроме упомянутых ментальных образований учёными предлагалось выделять и другие явления, такие, например, как **сапиентема** (Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров), представляющее собой «сверхконцепт», который включает в свою структуру не только знание, но и программу действий.

2 уровень: концепт и понятие. Очень часто говорится о том, что концепт как единица обыденного познания противопоставляется понятию как единице научного познания. На наш взгляд, противопоставление этих сущностей условно: понятие может входить в структуру концепта как составная часть, например у учёного. Вряд ли в сознании биолога концепт «ягода» совпадает с обыденным представлением о ягодах. Единственное, что не вызывает сомнения, формирование концептов и понятий представляют собой два связанных, но все-таки разных процесса когниции.

4.3. Когниция как путь формирования концептов и понятий

В начале этого пособия мы уже говорили о том, что объектом изучения когнитологии выступает явление когниции (от лат. *cognitio* «познание, ознакомление, узнавание»), которое определяется одновременно как процесс познания и как знание, полученное в результате этого процесса. В данной главе мы рассмотрим когницию как процесс формирования концептов.

Вполне очевидным является существование двух видов познания и знания – обыденного и научного. Возникновение когнитологии установило новую научную дихотомию, включающую две науки, специализирующиеся на изучении механизмов познания – саму когнитологию, стремящуюся установить особенности обыденного познания, и гносеологию, изучающую механизмы научного, теоретического познания. Констатируется, что когниция в обыденном познании использует прототипические модели, а научное познание – классические. В связи с этим возникает идея разграничения когниции и научного познания: «Познание в широком смысле складывается из познания интуитивного, или когниции, и познания рассудочного, или познания в узком смысле слова [Кравченко 2007, с. 60]. Точно так же

разграничивает когницию и теоретическое познание Е.С. Кубрякова: «Язык помогает выйти человеку за границы его актуального опыта <...>, почерпнутого как в ходе когниции (получения информации обыденным сознанием), так и в ходе научного познания и постижения мира» [Кубрякова 2006, с. 30-31].

С другой стороны, ряд учёных предполагает, что обыденное и научное познание, различаясь в способах концептуализации и категоризации, представляют собой разновидности одного и того же процесса. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «Когниция – это понятие, которое охватывает не только целенаправленное, теоретическое познание, но и простое, обыденное (не всегда осознанное) постижение мира в каждодневной жизни человека, приобретение самого простого – телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного – опыта в повседневном взаимодействии человека с окружающим миром. Это любой процесс (сознательный или неосознанный), связанный с получением информации, знаний, их преобразованием, запоминанием, извлечением из памяти, использованием. Это – и восприятие мира, и наблюдение, и категоризация, и мышление, и речь, и воображение и многие другие психические процессы или их совокупность» [Болдырев 2001, С. 9]. Действительно, «вместилища», терминалы обыденного и теоретического познания совпадают. Оба вида познания предполагают использование механизмов, пусть в какой-то мере различающихся в средствах, получения информации, её обработки, хранения и использования. Именно поэтому мы и предполагаем возможность обозначения термином «когниция» всех видов познавательной деятельности.

Когниция, таким образом, представляет собой:

- 1) обыденное постижение мира человеком, формирующее обыденное знание в виде концептов;
- 2) теоретическое познание мира, формирующее научное знание в виде понятий, которые выступают как научные концепты.

Итак, **когниция** – это 1) познавательный процесс: совокупность психических (ментальных, мыслительных) и языковых процессов – восприятия, категоризации, концептуализации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации, 2) знания, полученные в результате этого процесса и закреплённые в языковой форме.

Указанное определение может быть развёрнуто следующим образом.

Когниция – это все процессы, в ходе которых воспринимаемые данные поступают в мозг и преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа (образов, фреймов, сценариев, понятий, категорий и т.п.), чтобы удерживаться в памяти человека и использоваться в процессе деятельности. К процессам данного типа относятся процессы накопления знаний, обработки информации, хранения знаний, мышления, воображения, осознания и оценки самого себя в окружающем мире и построения особой картины мира.

а) **Процессы накопления знаний**, которое может быть либо эмпирическим, то есть полученным непосредственно опытным путём, либо

информационным, которое является умозрительным, возникающим на основе анализа и синтеза информационных сущностей, или полученным в готовом виде извне, например из интернета, книг, телепередач, от наставника и т.д. Если конкретизировать это положение, можно вслед за Н.Н. Болдыревым выделить следующие пути накопления знаний:

- на основе **чувственного опыта**, то есть в результате восприятия окружающего мира непосредственно органами чувств: через зрение, слух, обоняние, осязание. Достаточно увидеть тот или иной предмет (например, экзотический фрукт или овощ: авокадо, папайя, маракуя и т.п.), чтобы в сознании сложилось определённое представление о нем, зрительный образ, на основе которого и формируется соответствующий концепт;

- на основе **предметно-практической деятельности**, то есть в результате его действий и операций с различными предметами, например: нож, вилка, ключ, молоток, мыло, зубная щётка, а также любой механизм;

- на основе **экспериментально-познавательной и теоретико-познавательной (научной) деятельности**: физические, химические, психологические, лингвистические и другие эксперименты, математические решения, изучение значений слов и грамматических форм по словарям и справочным пособиям;

- на основе **мыслительной деятельности**, то есть в результате рассуждений, умозаключений, выводов, на основе мыслительных операций с уже известными концептами;

- на основе **вербального и невербального общения**, когда один человек передаёт, сообщает, разъясняет другому человеку какой-либо концепт с помощью языковых средств (папайя – это такой желто-зеленый тропический плод, напоминающий дыню) или других средств общения: жестов, условных знаков, пантомимы и т.д.

б) **Процессы обработка информации**, то есть её упорядочивания в сознании. В основе данных процессов лежат так называемые **паттерны** – повторяющиеся схемы упорядочивания информации, элементы которых также являются образцами и находятся в предсказуемом взаимодействии. В.Т. Марков выделяет пять паттернов:

- 1) **сравнение с эталоном**, который, в сущности, является типичным или выделяющимся примером – «элементарная процедура распознавания паттернов, основанная на том, что конфигурация сенсорной информации точно подходит к соответствующей конфигурации в памяти» [Марков 2000, с. 109]; например, увиденное нами животное мы сравниваем с эталоном (типичным, выдающимся примером) – птицей, собакой, конём и т.д.;

- 2) **подетальный анализ** – индуктивное распознавание деталей элемента, формирование в сознании системы слотов концепта; например, увидев птицу мы при обработке полученной зрительной информации распознаём её умение летать, наличие перьев, клюва и т.д.;

- 3) **прототипное сравнение** – это сопоставление полученной в результате поддетального анализа информации с уже наличествующим у нас

абстрактным набором признаков: если это существо умеет летать и имеет перья и клюв, оно птица, потому что птицы умеют летать и имеют перья и клюв;

4) **снизу вверх** – индуктивный путь, предполагающий опознание частей, суммирование которого приводит к осознанию целого: мы формируем знание о категории путём объединения сведений о её элементах, что приводит к их классификации; например, при формировании суперординатной категории «животное» мы на основе подетального анализа (формирующего познание их общих и отличительных схематических, пропозициональных, метонимических и метафорических характеристик) осуществляем обыденное классифицирование собак, птиц, коров и пр;

5) **сверху вниз** – дедуктивный путь, проверка на частях категории гипотезы, выведенной на ранних стадиях концептуализации или полученной в результате обучения; например, мы проверяем на пингвинах и страусах информацию о птицах, полученную ранее.

в) **Хранение знаний** – это накопление знаний в памяти человека, которая является информационным фондом его жизнедеятельности. Накопление (архивация) знаний осуществляется в двух блоках: в блоке эпизодической и в блоке семантической (смысловой) памяти. В эпизодическая памяти хранятся эпизоды из жизни, а в семантической – концепты, сформированные в культурно-исторической среде, правила логики умственных действий и построения языка. Отмечаются следующие процессы формирования памяти:

1) **запечатление**, или **запоминание** – закрепление в памяти объектов и их признаков;

2) **сохранение** – процесс накопления материала в памяти, который включает его переработку и усвоение;

3) **воспроизведение** и **узнавание** – ситуативно обусловленный процесс актуализации знаний;

4) **забывание** – потеря способности воспроизведения знания.

Память по типу хранимой информации бывает **образной**, связанной со зрительными, слуховыми и другими гештальтными сенсорными знаниями, **логической**, определяемой пропозициональными структурами, и **эмоциональной**, возникающей на базе эмоций.

По степени активности различают **оперативную память**, которая используется в момент решения интеллектуальных задач, **кратковременную**, представляющую собой непосредственное запечатление объектов, попавших в поле восприятия, и **долговременную**, предполагающую долгое хранение информации.

г) **Мышление** – использование информации для построения ментальных систем: суждений, умозаключений, идей, стратегий и т.д. Этот процесс «происходит путём преобразования информации, достигаемого в сложном взаимодействии мыслительных атрибутов суждения, абстрагирования, рассуждения, воображения и решения задач» [Марков 2000,

с. 110]. В объективистской теории мышление определяется как оперирование абстрактными символами, зеркально отражающими объективный мир, не зависящее от «телесной организации индивида». В принципе, такое мышление характеризует теоретическое познание, которое, по крайней мере, стремится к поиску объективных, научно обоснованных моделей мира, не зависящих от субъективности исследователя. В экспериенциальной теории мышление определяется как [Лакофф 2004, с. 13– 14]:

1) **Воплощённое:** «Структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт и осмысляются в его терминах; более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера» [Лакофф 2004, с. 13].

2) **Образное:** «Понятия, которые не основываются непосредственно на опыте, используют метафору, метонимию, ментальные образы – все это выходит за пределы буквального отражения, или репрезентации, внешней реальности. Именно способность воображения позволяет нам мыслить «абстрактно» и выводит разум за пределы того, что мы можем увидеть и почувствовать. Способность воображения также является воплощённой – косвенно – поскольку метафора, метонимия и образы базируются на опыте, и часто чувственном опыте. Мышление также является образным и в менее очевидном отношении: всякий раз, когда мы производим категоризацию чего-либо способом, который не отражает природу, мы используем общую человеческую способность воображения» [Лакофф 2004, с. 13].

3) **Гештальтное:** мысль не атомистична, как предполагали сторонники объективистского подхода, а гештальтна: концепты «имеют целостную структуру, которая не сводится к простому объединению понятийных "строительных блоков" посредством общих правил» [Лакофф 2004, с. 13].

4) **Имеющее экологическую структуру:** «Эффективность когнитивных процессов, например при изучении и запоминании, зависит от общей структуры концептуальной системы и от того, что эти концепты значат. Мышление, таким образом, есть нечто большее, чем простое оперирование абстрактными символами» [Лакофф 2004, с. 13].

Существует два базовых механизма мышления, обеспечивающих пропозициональные модели формирования категорий и концептов:

1) **суждение** – это установление связи: а) между элементом категории, концептом и его признаками, б) между элементами разных категорий, разными концептами; на этом уровне также определяется сам факт существования элементов; например, оперируя концептами «любовь» и «верность», мы строим суждение *Любовь предполагает верность*, устанавливающее между ними концептуальную связь;

2) **умозаключение** – оперирование суждениями для построения суждения-вывода: гипотезы, идеи и т.д.; например, *на улице холодно* (суждение 1) + *от холода спасает тёплая одежда* (суждение 2) = *надо тепло одеться* (суждение-вывод).

Используя инструментарий суждений и умозаключений, человек осуществляет операции абстрагирования и обобщения, необходимые ему для решения разнообразных задач:

1) **обобщение** – мысленное объединение элементов категорий и категорий по их общим и существенным признакам.

2) **абстрагирование** – выделение существенных свойств и связей элементов и категорий и отвлечение от других, несущественных связей и свойств;

Очень важную роль в мышлении играет **воображение**, под которым понимается процесс создания образов, идей, тактик, ранее не воспринимавшихся человеком, на основе его актуальных знаний. Выделяются **реальные образы** – образы того, что есть в мире; например, на основе знаний о песке, жаре, растениях можно представить пустыню Сахару, **исторические образы**, например образ саблезубого тигра или Ивана Грозного, **мифические образы**, куда входят и образы литературных героев (д'Артаньян, Баба Яга), образы будущего (например, образ компьютера нового поколения или пассажирского звездолёта), **метафорические образы** – образы, формирующиеся на основе когнитивной метафоры: человек – космос (*Солнышко, ты светишь всем нам своим талантом*).

Основные процедуры, обеспечивающие воображение: агглютинация, акцентирование, типизация.

1) **Агглютинация** – это соединение хранящихся в памяти компонентов в единый, иногда очень далёкий от реальности образ. Например, агглютинация верхней части туловища женщины и нижней части рыбы дают русалку.

2) **Акцентирование** – это выделение в уже имеющемся образе какого-либо компонента и возведение его в ранг главного. Например, акцентирование идеи комфорта и безопасности создаёт доминанту о концепта автомобиля будущего. Акцентирование всегда основывается на хранящихся в памяти знаниях, прошедших обработку мышлением.

3) **Типизация** – это выделение из конкретных образов наиболее характерных, значимых качеств и свойства и создание на их основе нового образа. Например, выделение слота «полёт» в концепте птица с актуализацией слотов «крылья» и «парение» создало образ планёра, а добавление слота «двигатель» концепта «авто» – образ самолёта.

Воображение, воплощённое в жизнь, всегда словесно: для того чтобы создать самолёт, его сначала нужно описать. Иначе говоря, воплощение воображения двуэтапно: на первом этапе оно реализуется в лингвальной реальности, а на втором – в объективной.

д) **Осознание и оценка самого себя в окружающем мире и построение особой картины мира** – все то, что составляет основу для поведения человека, его **ментальность** (см. главу 5).

Итак, общее для теоретического и обыденного познания и взаимодействия с миром заключается тождестве вместилищ – процессов

взаимодействия человека с миром. Различие же касается следующих моментов.

1. Если теоретическое познание стремится к истине, обыденное «внеположено истинностному значению и оперирует как (истинным) знанием, так и заблуждениями» [Демьянков 1994, с. 24].

2. На основе теоретического знания осуществляется предвидение развития человечества и воплощение этого предвидения в реальность путём создания на основе результатов познания новых технологий и образцов, а обыденное обеспечивает предвидение особенностей жизни конкретных индивидов.

3. Теоретическое знание существует в виде теорий, элементы которых формируют систему осознанных взаимосвязей, обыденное знание обычно не систематизировано и часто несёт в себе признаки случайного.

4. Теоретическое знание формируется при помощи научных методов – наблюдения, эксперимента и т.д., а обыденное имеет в качестве инструментария метод "проб и ошибок", индуктивное обобщение, обыденное наблюдение и широкие аналогии.

5. Для теоретического знания характерна строгая рационального доказательность, в то время как обыденное знание формируется за счёт синкретизма рационального и иррационального.

6. Теоретическое знание предполагает возможность эмпирической проверки, в то время как обыденное знание часто имеет в своей основе веру.

7. Субъект теоретического познания – учёный, имеющий специальную подготовку, а обыденного – человек без профессиональной научной подготовки.

8. Теоретическое знание имеет свои средства исследования (приборы, инструменты и т.д.) и выражения (монографии, статьи и т.п.), а обыденное таких не имеет.

9. Если результаты обыденного познания воплощено в **концептах**, представляющих собой кванты, наборы всех добытых языковой личностью знаний о категории элементов, то теоретическое знание настроено на создание **понятий** – наиболее общих и существенных знаний о классе объектов.

В связи с этим следует установить основные отличия между **концептом** и **понятием**.

1. Если понятие строится на базе классической таксономической категории, предполагающей равноправие всех её компонентов и наличие у всех их одинаковых и существенных признаков, то концепт строится на основе радиальной и градуированной категории обыденного сознания, имеющей в своей основе принцип фамильного сходства.

2. Понятие является одинаковым для всех, в то время как концепт индивидуален.

3. Понятие конструируется на основе анализа, а концепт возникает стихийно и реконструируется в процессе анализа.

4. В большинстве исследований считается, что понятие лежит в основе значения, однако его конструируемость подсказывает, что оно не может находиться в оперативной памяти человека. Мы можем только использовать понятие для толкования значения слова. Концепт же мы определяем как семантику знака и как общее значение, определяющее его границы.

4.4. Структура концепта

Изложенное в предыдущих разделах показывает, что концепт – это некоторое структурированное знание, в котором обнаруживается ряд компонентов, реестр которых по-разному трактуется исследователями, что мотивировано разными подходами к рассмотрению концепта. В данном разделе мы попытаемся интегрировать описанные в разных работах модели структуры в обобщённую модель. Первично следует разграничить знак концепта и содержание концепта.

4.4.1. Знак концепта

Обязательным компонентом в структуре концепта является его языковой знак. Отмечаются две роли языкового знака в процессах концептуализации и категоризации.

а) Языковой знак является категориальным и концептуальным маркером, вехой, вокруг которой создаётся категория и концепт. Для того чтобы создать категорию, необходимо обозначить какой-либо прототип именем, а затем, осознавая фамильное сходство того или иного референта (объекта номинации) с прототипом, перенести имя прототипа на этот референт, закрепляя его таким образом в нашем сознании как элемент категории. Концепт при этом создаётся вокруг номинированной категории путём привязывания знаний об элементах категории к языковому знаку. Например, для того чтобы в нашем сознании сформировались категория и концепт «город», мы должны вначале использовать слово *город* для обозначения прототипного города, а затем перенести это наименование на те референты, которые либо имеют в нашем сознании фамильное сходство с прототипным городом, либо трактуются как город (с использованием лексемы *город*) нашими собеседниками. Одновременно с этим происходит накопление знаний, позволяющих ответить на вопрос *что такое город?*, то есть концептуализация «города», привязанная к языковому знаку *город*: поступающая к нам информация маркирована именно этой лексемой.

б) Языковой знак сам является категоризатором: он помещает концепт при помощи грамматических значений в определённую языком структуру мира. Во-первых, он устанавливает статус концепта при помощи категории «часть речи», относящей референты знака к тому или иному классу референтов (существительное – к классу актантов-участников ситуации, глагол – к классу событий-ситуаций и т.д.). Во-вторых, он трактует категории и концепты через установленные языком обязательные грамматические рубрики – грамматические значения, которые определяют «рамки языковой интерпретации» концепта. Например, любое событие, связываемое с

глаголом, обязательно помещается в параметры «тип события по отношению к особенностям восприятия его протекания: факт или процесс» (категория вида), «тип события по отношению к реальности» (категория наклонения), «место события на временной оси» (категория времени), «производитель события» (категория лица), «статус производителя события» (категория залога) и т.д. Но эти рубрики также обладают признаками концепта: они являются категориальными и несут в себе некоторое навязываемое языком стереотипное знание об объектах лингвальной (воплощённой в языке) реальности.

В связи с вышесказанным можно выделить два языковых типа концептов: **номинативные**, обеспеченные цельнооформленными номинациями реалий нашего сознания – объектов и событий, и **грамматические**, являющиеся своего рода интерпретационной рамкой, не существующей самостоятельно, но определяющей обязательные характеристики, в которых осуществляется формирование лексических концептов. Например, лексическим концептом является концепт «женщина», обозначенный словом *женщина* и связанный с прототипом, например «мама». Грамматическими же концептами здесь являются «женский род» (в данном случае определение половой принадлежности элементов категории), «единственное число» (показывает возможность исчисления элементов категории) и именительный падеж (указывает на актантную роль субъекта во фразе *женщина вошла*, предикатную роль – *она женщина* и атрибутивную роль – *главрачица-женщина*).

Приведённые тезисы отражают ономаσιологический подход к определению соотношения концепта и знака: от концепта – к знаку. В любом случае, при таком подходе мы должны констатировать то, что концепт объективируется в языковом знаке. Если же рассматривать языковой знак семасиологически, в направлении от знака к концепту, мы вынуждены решать вопрос о том, является ли концепт значением языкового знака или это близкие, но различающиеся сущности.

Вопрос о соотношении концепта и значения давно активно обсуждается в когнитивной лингвистике. Существует два подхода к трактовке этого соотношения: **собственно когнитивный** и **лингвально-когнитивный**. Сторонники собственно когнитивного подхода утверждают, что «между концептом и значением слова, выражающим концепт, нет абсолютного тождества» [Маслова 2013, с. 163], а сторонники лингвально-когнитивного подхода – что «лексическое значение есть концепт, активируемый словом в мышлении» [Жаботинская 2013, с. 48].

Когнитивный подход опирается на три идеи: 1) в основе мышления лежат не языковые сущности, а универсальный предметный код, теоретически обоснованный и описанный Н.И. Жинкиным; 2) количество концептов не может совпадать с количеством слов в языке, 3) существуют невербальные средства выражения концептов.

Различение концепта и значения в когнитивном подходе объясняется следующим.

(1) Вопрос о сущности мышления достаточно сложен. Эксперименты показывают наличие в сознании человека универсального предметного кода, о котором писал Н.И. Жинкин. Под универсальным предметным кодом понимается универсальный язык, с помощью которого возможны переводы содержания речи на все другие языки, который «свободен от избыточности, свойственной всем натуральным языкам»: в нём смысловые связи «предметны, а не формальны» (они отображаются образами-представлениями, а не языковыми знаками) [Жинкин 1982]. Как известно, языком и речью управляет интеллект, который, по выражению Н.И. Жинкина, «не понимает естественного языка»: «Человек слышит слова, состоящие из звуков: «Вон бежит собака», а думает при этом совсем не о звуках и словах, а о собаке, и смотрит – где она бежит... Интеллект, для которого предназначается сообщение, не понимает естественного языка. У него есть собственный, специальный информационный язык. На этом языке он строит гипотезы, доказательства, делает выводы, выносит решения и т.д.» [Жинкин 1982, с. 18]. Все операции по выработке понятий, суждений, умозаключений универсальны и не зависят от того, на каком языке говорит человек. Интеллект, управляя речью, только кодирует информацию: «Противопоставленность дискретных кодов языка "языкам интеллекта" породила смешанный код – внутреннюю речь, которую нужно рассматривать как универсальный предметный код, ставший посредником не только между языком и интеллектом, между устной и письменной речью, но и между национальными языками» [Жинкин 1982, с. 18].

Внутренняя речь, согласно Н.И. Жинкину, «не обладает набором стандартных грамматических правил и даже алфавитом лексики. Она не является ни строго дискретной, ни целиком аналоговой. В ней могут появиться... пространственные схемы, наглядные представления, отголоски интонации, отдельные слова и т.п.» [Жинкин 1982, с. 92]. Мы не осознаём этот язык-посредник, при помощи которого замысел переводится на внешний язык. Он может применять любые сенсорные знаки, главное, что они такие, какими их выдаёт память в зависимости от условий запечатления предметов, их связей и отношений, включая и схемы этих отношений. На этом языковом поле «встречаются» все анализаторы – зрительный, слуховой, двигательный и др. [Жинкин 1982, с.143].

Вот только пока что «дать детальное описание универсального предметного кода, конечно, сложно, если вообще возможно» [Коршунов 2015, с. 18], а это делает дискуссию достаточно сложной, поскольку сложно спорить о том, что детально не описано.

Существование предметного кода никто не оспаривает, но остаются вопросы, которые не получили однозначного решения, например вопросы о том, есть ли такой код у животных, и если есть, почему он не становится источником для абстрактного мышления, а если нет, каким образом он возник

у человека, и не связано ли его появление с «внешним» языком; о том, каким образом в универсальном предметном коде формируются коды абстрактных концептов, таких, как «дружба», «вечность» и т.п.; о том, что если «внешний» язык выступает в качестве коммуникативного средства передачи информации, то каким образом эта информация, например о категории «бессознательное», трансформируется в универсальном предметном коде адресанта, и так ли незначимо участие языка в формировании компонентов этого «внутреннего языка» в данном случае – при формировании знаний у реципиента; о том, почему разные языки предлагают разное членение ментальных пространств, и как это связано с универсальным предметным кодом, а также почему это не может быть связано с «языковым мышлением», которое так беспрекословно отрицается сторонниками теорий невербального мышления и т.д. Это тем более интересно, если учесть, что и сам Н.И. Жинкин указывал всё-таки не на незначительность роли языка, а на гармоничную взаимосвязь внешней и внутренней речи в мыслительных процессах: «Без изобразительного языка внутренней речи был бы невозможен никакой натуральный язык, но и без натурального языка деятельность внутренней речи бессмысленна» [Жинкин 1964].

Следует напомнить, что универсальный предметный код не национален – он одинаков у всех языковых личностей. Однако трюизмом стало мнение о том, что в концепты одного народа национально маркированы и могут рассматриваться как лингвокультуремы. На основе лингвокультурем формируется ментальность этноса. Как соотносить универсальность кода с национально специфицированной ментальностью? Откуда берётся эта национальная спецификация? Нам представляется, что она обеспечивается именно языком. Л. Витгенштейн образно определил особенности формирования реальности индивида так: «Границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн 1994, с. 56]

А.Ф. Лосев таким образом обозначил связь языка, мышления и реальности: «В слове, и в особенности в имени, – все наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков; <...>. В слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия» [Лосев 1999, с. 44]. Иначе говоря, язык формирует наше сознание, создаёт некую особую реальность бытия – реальность лингвальную, в которой концепт предстаёт перед нами в первую очередь как некоторая реальность номинативной единицы: «номинация – это не просто обозначение предмета, а фиксация его абстрактной сущности в особой материальной форме – в знаке. <...> Идеальная сторона (составляющая неразрывное единство с материальной) не есть просто отображение предмета, а представляет собой закрепление преобразованного в сознании человека в процессе познания одного из бесчисленных свойств предмета» [Колшанский 1976, с. 13].

Именно поэтому мы и предполагаем, что универсальный предметный код – это не система концептов, а база мышления, в то время как концепты привязаны к языку и во многом обусловлены им.

(2) В.А. Виноградов утверждает, что «не может концептосфера (совокупность концептов – В.Т.) культуры состоять из двухсот тысяч компонентов» [Виноградов 2010, с. 6], В.А. Маслова, поддерживая эту идею, констатирует, что в «русском языковом сознании концептов всего несколько сотен» [Маслова 2013, с. 164]. Смысл вышесказанного заключается в утверждении того, что в языке не может быть столько же концептов, сколько и слов, и поэтому лексическое значение слова не может быть отождествлено с концептом, так как если есть слова, не связанные с концептом, значит связь между словом, значением и концептом необязательна. По нашему же мнению, концепт связывается не со словом, а с особой единицей – **номинатемой** (см. ниже), которая может обозначать только объекты и события, реализуя грамматическую семантику слов актантного типа (существительных и местоименных существительных) и слов предикатного типа (глаголов, слов категории состояния и т.д.), поскольку только эти части речи обозначают самодостаточные референтные сущности. Слова же, относящиеся к другим частям речи (прилагательное, наречие и т.д.), действительно не могут выражать концепт, поскольку не настроены на нереляционную номинацию в пределах концептуального тождества значения, не являются изолированно самодостаточными. Они выступают в качестве заполнителей терминалов языковых синтагматических фреймов и могут только актуализировать те или иные слоты концепта в пределах актантных и предикатных номинатем. Например, во фразе *человек разумный быстро бегаёт* отмечаются только два воплощённых в знаке концепта: *человек* (актант) и *бегаёт* (событие). *Разумный* является актуализатором терминала «способность мыслить» концепта «человек», а *быстро* – актуализатором терминала «скорость» концепта «бегать». *Человек разумный* и *быстро бегаёт* являются речевыми развёрнутыми глоссами (структурными разновидностями) номинатем *человек* и *бегать* (*бег*). Поэтому количество концептов соответствует не общему количеству слов в языке, а количеству существительных и предикатов в нём. Возвращаясь же к тезису В.А. Виноградова и В.А. Масловой о количественной ограниченности концептов в концептосфере, позволим себе высказать всего два сомнения.

Во-первых, непонятно, почему в концептосфере не может быть много концептов. Если концепт – это «квант знаний», любой источник знаний концептуален, а значит, любое слово, вернее, номинатема, относящаяся к разряду актантов или предикатов, как источник знаний является носителем концепта. Напомню, что сама В.А. Маслова считает, что «концепт – это лингвоментальное образование, частично вербализованный культурный смысл, имеющий имя/имена в языке» [Маслова 2013, с. 162]. Если концепт имеет имя, то почему эта связь не является связью плана выражения и плана содержания любой номинативной единицы актантного или предикатного типа? Каким образом можно отобрать из числа этих единиц слова, связанные с концептами? И почему их всего «несколько сотен»? Сложно понять и то, как может быть «частично вербализованным» то, что «имеет имя». Если у чего-то

есть имя, оно не частично, а полностью вербализовано. Ибо получить имя – это и значит «вербализоваться».

Во-вторых, ратуя за ограничение числа концептов, В.А. Маслова анализирует «двусловный концепт» «Утро туманное». Однако выделение концептов данного типа не уменьшает, а наоборот, увеличивает число концептов в языке. Каким образом мы можем ограничиться сотней концептов, если только вокруг слова *утро* мы можем выстроить огромное количество единиц подобных «утру туманному» – утро седое, летнее утро, весеннее утро, хмурое утро и т.д.? Они все связаны с концептами? Если да, то концептов значительно больше двухсот тысяч (практически каждое существительное имеет культурно значимый набор эпитетов и атрибутов), если нет, то чем они хуже утра туманного?

(3) Как и З.Д. Попова, отмечавшая, что «концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами» [Попова 2005, с. 8], В.А. Маслова указывает на то, что концепт «может быть репрезентирован разными языками культур – живописью, музыкой, танцами и т.д.» [Маслова 2013, с. 162]. С тем, что существуют невербальные формы мышления, спорить сложно. Но, с другой стороны, сложно понять, какой концепт обозначается фугой Л. ван Бетховена «Gross Fugue B-Dur Op». Если вербально схваченный концепт, например «любовь», хоть и расплывчат и связывается с радиальной градуированной категорией, все же предполагает схожие знания о любви не только у разных носителей одного языка, но даже у разноязычных людей, то fuga Бетховена даже потенциально не может быть связана с типизированным знанием, то есть с концептом. У каждого человека она вызывает свой набор эмоций, извлекая из памяти свою, только для этого человека значимую череду событий.

Но даже если мы и согласимся с озвученной точкой зрения о разных языках культуры, все же будет сложно согласиться с тем, что концепт нельзя рассматривать как лингвальную единицу только потому, что есть возможность его существования вне языка. Более того, на наш взгляд, все неязыковые средства выражения концепта либо базируются на языковых, либо вовсе не являются средствами выражения, и это подтверждается хотя бы тем, что даже говоря о неязыковланных концептах, сторонники теории нелингвальной природы последних вынуждены прибегать именно к вербальным средствам их описания и опираться именно на языковую плоскость их существования. Как отмечает В.И. Карасик, «описание концепта – это специальные исследовательские процедуры **толкования значения его имени и ближайших обозначений** (выделено мной. – В.Т.)» [Карасик 2002, с. 134]. См. в другом месте: «Мы объясняем концепты через значения слов» [Карасик 2007, с. 10]. Ещё более чётко это выражено в том исследовании, которое, как это ни парадоксально, чаще всего апеллирует к нелингвальной природе концепта: З.Д. Попова и И.А. Стернин утверждают, что «произнесенное или

написанное слово является средством доступа к концептуальному знанию» [Попова 2003, с. 19], что «слово <...>, как и любая номинация, – это ключ, “открывающий” для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Языковой знак можно также уподобить включателю – он включает концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и «запуская» его в процесс мышления» [Попова 2003, с. 19]. Сама В.А. Маслова активно употребляет термин «двусловный концепт» [Маслова 2013, с. 163] (то есть **концепт состоящий из двух слов?**) и использует для своих описаний явно лингвистические методы, начиная с этимологического анализа и заканчивая дистрибутивным [Маслова 2013, с. 167]. Все это свидетельствует именно в пользу того, что, во-первых, в концепте нет ничего такого, что не могло бы реализоваться в языке, а во-вторых, что, будучи полностью реализованным в языке, концепт являет собой именно лингвальную – языковую сущность.

Отметим, кстати, что, по нашему мнению, музыкальное произведение, танец или картина не являются знаками концепта, а относятся к вымышленным ментальным пространствам. Здесь возможны две ситуации. Во-первых, если произведение искусства связывается в сознании творца или реципиента с уже номинированным концептом, оно входит в структуру номинированной категории не как знак, а как элемент категоризации. Например, картину Ильи Репина «Иван Грозный убивает своего сына» можно связать с концептом «детоубийство», но для того чтобы эта связь реализовалась, необходимо, чтобы в нашем сознании уже был данный концепт, а он связан в нём с языковым знаком – лексемой *детоубийство*. Перед нами не знак детоубийства, а его образ, находящийся на периферии категории. Во-вторых, произведение искусства может стать прототипом-образцом для создаваемой в нашем сознании категории, но для этого необходимо, чтобы нам кто-то показал эту картину и рассказал о ней как о воплощении концепта «детоубийство». Здесь действует тот же механизм, что и при формировании категорий и концептов вокруг других образцов – выдающихся личностей, актёров, персонажей художественных произведений. Но в этом случае художественное произведение также становится не знаком категории, а её элементом – прототипом (лучшим образцом).

Есть ещё одна неясность, отмечаемая для когнитивного подхода к определению соотношения концепта и значения. Общепринято, что любая «схваченная знаком» сущность должна быть трактована как элемент структуры знака, точнее, определена в терминах знака. Даже внеязыковая действительность имеет семиотическую трактовку – она определяется как референтная зона знака. К сожалению, для концепта такой трактовки в работах лингвокогнитологов не обнаруживается. Мы связываем концепт со знаком, но обходим стороной вопрос о том, какое место в структуре знака или по отношению к знаку он занимает.

Утверждение о том, что концепт – это внеязыковая сущность, закономерно отводит ему роль внеязыкового референта, который

обозначается знаком. Но с референтной ролью концепта трудно согласиться, поскольку каждый акт обозначения тогда нужно было бы считать актом обозначения концепта в целом. В этом случае слово *любит* в предложении *Сергей любит Марину* должно было бы обозначать не конкретные отношения между двумя людьми, а обобщённое знание о таких отношениях, что не соответствует действительности.

Нужно обратить внимание на то, что мы можем обозначить словом *любит* только то, что в нашем знании является любовью, т.е. только те референты, которые входят в категорию «любовь». Однако в этом случае концепт становится не просто знанием о реальности, но и знанием о том, что в этой реальности может быть обозначено именно этим знаком. А чем является такое знание, если не знанием об употреблении знака? Но ведь знание о возможностях употребления знака только и может быть мотивировано значением знака. **Концепт, следовательно, определяя границы референции, во-первых, устанавливает статус референта относительно себя самого, а во-вторых, позволяет означивать указанный референт концептуально мотивированным знаком.** Иначе говоря, в концепте присутствуют две составляющие: знание о реальности, мотивированное знаком, и знание о знаке, мотивированное знанием о реальности. Это и позволяет нам трактовать его как инвариантный компонент значения номинативного знака, который устанавливает то, какие референты могут быть им обозначены. Это лингвоментальный сигнификат знака, языковое значение знака, выполняющее две функции – когнитивную (аккумулированное знание о реальности, связанное со знанием о знаке) и структурную (знание о возможных средствах речевого означивания, то есть о тактиках речевого знакоупотребления).

Проблема заключается только в том, что в современной лингвистике не сформировалось представление о той единице, которая могла бы считаться знаком концепта. Это не может быть ни слово, ни словосочетания, ни коллокация (устойчивое словосочетание) и т.п., поскольку обозначение референтов, которые существуют в пределах одного концепта, может осуществляться каждой из этих структурных единиц параллельно. Например, отношения между людьми, которые входят в категорию «любовь», могут быть обозначены и словом *любовь*, и словосочетанием *большая любовь*, и сочетанием знаменательного и служебного слов *о любви: между ними любовь, между ними большая любовь, я говорю о любви между ними*. Как видим, все указанные **формально** связанные единицы осуществляют не просто номинацию в пределах одного концепта, но и имеют тождественный референт (*большая любовь* – это не о другой *любви* – это **та же самая любовь**, которую мы интерпретировали как *большую*). Эти единицы нужно трактовать как глоссы (структурные разновидности) одной номинативной единицы, которую мы называем **номинатемой**, т.е. языковой единицы, являющейся объединением мотивационно связанных глосс, настроенных на обозначение **концептуально тождественных референтов**. С этой точки зрения и *любовь*, и

большая любовь, и *о любви* являются не разными номинативными единицами, а глоссами одной номинатемы «**ЛЮБОВЬ**».

Есть соблазн трактовать эти глоссы как варианты слова *любовь* и не использовать термин «номинатема». Но существуют аргументы в пользу того, что именно этот термин более уместен в данном случае.

1. Кроме слова в пределах концептуального тождества, подкреплённого мотивационной связанностью данных единиц, могут находиться и разные слова, которые мы вынуждены трактовать как реализации одной номинатемы, например слова *любить* и *любовь*. Нет никаких сомнений, что это разные лексемы, хотя бы потому, что они относятся к разным частям речи. Но, во-первых, эти единицы осуществляют референцию в пределах одного концепта «любить», во-вторых, они формально взаимосвязаны, в-третьих, различие между ними заключается лишь в особенностях актуализации слотов указанного концепта. Если *любить* делает референт-событие центром ситуации, реализуя его как предикат, то *любовь* делает этот референт актантом другой ситуации, или агентом (*любовь делает человека глупым*), или каузативом (*он думал о любви*) и т.д. Поэтому эти разные слова мы и считаем глоссами одной номинатемы.

2. Если мы признаём, что обозначениями концептов могут быть только слова актантного и предикатного типа, а слова других частей речи только актуализируют в синтагме те или иные слоты связанных с актантами или предикатами концептов, мы признаем и то, что сочетания актантов или предикатов с зависимыми словами являются структурными разновидностями актантных и предикатных номинатем, то есть их глоссами. Например, если мы признаём, что в предложении *Волк бежит по лесу* представлено три концепта «волк», «бежать», «лес», вербализованные словоформами *волк*, *бежит*, *по лесу*, то мы должны признать, что во фразе *голодный волк устало бежит по зимнему лесу* также представлены три концепта «волк», «бежать», «лес», но вербализуются они словосочетаниями *голодный волк*, *устало бежит* и *по зимнему лесу*, где *голодный*, *устало* и *зимнему* – актуализаторы терминалов «состояние – атрибут», «способ действия – сирконстант» и «темпоратив – атрибут» указанных выше концептов. Но в этом случае мы должны признать данные словосочетания глоссами соответствующих номинатем: *волк*, *бежит*, *лес*. Иначе говоря, в структуру номинатемы входят не только слова, но и словосочетания.

3. Минимальным воплощением концепта может быть не только слово (номинатема с доминантой слово), но и коллокация (устойчивое необразное словосочетание) и фразеологизм (устойчивое образное словосочетание) (номинатема с доминантой коллокация), например *лёгкая атлетика* и *белая кость*. Тактика его речевых реализаций полностью совпадает с тактикой употребления номинатем с доминантой словом. Мы можем сказать *американская легкая атлетика*, *о легкой атлетике* и т.п.

Мы определяем знак концепта как номинатму – это не слово, а формально-концептуальное поле мотивационно связанных номинативных

единиц разного типа, своего рода языковой фрейм, матрица терминалов для глосс, выполняющих две функции: **референтную**, то есть функцию обозначения определённых конкретных реалий мира, осознаваемых как компоненты одной категории (дентотативное – референтное значение: экстенционал, категория), и **коагулятивную**, то есть функцию актуализации ситуативно или/и коммуникативно значимых слотов концепта, связанного с данной категорией (актуализированный компонент значения – смысл: интенционал, концепт). Здесь важен не тип единицы, а принцип объединения. А он одинаков как для номинативных единиц, которые группируются вокруг слова, так и для номинативных единиц, которые группируются вокруг коллокации: любая номинатема имеет трёхуровневую структуру, повторяющую трёхуровневую структуру речевой деятельности, предложенную Л. Ельмслевом и включающую уровни схемы, нормы и узуса, и трёхуровневую вертикальную структуру категории.

Первый уровень – суперординатный уровень схемы. На этом уровне существует концепт, предопределяющий возможности своего означивания. Это парадигматический языковой фрейм с терминалами глосс. Уровень схемы – чисто номинативный. Если и говорить здесь о частях речи, то это только об ономасиологически выделяемых частях речи, вернее, предельных классах номинатем с идентичной общекатегориальной семантикой.

Второй уровень – базовый уровень нормы. На этом уровне существуют **глоссы** – мотивационно взаимосвязанные лексико-грамматические **языковые** единицы, осуществляющие референцию и коагуляцию в пределах одного концепта.

Под мотивационной взаимосвязью нами понимаются актуально осознаваемая формальная и семантическая выводимость одной номинативной единицы из другой. Например, слова *окно* и *подоконник* находятся в отношениях мотивационной взаимосвязи, поскольку: а) имеют общую формальную часть (*-окн-/-окон-*), обеспечивающую б) семантическую зависимость семантики слова *подоконник* от семантики слова *окно* (перифраз: *находящийся под окном*); в) эта формальная и семантическая связь актуально осознаётся носителями языка.

Не всякая мотивация обеспечивает межглоссовые отношения в пределах номинатемы. Выделяются четыре типа мотивационных отношений между номинативными единицами (см.: [Dokulil 1962]):

1) **мутационный**, при котором производные «называют субстанцию, признак, действие, полностью отличные от того, что названо мотивирующим словом» [Улуханов 2008: 49], например *чай – чайник, играть – выиграть*; Это трактовка одного концепта через другой.

2) **эквивалентностный**, в котором «значение производящего и производного совпадают» [Филиппова 2009, с. 112], например *заместитель – зам, член-корреспондент – член-корр, автомобильная дорога – автодорога*.

3) **модификационный**, при котором для производного слова предполагается «частичное изменение или уточнение значения исходного

слова» [Кубрякова 1981, с. 147], например *домик* (< *дом*), *бежать* (< *пбежать*), *учительница* (< *учитель*); сюда же относятся случаи продуцирования словосочетаний, в которых зависимое слово «частично изменяет или уточняет значение главного слова»: *дом – красивый дом, дом на окраине, бежать – медленно бежать, бежать вприпрыжку* и т.д.

4) **транспозиционный**, при котором производное слово «совпадает с производящим по значению, отличаясь от него лишь отнесенностью к другой части речи» [Филиппова 2009, с. 110], например, *читать – чтение, синий – синь* и т.д.

Вполне очевидно, что мутационная мотивация, настроенная на создание имён новых концептов, противопоставляется эквивалентностному, модификационному и транспозиционному типам, которые формируют «уточняющие» номинации, то есть номинации коагулятивного типа в пределах референтного тождества. Именно поэтому мы предполагаем, что между глоссами одной номинатемы могут реализоваться следующие типы коагуляционных различий:

1) **эквивалентностное различие**, то есть различие в форме, не подкреплённое семантическими расхождениями между глоссами; такие глоссы находятся в отношениях свободного варьирования, например *ноль – нуль* (номинатема *ноль*), *манжет – манжета* (номинатема *манжет*), *авиационный диспетчер – авиадиспетчер* (номинатема *диспетчер*) и т.п.;

2) **модификационное различие**, то есть различие в коагулированном компоненте концепта; такие глоссы находятся в отношениях дополнительного распределения и могут выступать как видовые модификации (*бежать – побежать*), субъективно-модальные модификации (*дом – домишко – долище*), лексико-коагулятивные модификации (синтетические: *земля* «суша» – *земля* «почва» и аналитические: *сырая земля, унылая земля*) и т.д.;

3) **транспозиционное различие**, то есть морфологизированное различие в синтаксической функции; такие глоссы находятся в отношениях полного семантического тождества и частеречного различия, которое мотивировано необходимостью указания на смену референтом своего статуса в пределах обозначенной или созданной предложением ситуации, например *бежать* (предикат в предложении *я бегу домой*) – *бег* (актант-экспериенцер в предложении *мой бег красив*).

Третий уровень – субординатный уровень узуса. Каждая глосса представляет собой набор словоформ, грамматическую матрицу с прогнозируемыми грамматическими терминалами. На этом уровне находятся **формы**, то есть речевые терминальные реализации глосс, которые осуществляют конкретизацию статуса элемента категории, связанной с концептом, в ситуации. Здесь осуществляется ситуативная референция и коагуляция концепта. Например, в предложении *она заботится о нашем доме* словоформа *доме* имеет конкретную референцию (*наш дом*) и конкретное грамматическое значение (предл. пад., ед. ч., каузатив /источник,

причина заботы). Существует два структурных типа глосс без служебных слов (*читал, города*) и со служебными словами (*читал бы, из города*)

Предполагается, что номинатемы имеют прогнозируемую языком модель глоссового воплощения, в которой представлены семантические терминалы потенциальной коагуляции концепта), а глоссы, в свою очередь, реализуются в грамматическом прогнозируемом наборе форм.

Например:

номинатема *сад* имеет следующий набор глосс:

а) словесные глоссы: единственного числа – *сад*, множественного числа – *сады*, деминутив – *садик*;

б) словосочетания-глоссы: с фабрикативным значением (состав компонентов) – *ботанический сад, детский сад, сад камней* и т.д., с аксиологическим значением (оценка) – *красивый сад, мрачный сад* и т.д., с темпоративным значением (время) – *весенний сад, утренний сад*, с локативным значением (место) – *городской сад, колхозный сад* и т.п.

в) вторичные словесные глоссы: *ботсад, детсад, горсад* и т.п.

глосса *сад* имеет следующий набор форм: *сад, сада, саду, сад, садом, о саде*.

Здесь приводятся только некоторые компоненты модели реализации глосс и форм номинатемы. Создание полной модели – очень кропотливая процедура, которая в конечном итоге способна дать описание особенностей референции (отражённой в знаке категоризации) и коагуляции (отражённой в знаке каонцептуализации).

4.4.2. Структура содержания концепта

Компоненты содержательной структуры концепта определялись разными учёными по-разному. Как нам представляется, объединение этих определений может дать достаточно интересную картину структуры концепта, тем более, что они не противоречат, а дополняют друг друга.

З.Д. Попова и И.А. Стернин разделяют **содержание** концепта, то есть, собственно знания о категории, формирующей концепт, и **структуру** концепта – рубрики, по которым распределяются эти знания, и предлагают выделять в структуре концепта образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Под **образом** понимается конкретно-чувственное, перцептивное восприятие объекта (**перцептивный образ**) и его метафорическое осмысление, например осмысление души через когнитивный источник «дом» (**когнитивный образ**), под **информационным содержанием** – «минимум когнитивных признаков, определяющих важные концептуализируемые черты объекта и явления» [Попова 2007 (АСТ), с. 109], а под **интерпретационным полем** – «когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивая его» [Попова 2007 (АСТ), с. 111]. В интерпретационное поле входят: *оценочная зона* (слоты оценки содержания и статуса оценки), *энциклопедическая зона* (знания, полученные на основе опыта или обучения), *утилитарная зона*

(знания, связанные с возможностью использования концепта в процессе жизнедеятельности), *регулятивная зона* (предписания о том, что надо, а что не надо делать с членами категории), *социально-культурная зона* (знания о культурной значимости концепта) и *паремиологическая зона* (то, что появляется в пословицах и поговорках). Нам представляется нужным сделать некоторые уточнения.

Во-первых, нам представляется не совсем правильным объединение в один элемент структуры концепта перцептивного и когнитивного образов: если первый является результатом первичного восприятия прототипа или элемента, то второй возникает в результате стереотипного метафорического осмысления уже воспринятого, категоризированного и концептуализированного образа. При этом он может находиться и в оценочной зоне (я потратил на тебя кучу времени: метафора «время – деньги», отрицательная оценка «напрасное времяпрепровождение»), и в социально-культурной зоне (я на седьмом небе от счастья: метафора «счастье – верх», определение счастья как близости к небесам, к раю) и т.д. Иначе говоря, перцептивный и когнитивный образы возникают в результате действия различных когнитивных процедур.

Во-вторых, не совсем понятно, почему в интерпретационном поле выделяется паремиологическая зона: паремии – это средства выражения концепта. Они могут нести энциклопедическую информацию, например *внешность обманчива* – информация о том, что концепт «внешность» не вступает в прямую связь с концептом «человеческие качества», утилитарную информацию: *семь раз отмерь – один отрежь* и т.д.

В-третьих, несколько непонятно, какие знания составляют информационное содержание концепта. Они могут совпадать и с образом, и с энциклопедическим знанием. Скорее всего, следует в структуре концепта различать образ и интерпретационную зону, а **информационное содержание определить как актуализируемую базовую зону концепта, на основе которой формируется концепт и которая может воплотиться как в образе, так и в интерпретационном поле.** Но в этом случае образ, в принципе, становится осознанным элементом категории, мостиком между категорией и концептом, а интерпретационная зона – собственно знаниями об элементах, то есть – концептом. Можно предположить, что образ относится к **перцептивной** зоне концепта, а **интерпретационную** зону концепта формируют элементы интерпретационного поля: энциклопедические знания, утилитарные знания, регулятивные знания, социально-культурные знания и оценочные знания. Такой подход мы обнаруживаем у Н.Н. Болдырева, который пишет: «Ядро концепта составляют конкретно-образные характеристики, которые являются результатом чувственного восприятия мира, его обыденного познания. Абстрактные признаки являются производными по отношению к тем, которые отличаются большей конкретностью» [Болдырев 2001, с. 29–30]. Правда, абстрактными он считает те признаки, которые «отражают специальные знания об объектах, полученные в результате теоретического, научного

познания» [Болдырев 2001, с. 30], хотя вряд ли можно считать, например, социально-культурные знания сугубо теоретическими: они могут базироваться на мифах и поверьях. Мы предполагаем, что к содержательной части концепта должны относиться все знания, которые предполагают обработку перцептивной информации.

Вполне справедливо Н.Н. Болдырев говорит о том, что «Сложный характер структурной организации концепта предполагает, что за ним могут стоять (и пониматься) знания разной степени абстракции, т.е. разные форматы знания. Концепт – это может быть и отдельный смысл, и целая концептуальная структура, включающая другие концепты и задающая другие ступени абстракции» [Болдырев 2001, с. 36]. В связи с этим особый интерес представляет вопрос о том, какие когнитивные механизмы действуют в перцептивной и содержательной структурах концепта. Н.Н. Болдырев предложил классификацию таких механизмов, которые он назвал классификацией концептов по содержанию и степени абстракции. Учёным выделяются «конкретно-чувственный образ, представление, схема, понятие, прототип, пропозициональная структура, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт и т.д.» [Болдырев 2001, с. 36]. У нас есть несколько замечаний к этой классификации. Во-первых, любой концепт, например «мяч», может у разных индивидуумов в разное время представляться в разном содержании – как схема, как понятие, как фрейм и т.д. Вряд ли можно говорить о том, что в этом случае перед нами разные концепты. Это один концепт, реализующий разные **структуры представленности знаний**, и эта способность к такой реализации лежит в самой сущности концепта. Во-вторых, нам представляется не совсем удачным выделять некоторые элементы классификации Н.Н. Болдырева в отдельные структуры. Например, прототип в нашем представлении – это не отдельная структура (как показано в п. 2.3., он может быть представлен и на конкретно-чувственном уровне как типичный представитель, и на уровне фрейма как идеал и т.д.), а базовый элемент категоризации: он должен рассматриваться в других параметрах, в первую очередь в параметрах формирования категорий как «когнитивный источник» категоризации.

Используя модели З.Д. Поповой – И.А. Стернина и Н.Н. Болдырева, а также изложенные в п. 3.3. представления о когниции как о процессе формирования концепта, предложим свою модель структуры концепта.

1. Перцептивная зона: зона непосредственного взаимодействия индивида и элементов, формирующих категорию. В этой зоне объекты воспринимаются гештальтно, нерасчленённо как **конкретно-чувственные образы** прототипа и элементов, которые формируются на основе **чувственного опыта** в процессе **предметно-практической деятельности** человека. Хранение элементов перцептивной зоны обеспечивает образная память. Структуры представленности знаний, которые можно предположить в данной зоне:

а. **Единичный образ** – это образ конкретного объекта или явления. Образы конкретных объектов или явлений возникают в результате

запечатления на основе **восприятия** как психологического процесса, заключающегося в отражении предмета или явления в целом при его воздействии на органы чувств человека. Так, например, формируется единичный образ конкретной женщины, конкретного снега, конкретного фонаря. Сложный единичный образ может формироваться на основе восприятия поведения каких-либо субъектов или объектов. Например, воспринятые индивидом отношения между конкретными людьми, определённые номинатемой *дружба*, могут стать конкретно-чувственным образом дружбы (выделяющимся примером). На уровне единичного объекта, в случае, если он является прототипом, обычно осуществляется номинация концепта.

б. **Представление.** Запечатление и запоминание образа приводит к возникновению в воображении **представления**, то есть обобщённого чувственного образа, отражающего наиболее наглядные чувственно-воспринимаемые признаки элемента. Возникновение представления осуществляется на основе первичного **подетального анализа** элементов путём **сравнения и прототипного сравнения** их с эталоном и **сохранения** запечатления и первичных суждений о типичном примере и становится базой для воспроизведения и узнавания элементов категории. При помощи представления осознаётся конкретно-чувственное фамильное сходство элементов категории. Так возникает представление о женщине вообще, снеге вообще, фонаре вообще. На этом уровне осуществляется экстраполяция первичной номинации на членов категории.

в. **Схема.** Наивысшим уровнем представления является **схема** – контурный мыслительный образ объекта, возникающий в результате **абстрагирования**. С одной стороны, схема допускает расширение представлений. Например, представление о фонаре привязано к прототипу и может реализовать субъективную конъюнкцию (фонарь должен быть длинным и с одним светильником, как прототипный фонарь). Схема же допускает некоторые вольности в трактовке внешнего вида фонаря, поскольку настроена не на воспроизведение прототипа, а на контурную а значит приблизительную, объективацию наиболее наглядных признаков объекта, которые могут варьироваться. С другой стороны, схема становится средством демонстрации объекта. Например, схема – волнистая линия, нарисованная на карте, демонстрирует реку.

2. **Интерпретационная зона концепта** – это зона абстрактных знаний о элементах категории, формирующих концепт. Здесь следует различать структуры представленности знания и источники знания.

I. Знание в интерпретационной зоне концепта реализуется в **пропозициональных структурах представленности знаний** (о структуре пропозициональных моделей см. р. 2.4.), каждая из которых представляет собой «модель определённой области нашего опыта, в которой вычленяются элементы – аргументы и базовый предикат, связывающий эти аргументы, – даются их характеристики, указываются связи между ними» [Болдырев 2001].

Пропозициональные структуры создаются на уровне мышления и имеют в своей основе суждения и умозаключения, формирующиеся на базе мыслительной деятельности и вербального и невербального общения снизу вверх и сверху вниз. Они могут выступать в виде:

а. **фреймов**, то есть наборов стандартных данных об объекте, явлении или ситуации, рассматриваемых в статике. Например, фрейм «магазин» включает в свой состав знания об отдельном помещении, о субъектах (продавце и покупателе), о товарах, о денежных средствах и т.д.;

б. **сценариев**, то есть последовательностей событий, рассматриваемых в динамике. Например, в сценарий «магазин» предполагает последовательные процедуры выбора товара – передачи его кассиру – оплаты – получения товара.

II. По источнику знания мы выделяем следующие компоненты концепта:

а. **опытное знание**, то есть знание, которое имеет в своей основе предметно-практическую (при обыденном познании) и экспериментально-познавательную деятельность (при теоретическом познании);

б. **энциклопедическое знание**, то есть знание, полученное в процессе передачи информации при вербальном и невербальном общении: от собеседника, от учителя, из интернета, из книг и т.д.

III. По отношению к реальности мы выделяем:

а. **информационное знание**, то есть мыслимое как действительное знание о элементах категории, например знание о том, что автомобиль – это средство передвижения, обычно на четырёх колёсах, с двигателем внутреннего сгорания и т.д.;

б. **воображённое знание**, то есть знание, основанное на воображении индивида, которое может иметь вид созданных на основе актуальных знаний образов, идей, тактик, ранее не воспринимавшихся человеком, то есть собственно **воображённых образов**, например концепта автомобиля будущего, а может иметь вид метафорического образного осмысления концепта либо как источника метафоры, либо как её цели, то есть как **когнитивного образа**, например осмысления автомобиля как члена семьи.

IV. По отношению к практической деятельности:

а. **констатирующее знание** – знание, не определяющее поведения индивидуума, например информационное знание о том, что на солнце есть пятна не определяет, в сущности, поведения человека;

б. **утилитарное знание** – знание, которое можно использовать в процессе жизнедеятельности для решения практических задач, например знание о том, что рано утром летом солнце ещё сильно не нагревает воздух, можно использовать для того, чтобы сделать тяжёлую физическую работу рано утром;

в. **регулятивное знание** – предписание о том, какие действия нужно, а какие не нужно производить с членами категории, например о том, что не нужно дразнить собак.

V. Социально-культурный аспект концепта включает:

а. **универсальное знание** – знание, общее для человечества, например знание о том, что Солнце – это звезда;

б. **этнокультурное знание** – знание, общее для представителей одного этноса, например специфическое знание о дружбе, характерное для русского этноса, выраженное в пословицах *сам погибай, а друга выручай, не имей сто рублей, а имей сто друзей* и т.д.;

в. **групповое знание** – знание, общее для какой-либо социальной или профессиональной группы (например, знание о компьютере, наличествующее у программистов, отличается от знания о компьютере пользователей);

г. **индивидуальное знание** – знание отдельного индивида, отличающееся от знания других индивидов и полученное им на основе его опыта.

VI. Аксиологический аспект:

а. **Нейтральное знание**, не являющееся оценочным, например, знание о том, что учитель – это профессия;

б. **Оценочное знание**, например, знание о том, что труд учителя имеет высокое предназначение: готовить детей к будущей жизни.

4.5. Типология концептов

Концепты могут быть распределены по разным группам по целому ряду параметров: их классификация часто зависит от нужд исследователя. Мы приведём только наиболее значимые типологии концептов, могущие быть использованные при описании любой когнитивной структуры. Следует отметить, что здесь даются обобщённые модели «типов концептов», однако

1. **По типу языкового выражения концепта.** Традиционные классификации предлагают разграничивать вербализованные концепты, те, которые имеют языковые знаки, и невербализованные концепты, те, которые не связываются с языковыми знаками [Попова (АСТ) 2007, с. 120]. Например, З.Д. Попова считает, что в русской концептосфере должен быть концепт «старожёны», существование которого обосновывается наличием в нем концепта «молодожёны»: «С нашей точки зрения, концепт не обязательно имеет языковое выражение – существует много концептов, которые не имеют устойчивого названия и при этом их концептуальный статус не вызывает сомнения (ср. есть концепт и слово *молодожены*, но нет слова *старожены*, хотя такой концепт в концептосфере народа, несомненно есть)» [Попова (АСТ) 2007, с. 25]. Нам не совсем понятно, чем обеспечивается такая несомненность наличия данного концепта в концептосфере. У нас есть ряд возражений как против упомянутого выше разграничения, так и против конкретного примера. Начнём с того, что слово *старожёны* всё-таки есть в

русском языке, но обозначает оно не людей, «давно состоящих в браке» (именно таким представляется З.Д. Поповой и И.А. Стернину содержание концепта «старожёны»: *супруги со стажем, они не первый год женаты, они муж и жена с опытом, супруги с большим опытом семейной жизни, у них большой семейный опыт* и т.д. [Попова (АСТ) 2007, с. 25]): в старообрядческом беспоповском направлении федосеевцев, отрицавших брак, так назывались лица, заключившие брак до их перехода в общину, но противопоставлялись они не молодожёнам, а новоженам – секте, выделившейся из федосеевского учения и признавшей возможность брака. Однако не это важно. Важно то, что молодожёны – это не люди с малым семейным опытом, а жених и невеста на свадьбе после ритуального объединения их в новую брачную пару и, возможно, во время медового месяца. Расширение срока «молодожёнства» – это только стремление продлить свадебные радости, но ни в коем случае не определение временного статуса семьи, хотя бы потому, что не существует никаких определений срока, когда супруги считаются молодожёнами. Но даже если предположить существование такого срока, следует усомниться, являются ли они по истечении его сразу же старожёнами. Может быть, они имеют статус «среднежёнов»? На самом деле, молодожёны чётко вписываются в трихотомию «холостые люди» – «молодожёны» – «супруги». Приведённые же З.Д. Поповой и И.А. Стерниным примеры, подтверждающие, по их мнению, существование концепта «старожёны» вполне очевидно являются примерами конкретизации, заполнения других, градуированных категорий – «супруги», «семья» и т.д.. Мы абсолютно уверены в том, что в языке не существует невербализованных концептов, о чем писали в р. 4.4.1. В нашей классификации мы идём по пути тех учёных, которые разграничивают способы вербализации концептов. Мы выделяем:

а. лексические концепты – конкретные концепты, выраженные номинатами; они являются фактурными, то есть выражают концепты индивидуально; мы различаем лексические концепты:

- со словесной доминантой, то есть номинатами, главным представителем которых является слово: *голод, чувства, футбол* и т.д.;
- с коллокативной доминантой, у которых главным представителем является устойчивое не образное словосочетание – коллокация, например *железная дорога, лёгкая атлетика* и под.;
- с фразеологической доминантой, у которых главным представителем являются фразеологизмы, например *голубая кровь, белая ворона* и под.;

б. грамматические концепты – являющиеся своего рода интерпретационной рамкой, не существующей самостоятельно, но определяющей обязательные характеристики, в которых осуществляется формирование лексических концептов; разграничиваются:

- морфологические концепты, выражаемые грамматическими категориями, например «время» у глагола, «число», «род» и под.;
- синтаксические концепты, представляющие собой модели оформления суждения, например «модальность», «предикативность» и т.д.

2. По уровню обобщения [Воркачѳв 2007, с. 31–32] выделяются:

а. **конкретные концепты** – основываются на категориях, объединяющих конкретные объекты; выделяются **натурфакты**, то есть концепты естественных явлений («дождь», «дерево» и т.п.), и **артефакты** – концепты искусственных объектов («телефон», «дом» и т.п.);

б. **абстрактные концепты (ментефакты)** – концепты абстрактных понятий, явлений, действий, состояний («любовь», «теория», «бег» и т.п.).

3. С точки зрения значимости для человечества, этноса, народа, отдельного человека выделяются:

а. **базовые концепты** – константы культуры [Степанов 1997], ведущие концепты [Пименова 2004; Пименова 2010; Пименова 2013], концепты высшего уровня [Воркачѳв 2007], которые составляют фундамент языка и всей картины мира человечества, этноса, народа, отдельного человека и т.д.; например, для русской лингвокультуры базовыми считаются концепты «дух», «душа», «дружба» и т.п.: обычно именно они «широко представлены в паремиологическом фонде, фольклоре, художественной литературе» [Пименова 2010, с. 48];

б. **второстепенные концепты**, которые не находятся в «идеологически значимой зоне», например «самолѳт», «неудача» и т.п.

При этом М.В. Пименова предполагает возможность динамического определения значимости: «В этой же классификации выделяются постоянно актуальные, неактуальные и переменные («плавающие») концепты. **Постоянно актуальные** есть ведущие (ключевые) концепты, **неактуальные** – второстепенные концепты, **переменные** («плавающие») – это концепты, периодически становящиеся актуальными и неактуальными. Примером переменного концепта в русской концептосфере может служить вера. Первоначально этот концепт базировался на языческих верованиях, позже - на христианских, в советское время база концепта вера была перенесена на политических лидеров (Ленин, Сталин), сейчас вновь в российском обществе актуально православие, признаки которого выступают как основная часть структуры этого концепта» [Пименова 2010, с. 48]/

4. По типу ментального пространства, которое членят концепты, различаются:

а. **концепты базового ментального пространства**, которыми оперирует человек в его повседневной жизни, такие как «вода», «честность», «полѳт» и т.п.

б. **художественные концепты (поэтические концепты)**, появляющиеся в вымышленных ментальных пространствах – это, по нашему мнению, концепты, полностью растворѳнные в языке, поскольку их

существование обеспечено в художественном произведении только словесно; такие концепты, по мнению Е.Ю. Пономарёвой [Пономарёва 2008], подразделяются на:

- **общехудожественные концепты** (архетипы и прототипы), «номинации и содержание которых полностью или частично совпадают с номинациями и содержанием концептов-универсалий. Примерами могут служить концепты "любовь", "жизнь" и т.п.» [Пономарёва 2008, с. 9]; это любые концепты бытового ментального пространства, помещённые в вымышленное ментальное пространство: они приобретают в нём новую модель бытия, обусловленную концептосферой и картиной мира художественного произведения; например, концепт «любовь» в базовом ментальном пространстве, с одной стороны, и концепт «любовь» в художественном произведении, в котором не реализуется особая, сильно отличающаяся от обыденной трактовка этого состояния, например в произведениях А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и др., с другой стороны, являются сущностями разного порядка именно из-за того, что они существуют «в разных мирах» и поэтому помещены в разные по своей природе концептосферы и картины мира;

- **индивидуально-авторские концепты** (идиотипы), «номинации которых совпадают с номинациями концептов-универсалий, однако содержание индивидуально-авторских концептов не совпадает с содержанием соответствующих концептов-универсалий» [Пономарёва 2008, с. 9], например концепт «любовь» в произведениях Маркиза де Сада и Ф.М. Достоевского;

- **собственно-авторские концепты** (идиотипы), «номинации и содержание которых не находят аналогов среди концептов-универсалий» [Пономарёва 2008, с. 9], например концепт «недотыкомка» в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес».

Мы бы выделили в отдельную группу **собственно-художественные концепты** – вымышленные концепты, использующиеся стереотипно в ряде произведений, а также получившие статус логотипов, например мифологемы «Баба Яга», «русалка» и т.п., фантастические объекты, например «бластер», «гравифит» в произведениях фантастов и т.д.

в. **научные концепты**, то есть, собственно, понятия, например «материя», «трансцендентность» и под.

5. По признаку развития структуры. Данную типологию предложила М.В. Пименова [Пименова 2010], у которой, правда, есть две смежных классификации: по признаку развития структуры (развивающиеся и застывшие) и по признаку постоянства базовой структуры (постоянные/сохранившиеся и трансформированные). Мы предполагаем возможным совместить эти классификации, расположив их следующим образом: сохранившиеся – развивающиеся – трансформированные – застывшие:

а. **сохранившиеся концепты** – «такие, у которых понятийная (скорее, интерпретационная – В.Т.) и ценностная (в нашей терминологии – оценочная – В.Т.) часть структуры концепта не изменилась, несмотря на исчезновение или трансформацию референтов», например концепт «вино», в котором, несмотря на появление новых элементов категории (новых сортов вин), сохраняется интерпретационная и ценностная (оценочная) часть.

б. **развивающиеся концепты** – концепты, содержание которых изменяется, это концепты, «активно используемые в национальной концептосфере, пополняющие свою структуру новыми признаками» [Пименова 2010, с. 48]; существует два источника развития концептов:

- **энциклопедический**, представляющий собой процесс репрезентации в концепте новых знаний при сохранении качества элементов категории; например, знания о концепте «Земля» развивались в соответствии с развитием науки: от Земли как центра Вселенной – к Земле как планете, от Земли плоской – к Земле круглой и т.д.;

- **метафорический**, реализующий интерпретацию концепта через новые сферы источники; например, у концепта «сердце» появилась новая метафорическая модель «сердце – технический артефакт»: сердце барахлит (сердце – мотор), в сердце проявилось (сердце – фотография) и т.д. (примеры М.В. Пименовой).

в. **трансформированные концепты** – концепты, которые были связаны с новыми категориями, например концепт «декан» изначально – командир десяти солдат, живших в одной палатке, а сейчас – руководитель факультета в учебном заведении.

г. **застывшие концепты**, которые связаны с вышедшими из обихода явлениями, например «крепостное право».

6. По степени распространённости различаются:

а. **универсальные концепты**, представленные во всех или в большинстве лингвокультур, даже если они различаются на этнокультурном уровне; это, например, концепты «земля», «любовь», «человек» и т.п.;

б. **национальные концепты**, существующие в локальных этнокультурах или связываемые с ними представителями других этнокультур; например, «харакири», «саби» – уединённое молчание на лоне природы являются японскими национальными лингвокультурами, «духовность», «пошлость» – русскими и т.д.

в. **групповые концепты**, реализующиеся в определённых профессиональных и социальных группах одной национальной культуры, например концепты «хайп» и «зашквар» в молодёжной среде, «сольфеджио» и «колоратура» – в среде музыкантов и т.д.

7. По происхождению. Данная типология связана с предыдущей классификацией и определяется явлениями сохранения и перехода концептов из одной среды в другую. Выделяются:

а. **исконные концепты**, представляющие базовую концептосферу (систему концептов) этноса, социальной или профессиональной группы

(универсальные и национальные и групповые концепты, существующие искони), например концепты «богатырь» (национальный), «женщина» (универсальный) и т.п.

б. заимствованные концепты – перенесённые из одной концептосферы в другую, например русские концепты «толерантность», «компьютер», «президент».

8. По признаку производности различаются:

а. генерирующие концепты, то есть концепты, мотивирующие возникновение на их базе новых концептов; например на базе генерирующего концепта «знать / знание» возникает концепт «познать / познание»;

б. генерируемые концепты, то есть возникшие на базе других концептов: в нашем случае это концепт «познать / познание».

В ряде работ [Пименова 2013; Маслова 2013 и др.] предлагается разделение концептов по тому, к какому тематическому ряду они относятся. Например, выделяются универсальные категории культуры (время, пространство, движение, изменение, причина, следствие, количество, качество); социально-культурные категории (свобода, справедливость, труд, богатство, для русских – достаток, собственность); категории национальной культуры (для русских это воля, доля, соборность, душа, дух); этические категории (добро, зло, долг, правда, истина); мифологические категории (боги, ангел-хранитель, духи, домовой) [Пименова 2004, с. 10]. Однако, на наш взгляд, здесь представлена не классификация концептов, а классификация концептосфер, в которых эти концепты реализуются.

Контрольные вопросы

1. Дайте общее определение понятию “концепт”.
2. Какие подходы к исследованию концептов вам известны?
3. Дайте уточненное определение понятию “концепт”.
4. Какие смежные с концептом понятия используются в лингвистике?
5. Что такое когниция?
6. Какие существуют типы когниции?
7. Какие процессы накопления знаний предлагает выделять Н.Н. Болдырев?
8. Какие существуют процессы обработки информации?
9. Что такое паттерн?
10. Что такое хранение знаний?
11. Какие существуют блоки памяти?
12. Как формируется память?
13. Какие типы памяти по типу хранимой информации вам известны?
14. Какие типы активности памяти вам известны?
15. Что такое мышление?
16. Как характеризует мышление экспериенциальный подход?
17. Какие существуют базовые механизмы мышления?

18. Какие существуют результаты мыслительной обработки информации?
19. Что такое воображение?
20. Какие существуют типы образов?
21. Какие процедуры, обеспечивающие воображение, вам известны?
22. В чем состоит различие обыденного и теоретического познания?
23. Чем различаются понятие и концепт?
24. Из каких элементов состоит структура концепта?
25. Какие функции выполняет знак концепта?
26. Каким образом может вербализоваться концепт?
27. Какие существуют подходы к семасиологической трактовке концепта? Опишите доводы противоборствующих сторон.
28. Чем обосновывается введение понятия «номинатема» для обозначения знака концепта?
29. Опишите структуру номинатемы.
30. Опишите типы мотивационных отношений между глоссами номинатемы.
31. Какие существуют компоненты содержательной структуры концепта?
32. Опишите элементы перцептивной зоны концепта.
33. Опишите компоненты интерпретативной зоны концепта.
34. Какие типы концептов вам известны?

ГЛАВА 5. КОНЦЕПТОСФЕРА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

5.1. Понятие о концептосфере

Термин «концептосфера» был введён в научный обиход Д.С. Лихачёвым. Учёный, по его же признанию, создал данное наименование по образцу терминов В.И. Вернадского (ноосфера, биосфера и пр.) [Лихачёв 1999, с. 164] и обозначил им всю сферу концептов национального языка [Лихачёв 1999, с. 164]. Концептосфера при такой трактовке становится неким концентратом культуры нации, воплощённым в языке: «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – её литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (оно также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации и религией особенно» [Лихачев 1999, с. 153]. Концептосфера, таким образом, с одной стороны, является выражением ментальности того (тех), кто является её «владельцем», носителем, а во-вторых, реализуется на базовом уровне в языке и определяется языком.

Последнее положение обычно оспаривается. В большинстве исследований говорится о том, что «реальность концептосферы определяется наличием у человека невербального мышления (выделено нами – В.Т.), существование которого было подтверждено рядом научных экспериментов. Соответственно, концептосфера – ментальная, мыслительная, ненаблюдаемая, но объективная сущность» [Ильина 2015]. Так же определяют соотношение языка и концептосферы З.Д. Попова и И.А. Стернин: «Концептосфера невербальна и существует в сознании <...> автономно, независимо от языковых средств её объективации (выделено нами – В.Т.)» [Попова (АСТ) 2007].

Мы не отрицаем существования невербального мышления, реализующегося в универсальном предметном коде, о чём и говорили в п. 4.4.1, но абсолютно уверены в том, что реальность концептосферы подтверждается не наличием у человека невербального мышления, а тем, что концепты имеют языковое воплощение. Без языкового знака, во-первых, концептосфера действительно не была бы наблюдаемой, и тогда её попросту невозможно было бы не только структурировать, но и выявить, а во-вторых, невозможно было бы и упорядочение системы концептов: мы можем говорить, что концепты тематических полей «Бог» и «Небо» взаимосвязаны только на основе объективированных в языковых структурах пропозиций *Боги живут на небесах*, *Рай находится на небесах* и т.д. Очень сложно понять, как эти связки реализуются в невербальном мышлении. Как картинки универсального предметного кода? Но в силу абстрактности самого концепта «Бог» мы не можем до вербального опыта (рассказы о Боге, мифологические поверья о

внеземной (небесной) жизни и т.д.) даже представить эту картинку. В нашем универсальном предметном коде должно быть активировано представление о Боге. Но как оно может быть активизировано до того, как нам о нём рассказали?

Кроме того, если предположить, что в основе концептосферы лежит универсальный предметный код, а именно это предполагается авторами приведённых выше цитат, мы не можем говорить, например, о концептосферах разных этносов именно из-за его универсальности. В этом случае возникает и вопрос о том, возможны ли разные универсальные коды у разных народов? Н.И. Жинкин однозначно утверждает, что нет. Напомним, что, по его мнению, интеллект «не понимает естественного языка» и что все операции по выработке понятий, суждений, умозаключений универсальны и не зависят от того, на каком языке говорит человек. Тогда откуда берётся это разнообразие концептосфер разных народов и так ли уж оно не связано с языком?

В любом случае, здесь мы определяем язык как средство проникновения в концептосферу, поскольку никаких других методов её анализа, основанных на использовании универсального предметного кода, пока что не предложено.

Итак, **концептосфера** – это не просто совокупность концептов, а «упорядоченная (выделено нами – В.Т.) совокупность концептов народа, информационная база мышления» [Попова (АСТ), 2007, с. 26], «совокупность концептов, вбирающих в себя знания о различных, но связанных между собой (выделено нами – В.Т.) явлениях действительности и объединённых общей идеей» [Приходько 2013, с. 24], имеющих языковое выражение. Иначе говоря, концептосфера представляет собой систему, характеризующуюся следующими признаками:

1) **множественность**: в концептосферу входит некоторое множество компонентов – концептов;

2) **целостность**: данное множество представляет собой целое, поскольку образует ментальность народа, личности;

3) **связь**: целостность обеспечивается тем, что множество концептов прямо или опосредованно связаны между собой; очень часто в качестве примера такой связи приводится фраза А.Н. Лука о том, что даже между концептами «небо» и «чай» существует смысловая связь, которая может быть описана следующим образом: «небо» – «земля», «земля» – «вода», «вода» – «пить», «пить» – «чай» [Лук 1976, с.15];

4) **структурированность**: концептосфера строится по схемам «часть – целое», «верх – низ»; это не просто система связанных компонентов, но система, организованная иерархически (существуют суперординатный – базовый – субординатный уровни концептосферы, например уровни концептополей «существо» – «человек» – «женщина») и горизонтально (например, на субординатном для концептосферы «человек» уровне отмечается горизонтальная связь «мужчина» – «женщина»).

Некоторые учёные предполагают, что концептосфера «является достоянием не отдельной языковой личности, а всего этноса, к которому эта

личность принадлежит» [Приходько 2013, с. 173]. На основе этого утверждения делается следующий вывод: «Методологически основополагающим и принципиально важным моментом является наше глубокое убеждение в том, что в одной лингвокультуре существует только одна концептосфера» [Приходько 2013, с. 172]. Концептосфера в этом случае трактуется как структура, состоящая из **концептуальных систем**, к которым относятся:

1) **концептополе** – «сегмент концептосферы, отвечающий за организацию определённого когнитивно-семантического пространства» [Приходько 2013, с. 174]; концептополя являются объединениями типологически и семантически однотипных концептов, например концептополе «человек» включает концепты «женщина», «ребёнок», «мужчина» и т.п.;

2) **идиоконфигурация концептов** – «совокупность концептов, свойственных отдельной личности» [Приходько 2013, с. 172], например идиоконфигурация концептов В.И. Теркулова;

3) **дискурсивная конфигурация концептов** – «межполевые формации концептов, ситуативно возникающие в соответствующих коммуникативных средах», например в тексте, посвящённом медицине, формируется своя концептуальная структура, которая может включать как концепты, относящиеся к концептополю «медицина» («врач», «болезнь», «лечение» и под.), так и концепты, относящиеся к другим концептополям («политика», «семья» и т.д.).

Другие учёные считают, что в реальности существует множество концептосфер. Термин «концептуальная система» используется в этом случае как родовое понятие для систематизации таких концептосфер и понимается как «тот ментальный уровень или та ментальная (психическая) организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [Каткий словарь 1996, с. 94], как «система мнений и знаний о мире, отражающих познавательный опыт человека, притом как на доязыковом, так и на языковом уровне» [Павилёнис 1983, с. 12]. Концептуальная система представляет собой систему концептосфер, которые могут быть расклассифицированы по признаку носителей концептосфер, по дискурсивным практикам и ментальным пространствам, по тематическим полям.

Наш анализ показал, что убедительнее всё же предположение о существовании одной концептосферы, поскольку все частные концептуальные структуры, обычно обозначаемые термином «концептосфера», например «концептосфера семьи», «концептосфера стихотворения», в сущности, являются видовыми формами общей концептосферы. Использование для их обозначения термина «концептосфера» возможно, на наш взгляд, только по тому же принципу, по которому мы используем, например, термин «морфема» для обозначения префикса или суффикса, то есть как использование родового наименования для обозначения вида. Однако наше представление о том, как реализуется эта единая концептосфера, несколько отличаются от традиционных мнений.

Наше видение базируется на идее В.В. Красных о существовании *когнитивного пространства*, которое может быть *индивидуальным* – определённым образом структурированной совокупностью знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый говорящий, и *коллективным* – определённым образом структурированной совокупностью знаний и представлений, которой необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум [Красных, 2003, с. 61]. Однако именно индивидуальное когнитивное пространство, в сущности, является вместилищем для всех остальных пространств: концептосфера всегда существует в языковой личности – народа, нации вне индивида нет. Иначе говоря, концептосфера всегда реализуется как идиоконфигурация концептов. Выделение национальной концептосферы осуществляется на основе констатации сходных / тождественных признаков идиоконфигураций представителей одной нации, говорящих на одном языке: универсальной концептосферы нет – каждый язык уникален.

Мы можем только говорить о пластах концептуальных структур, комбинирующихся в идиоконфигурации. В связи с этим необходимо вслед за В.В. Красных говорить о **когнитивной базе языка** как структурированной совокупности **необходимо обязательных знаний** и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета [Красных, 2003, с. 61]. Кстати, и это подтверждает, что мы можем говорить о концептосфере только в приложении к конкретной личности, к идиоконфигурации. Этническая концептосфера закономерно определяется именно как когнитивная база – она должна быть общей для всех представителей этноса. Но у индивида могут быть и индивидуальные концепты, которые не входят в когнитивную базу. Если мы посчитаем его конфигурацию вторичной, эти элементы окажутся за пределами концептосферы. Но тогда каков их статус? Более того, идиоконфигурация формируется не только набором концептов, но и их содержанием: у «этнического» концепта в идиоконфигурации могут появляться индивидуальные слоты. Входят ли они в концептосферу? Как они определяются по отношению к концептосфере?

Этническая «концептосфера» как когнитивная база возникает в результате обобщения идиоконфигураций. В основе её формирования и осознания лежит тенденция к экономии усилий: языковая личность попросту использует уже устоявшиеся модели концептуализации и категоризации, принятые в его коллективе и получаемые им в процессе научения, при чтении прецедентных текстов и т.д., что делает его концептосферу и ментальность похожей на концептосферы и ментальности окружающих его людей. Но в ней всегда обнаруживается и нечто индивидуальное как в наборе концептов, так и в их экстенциональном и интенциональном содержании.

Как нам кажется, следует говорить не о концептосферах, а о концептуальных пластах в концептосфере, и выделять:

1. **Универсальный** концептуальный пласт – совокупность концептов и смыслов, принадлежащих всему человечеству: сюда относятся концепты, отмечаемые во всех языках мира;

2. **Этнический** концептуальный пласт – совокупность концептов и смыслов, принадлежащих всему этносу: сюда относятся концепты, отмечаемые в языке нации;

3. **Групповой** концептуальный пласт – совокупность концептов и смыслов, принадлежащих социальным и профессиональным группам, в которые входит языковая личность: сюда относятся концепты, отмечаемые во всех социально-коммуникативных системах, в которые входит индивид: территориальные (диалект), гендерные, семейные, профессиональные и социальные;

4. **Индивидуальный** концептуальный пласт – совокупность концептов и смыслов, принадлежащих исключительно языковой личности.

Итак, *концептосфера объективно (онтологически) существует как идиоконфигурация, то есть как упорядоченная совокупность концептов индивида, включающая в себя универсальный, этнический, групповой и индивидуальный концептуальные пласты.*

Выделение других концептосфер (этническая, групповые) оправдано гносеологически и представляет собой продукт научной абстракции: мы называем концептосферами в этом случае существующие объективно, формируемые за счёт наличия общих моделей концептуализации и категоризации у объединённых по этническому и групповому признаку индивидов внутренне организованные этнический и групповые концептуальные пласты идиоконфигураций.

Концептосферы проявляются в текстах, создаваемых языковыми личностями, что позволяет говорить о **дискурсивных конфигурациях концептов**. В этом случае использование термина «концептосфера» является также гносеологически оправданным: если мы представляем дискурс (текст, помещённый в событие и обрастающий нетекстовыми конструктами, к которым относятся личность рассказчика и реципиента, время, условия, пресуппозиции и т.д.) как некоторый ограниченный во времени жизненный промежуток, мы можем считать его системой застывших концептов, формирующих завершённое бытие героя – индивида, создавшего текст. Иначе говоря, в этом случае концептосфера становится текстовым воплощением бытия индивида, то есть, собственно, реализацией концептосферы как идиоконфигурации. Мы различаем три родовых типа дискурсивных конфигураций, или дискурсивных концептосфер:

1) **дискурсивная конфигурация обыденного текста** – совокупность концептов, проявляющихся в обыденных речевых произведениях: в идиоконфигурации конкретных языковых личностей мы можем проникнуть только через сотворённые им дискурсы;

2) **дискурсивная конфигурация художественного текста** – совокупность концептов, проявляющихся в литературных произведениях: в этом случае концепты творят «вымышленное», параллельное бытие, в котором они приобретают концептуальную самодостаточность – они формируют художественный мир и ограничиваются им;

3) **дискурсивная конфигурация научного текста** – совокупность концептов, проявляющихся в научных произведениях.

Актуален вопрос о том, как структурируется концептосфера как система концептов, точнее, как концепты, входящие в концептосферу формируют категории концептов. Базовой моделью структуризации здесь становится модель распределения по концептополям, в которой объединение концептов основывается на наличии у них общих **классификаторов** [Лакофф 1988], то есть некоторых общих воплощённых в языке семантических и формальных маркёров, которые позволяют объединить разные концепты в одну группу. Например, мы относим «дом» и «башню» к одному концептополю «строений», поскольку в их семантике есть классификатор «строение», а «стол» и «компьютер» – к одному концептополю предметов, поскольку у них есть грамматические классификаторы «предметности» (род, число, падеж), выраженные набором именных флексий⁴.

Вполне очевидно, что концептополя построены по иерархической модели ВЕРХ – НИЗ: классификатором концептополя является суперординатный концепт / супрординатная категория (строение, предмет и т.д.). компоненты концептополя являются концептами / категориями базового уровня, каждый из которых выступает в качестве суперординатного для субординатных концептов / категорий. Например, концепт изба помещается в такую иерархическую структуру: предмет (суперординатный) – артефакт (базовый / суперординатный) – строение (субординатный / базовый / суперординатный) – дом (субординатный / базовый) – изба (субординатный).

5.2. Языковая картина мира

Человек воспринимает мир как картину, которая формируется у него всю жизнь в процессе взаимодействия с миром, и эта картина представляет

⁴ Заметим, что вопреки приводимому в ряде работ мнению о том, что классификатор - это некоторая когнитивная сущность, не связанная с языком, Дж. Лакофф говорит именно о языковых классификаторах, например о японском классификаторе *hon*. Более того, в ответ на прогнозируемый упрек в том, что классификаторы такого типа – «это чисто языковые единицы, не отражающие категории мышления» и что «реалии, с названиями которых в японском языке используется классификатор *hon*, не образуют единой категории мышления», исходя из чего «можно предположить, что анализ использования классификатора *hon* может раскрыть факты структуры языка, но ничего не говорит о системе понятий», Дж. Лакофф утверждает: «Каким бы ни был их точный когнитивный статус, языковые правила являются в большей или меньшей степени частью нашего когнитивного аппарата» и данные механизмы «необходимы независимо от того, считать их языковыми или же нет. Более того, по-видимому, они принадлежат той сфере, которую хочется назвать концептуальной — ментальные образы и трансформации образов не являются чисто языковыми категориями» [Лакофф 1988, с. 46–47].

собой не просто пассивно воспринятую реальность, а определённое видение и конструирование мира в соответствии с логикой миропонимания наличествующего у индивида, движущий мотив деятельности. При этом следует обратить особое внимание на то, что **картина мира** – это глобальный образ мира, который никогда не является зеркальным отражением мира. В сознании людей реальный мир преломляется через призму наличествующих у них знаний и опыта и выстраивается в некую реальность сознания, во многом определённую языком и представляющую собой реальность лингвальную. Данная реальность сознания включает в свою структуру компоненты этнического сознания, сознания тех или иных групп, в которые входит индивид, собственно личностные компоненты. Но каким же образом групповое становится достоянием личности? Вероятнее всего, это происходит в наибольшей мере благодаря общему языку, который:

а) через словарный состав определяет возможности номинации, а следовательно, даёт языковой личности маркёры её единообразного членения (номинатемы и глоссы): мы строим категории и концепты вокруг знаков, которые связываются с ними в языковом сознании;

б) через грамматику помещает данные маркёры в стереотипные модели интерпретации действительности – в грамматические (морфологические и синтаксические) категории;

в) через стилистические и речевые каноны определяет модели нашего речевого поведения и поведения в целом;

г) через тексты передаёт нам знания, опыт поколений;

д) через прецедентные тексты формирует наше видение реалий, явлений и процессов, создаёт «мифологию мира».

В связи с этим следует признать, что самый большой и важный сегмент нашей картины мира представлен языком и в языке, что позволяет определить ту часть нашего глобального образа мира, которая связана с языком, как **языковую картину мира**.

Автором данного термина называют Л. Витгенштейна, который, правда, употреблял два наименования – «картина мира (Bild der Welt) [Витгенштейн 1994, с. 7] и «картина действительности» (Bild der Wirklichkeit) [Витгенштейн 1994, с. 19]. Для него данная «картина представляет собой определённую ситуацию в логическом пространстве, представляет существование и не-существование событий» [Витгенштейн 1994, с. 8]. Следует сказать, что Л. Витгенштейн, вероятно, употреблял указанные наименования не как термины, а как описательные конструкции. Терминологическое же значение словосочетание «языковая картина мира», скорее всего, впервые получает в работе Л. Вайсгерберга, который писал: «В языке конкретного сообщества живёт и воздействует духовное содержание, сокровище знаний, которое по праву называют картиной мира конкретного языка» [Вайсбергер, с. 210]. В работах обоих учёных речь идёт о взаимозависимости языка и мышления, но для Л. Витгенштейна язык был только границей между миром мыслимым и миром непознаваемым, в то время

как для Л. Вайсгербера – той самой системой, которая и организует мировосприятие народа. И это закономерно, поскольку именно при таком подходе реализуется идея В. Фон Гумбольдта, чью линию в науке и продолжает Л. Вайсгербер, о том, что «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 1984, с. 80], так как «разные языки — это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения её» [Гумбольдт 1984, с. 349].

Языковую картину мира обычно трактуют как «отраженные в категориях (отчасти и в формах) языка представления данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности в её соотношении с человеком» [Виноградов 1995, с. 148], то есть отражённые в языке способы восприятия и концептуализации мира, когда на основе языка и связанной с ним концептосферы возникает цельная система взглядов, обеспеченная и навязанная языком обыденная философия. Иначе говоря, языковая картина мира – это *объединение духовных содержаний, определяющих своеобразие менталитета данной языковой общности, и языковых структур, которые формируют эти содержания.*

Таким образом, функциями языковой картины мира являются функции формирования а) видения мира и б) ориентиров деятельности. Другими словами, языковая картина мира *обуславливает через языковую систему понимание внешнего мира природы и внутреннего мира языковой личности и тем самым формирует модели её поведения.* С точки зрения духовной составляющей языковой картины мира – это определённое индивидуальное, но обеспеченное этническим, групповым и т.д., видение и конструирование мира в соответствии с логикой миропонимания.

Языковая картина мира чётко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она определяется особым набором звуков и звуковых сочетаний, особенностями строения артикуляционного аппарата носителей языка, просодическими характеристиками речи, словарным составом, словообразовательными возможностями языка и синтаксисом словосочетаний и предложений, а также паремиологической системой.

Языковая картина мира создаётся:

- номинативными средствами языка (вербально-грамматическая рамка) – номинатами, фиксирующими то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности, а также значимым отсутствием номинативных единиц (лакунарность разных типов);
- образными средствами языка – национально-специфической образностью, метафорикой, направлениями развития переносных значений, внутренней формой языковых единиц;
- фоносемантикой языка;
- словообразовательными средствами языка, формирующими возможности интерпретации новых явлений, попадающих в поле нашего зрения и требующих категоризации и концептуализации;

- грамматическими средствами языка, обеспечивающими однородность интерпретации мира;

- функциональными средствами языка – речевыми жанрами и языковыми стилями, проецирующими на наше сознание поведенческие стереотипы той языковой общности, к которой мы принадлежим.

Базой любой картины мира является связанная с языком личности концептосфера. В предыдущем подразделе мы говорили о том, что она объективно реализуется в сознании языковой личности в виде универсального, этнического, группового и индивидуального пластов концептов, а национальная, групповая и др. концептосферы – суть общие черты, обнаруживаемые у языковых личностей, составляющих единую национальную, групповую, культурную общность. Данные черты не случайны – они передаются в пределах языкового коллектива от поколения к поколению при помощи языка. Точно так же и языковая картина мира объективно существует в сознании индивида и формируется универсальным, этническим и групповым пластами осознания мира. Универсальная, этническая, групповая картины мира – это только обобщения черт, обнаруживаемых в идиолектах некоторых человеческих общностей. Но именно через эти общие черты языковая картина мира формирует однородность ментальности, способствуя закреплению языкового, а значит и культурного её своеобразия в видении мира и его реализации в языке. Индивидуальность языковой картины мира создаётся, в сущности, в результате генерирования индивидуальной ментальности на базе того видения мира и тех поведенческих реакций, которые были переданы нам окружающими в процессах обучения, общения, при чтении книг, при просмотре спектаклей и т.д. Языковая картина мира, таким образом, реализуется в самосознании языковой общности и передаётся последующим поколениям через особое мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатлённые средствами языка.

Правда, глобальная языковая картина мира несколько сложнее концептосферы, которая, в сущности, представляет собой тезаурус языковой личности. Это «связано с многогранностью человеческого сознания, пользующегося разными способами и каналами мировосприятия, обеспечивающими его взаимодействие с миром»: прагматикон, «поведенческая идеология» картины мира человека, являющаяся её главной составляющей, формируется в разных сферах его деятельности – опытной, научной, религиозной и т.д. Учёные предполагают, что глобальная языковая картина мира языковой личности включает в себя (по: [Любимова 2011]):

а) национально-специфическую картину мира, в которой «фиксируется некий культурный стереотип, инвариантный образ данного фрагмента мира, присущего тому или иному этносу» [Уфимцева 2006, с. 141]: каждый народ по-своему видит окружающую действительность, и этот факт находит отражение в языке – языковая картина мира конкретной этнической и языковой общности и есть её общекультурное достояние;

б) рациональную картину мира, связанную с познавательной деятельностью человека и включающую:

- наивную картину мира, которая формируется в процессе опытно-экспериментальной деятельности человека;

- научную картину мира, имеющую в своей основе теоретическое познание;

в) иррациональную картину мира, включающую

- мифологическую картину мира, формирующуюся на основе интуитивной интерпретации мира;

- религиозную картину мира;

в) художественную картину мира, включающую

- фольклорную картину, возникшую на базе мифологической;

- собственно художественную картину мира.

Возможна детализация описанных картин. Например, религиозная может быть представлена в виде конфессиональных картин мира – христианской, мусульманской и т.д., научная – в виде предметных картин (физической, математической и пр.) и т.д.

Важно то, что здесь представлена идеальная модель глобальной картины мира. У каждой отдельной языковой личности она конкретизируется и специализируется.

Следует помнить, что с исторической точки зрения языковая картина мира изменчива во времени и подвержена развитию, то есть в каждый последующий этап развития отчасти нетождественна сама себе. При этом она, с одной стороны, является следствием исторического развития этноса и языка, а с другой, – источником формирования своеобразного пути их дальнейшего развития

В. И. Карасик [Карасик 2004, с. 109] определяет ряд онтологических характеристик языковой картины мира, которые могут быть выявлены на разных участках лексико-фразеологической системы языка и по которым можно осуществить сопоставление одноименных участков языковой картины мира в разных языках:

- базу языковой картины мира формирует концептосфера, которая характеризуется наличием имён концептов;

- для языковой картины мира характерна неравномерная концептуализация (разная номинативная плотность одноименных участков лексических систем). Например, по свидетельству В.И. Карасика, в китайском языке много однословных наименований путешественников, обозначены отдельными словами путешествующие императоры, аристократы. В русском есть одно слово – *путешественник*. В китайском языке намного больше однословных наименований запахов, чем в русском. У тюркских народов есть однословная дифференциация напитков из кобыльего и верблюжьего молока – *кумыс* и *шубат*. В английском языке много дифференцированных названий концепта плыть. Известно, что у северных народов много однословных названий снега, оленей, моржей. Кстати, в русском языке пять названий снега

с ветром – *метель, пурга, вьюга, поземка, буран*, а в большинстве европейских языков есть одно словосочетание или сложное слово – *снежный шторм*;

- в разных языковых картинах мира отмечается специфическая комбинаторика ассоциативных признаков концептов, например различие внутренней формы номинатива, называющих одно и то же явление в разных языках. Русское слово *война*, например, восходит к древнему корню в родственных индоевропейских языках со значением «преследовать, гнать, охотиться». В английском языке слово *war* «война» соотносится с др.-в. нем. *werra* «путаница», «спор» (и.-е. корень **uer-* «поворот»: **uer-*«разрыв»). Этимологические источники указывают, что в ср. др.-в. нем. употреблялось слово *werran*, имевшее значение «расстройство», а в ср.-в. нем. существовало слово *werre* = «неприятность, перебранка, спор».

- существует своя специфика классификации определённых предметных областей. Например, на Востоке принято преуменьшать себя при номинации, в Европе – нет.

- специальная ориентация предметных областей на ту или иную сферу общения (много разговорных номинаций бесцельного передвижения в русском языке, много высоких наименований путешественников в Китае).

В п. 1.2. мы писали о существовании лингвального бытия человека – лингвальной реальности, противопоставленной реальности онтологической. В отличие от картины мира, которая закономерно трактуется только как «глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, то есть выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной и познавательной деятельности» [Постовалова 1999, с. 21], лингвальный мир – это не только отражение внеязыковой реальности в языке, но и особым образом организованная реальность, то есть не только картина мира, но и мир. Конечно же, язык – это «система ориентиров, необходимая для деятельности человека в окружающем его вещном и социальном мире» [Леонтьев 1999, с. 19]. Однако следует согласиться с А.И. Пигалевым: «Язык создаёт искусственное сверхчувственное социальное пространство-время культуры» [Пигалев 1999, с. 50], и поэтому система ориентиров «вещного и социального миров» представляет собой не что иное, как именно языковое «сверхчувственное социальное пространство-время культуры». И это, кстати, приводит к тому, что «язык всей своей системой настолько связан с жизнью, копирует её, входит в неё, что человек перестаёт различать предмет от названия, пласт действительности от пласта её отражения в языке. Создаётся иллюзия полного их единства» [Лотман 1994, с. 69].

Такой подход во многом соприкасается с представлениями М. Хайдеггера, писавшего о том, что «картина мира, сущностно понятая, означает <...> не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины» [Хайдеггер 1993, с. 49]. Ещё более чётко эта мысль была выражена А. Эйнштейном: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира

ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной» [Эйнштейн 1923, с. 45].

Каким же образом сосуществуют языковая картина мира, то есть номинация онтологического мира, и лингвальный мир? Мы отмечаем 3 типа такого сосуществования.

1. Лингвальный мир стремится к совпадению с языковой картиной мира, перформация стремится к слиянию с номинацией. Например, фраза *Весь день идет дождь*, в сущности, отражает реальное состояние мира. Мы называем эту ситуацию «**лингвальный баланс**». Однако следует сказать, что даже этот лингвальный баланс предполагает некоторое превалирование перформации над номинацией. В языковом бытии некий промежуток времени «день» полностью (весь) связан с гештальтной ситуацией «идет дождь», где роль агента выполняет дождь. Однако в онтологическом мире существует целый ряд факторов, позволяющих усомниться в полном тождестве внеязыковой и языковой реальностей. Во-первых, указанная фраза с точки зрения лингвального мира истинна при любых условиях, с точки же зрения онтологического мира она может быть как истинной, так и ложной. Во-вторых, во фразе предполагается абсолютность описываемого события, однако в онтологическом мире дождь идёт только в определённой местности, физически связанной с субъектом-номинантом. Последний же в языковом мире делает дождь событием вселенским, а не локальным. В-третьих, во фразе дождь темпорально представляется как континуум, в то время как в реальности он может на время прекращаться и т.д. Представление мира в языке становится фактором создания новой предметной реальности, которую А.Ф. Лосев обозначает следующим образом: «Язык есть предметное обстояние бытия» [Лосев 1990, с. 98].

2. В некоторых случаях **перформативность** лингвального мира является средством организации реального мира. В первую очередь это проявляется в использовании так называемых перформативных глаголов и предложений, то есть повествовательных предложений, репрезентирующих высказывание, которое не описывает соответствующее действие, а равносильно самому осуществлению этого действия. Например, высказывание *Обещаю тебе прийти вовремя* есть уже обещание. Таковую же значимость имеют и манипулятивные тексты, в основе которых лежит «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [Быкова 1999, с. 99]. Манипулятивный текст создает лингвальную реальность, выгодную своему создателю и направленную на формирование нового лингвального сознания и мира у получателя данного текста.

3. Иногда перформативность лингвального мира становится причиной полного его отрыва от реальности. В данном случае лингвальный мир становится миром вымысла, а мир онтологический даже не предполагается. Наиболее ярко это отражается в разнообразных произведениях словесного

творчества. Слово в художественном тексте является не фактом обозначения, а фактом созидания. Оно – единственная реальность художественного мира. «Обозначаемых» им реалий попросту не существует в нашем внесловном, физическом мире: нет и не было в реальности носа, гулявшего по Невскому проспекту, Евгения Онегина – все они существуют только в слове и представляют собой особым образом организованную словесную материю. Если в реальном языке фраза «идет дождь» является констатирующей предикацией двух номинативных сущностей, отражающих внеязыковые референты действия (*идет*) и субстанции (*дождь*) в настоящей (*Весь день здесь и сейчас в реальности*) локации, то в литературной действительности фраза “*Весь день идет дождь*” является самодостаточной реальностью, имеющей место только в мире слова. Мир и слово тут отождествляются. Здесь уместно привести размышления В.В. Федорова о том, что слово является «единственным субъектом, поскольку бесчисленные субъекты разнообразных существований суть превращенные формы бытия слова» [Федоров 2006, с. 480]. При этом слово художественное и слово естественное представляют собой две стороны одной сущности – не может художественное слово, несмотря на многочисленные попытки, например, тех же футуристов (см. “Весну” А. Крученых), выйти за пределы законов функционирования естественного слова. В сущности – художественное слово, художественный текст, художественный язык – это естественное слово воплотившее абсолютную идею лингвального мира: он оторвался от онтологической реальности и стал существовать только в слове, которое используется в нём не в функции номинации и коммуникации, а в функции “креации”, перформации, созидания, сотворения новой – художественной реальности.

Таким образом, картина мира какого-либо языка и есть та преобразующая сила языка, которая формирует у носителей этого языка представление об окружающем мире через язык как «лингвальный мир».

Контрольные вопросы

1. Как определяется концептосфера?
2. Как интерпретируется в разных научных направлениях связь концептосферы с языком?
3. Какие признаки характеризуют концептосферу?
4. Как трактуется понятие «концептуальная система в разных научных направлениях»?
5. Что такое когнитивное пространство? Какие существуют виды когнитивного пространства?
6. Что такое когнитивная база языка?
7. Как объективно существует концептосфера языка?
8. Какие пласты формируют концептосферу личности?
9. Какие существуют дискурсивные конфигурации концептов?
10. Что такое классификаторы концептосферы?
11. Что такое концептополе?

12. В чём состоит различие картины мира и языковой картины мира?
13. Каким образом языком обеспечивается формирование единой национальной языковой картины мира?
14. При помощи каких средств создаётся языковая картина мира?
15. Из каких пластов состоит языковая картина мира?
16. Опишите структуру глобальной языковой картины мира личности.
17. Опишите онтологические характеристики языковой картины мира личности.
18. Опишите соотношение языковой картины мира и лингвальной реальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когнитивная лингвистика – молодая наука, и многие её положения ещё нуждаются в уточнении. Мы можем говорить сейчас только о непрерывности основных понятий, которые составили базу для когнитивных исследований языка. Это в первую очередь понятие об экспериенциальности мышления, то есть о связи мышления с опытом человека. В связи с этим объектом когнитивной лингвистики, в сущности, становится языковая личность: изучение языка становится изучением не просто языковой системы, а языковой системы, воплощённой в отдельной личности. Мнения о языке формируются уже не на основе отстранённого изучения его как «системы в себе», а на основе поиска социализированных, типических структур и единиц, обнаруживаемых у принадлежащих к одной социальной группе индивидуумов.

На основе этой идеи строятся остальные основополагающие принципы лингвокогнитологии: теория прототипов и категорий базового уровня, теории категоризации и концептуализации, концептосферы и языковой картины мира.

Использование указанных идей позволило перейти от «как-лингвистики», ставившей своей целью описание особенностей структуры языка в диахронии и синхронии, к «почему-лингвистики», определяющей причины возникновения этих особенностей. Стало понятно, что эти причины обусловлены особенностями пусть типизированного, но все-таки индивидуального восприятия действительности. Человек не может, находясь в обществе, не социализироваться: он вбирает в своё сознание через опыт окружающих его людей и социальных институтов опыт всего человечества, своего народа, своих друзей и близких и делает его основой, базой своего опыта, своего мировосприятия. И этот обмен опытом обусловлен языком (именно язык аккумулирует мировидение человечества), определён языком (в нем создаётся некоторая картина мира, которая становится миром лингвального бытия людей), осуществляется при помощи языка (большая часть систематизированных сведений о мире поступает к нам через языковые порождения – тексты).

Развитие когнитивной лингвистики позволит познать мир личности и на основе этих знаний, с одной стороны, создать «мыслящие» искусственные системы, которые, впитав в себя в качестве эталона модели человеческой когниции, значительно облегчат нашу жизнь, а с другой стороны, определить тактики межличностного сосуществования на всех уровнях социальной жизни.

ГЛОССАРИЙ

Когнитология	Пропозициональная структура
Когниция	Образно-схематическая структура
Когнитивизм	Метафорическое и метонимическое отображения
Менталитет	Схематическая модель образа
Ментальность	Фрейм
Когнитивная лингвистика	Скрипт
Концептуализация	Слот
Категоризация	Пучок свойств
Концепт	Радиальная модель
Категория	Градуированная модель
Прототип	Таксономическая модель
Фамильное сходство	Модель структуры
Знак	Модель отображения
Объективистский подход	Метонимическая модель
Экспериенциальный подход	Метафорическая модель
Личность	Когнитивная метафора
Языковая личность	Сфера источника
Лексикон	Сфера цели
Тезаурус	Метафорическая проекция
Прагматикон	Когнитивное отображение
Ното loquens	Высвечивание
Речевая личность	Затемнение
Дискурсивная личность	Ориентационная метафора
Типичные примеры	Онтологическая метафора
Социальные стереотипы	Субординатная категория
Идеалы	Базовая категория
Образцы	Суперординатная категория
Порождения (генерализаторы)	Классическая категория
Частные модели (субмодели).	Категория обыденного познания
Выделяющиеся примеры	Радиальная категория
Сфера опыта	Градуированная категория
Сфера мифа и поверья	Центр
Сфера важной особенности	Прицентральная зона
Идеализированная когнитивная модель	Периферия категории
Ментальное пространство	Лингвокультурема
Прототипический эффект	Логоэпистема
	Сапиентема
	Мифологема

Понятие	Утилитарное знание
Гносеология	Универсальное знание
Накопление знаний	Этнокультурное знание
Обработка информации	Групповое знание
Паттерн	Индивидуальное знание
Хранение знаний	Нейтральное знание
Память	Аксиологическое знание
Мышление	Лексические концепты
Воображение	Грамматические концепты
Образ	Абстрактные концепты
Обыденное познание	Конкретные концепты
Теоретическое познание	Базовые концепты
Когнитивная структура	Второстепенные концепты
Номинатема	Постоянно актуальные концепты
Глосса	Переменные концепты
Форма	Неактуальные концепты
Мотивация	Базовые концепты
Эквивалентностная мотивация	Константы
Мутационная мотивация	Художественные концепты
Модификационная мотивация	Научные концепты
Транспозиционная мотивация	Сохранившиеся концепты
Лексическая категоризация	Развивающиеся концепты
Грамматическая категоризация	Трансформированные концепты
Перцептивная зона	Застывшие концепты
Интерпретационная зона	Исконные концепты
Информационная база	Заимствованные концепты
Единичный образ	Генерирующие концепты
Представление	Генерируемые концепты
Схема	Концептосфера
Структуры представленности знаний	Пласты концептосферы
Фрейм	Концептополе
Сценарий	Идиоконфигурация концептов
Опытное знание	Дискурсивная конфигурация
Энциклопедическое знание	Концептуальная система
Информационное знание	Когнитивное пространство
Воображённое знание	Картина мира
Констатирующее знание	Языковая картина мира
Регулирующее знание	Пласты языковой картины мира
	Лингвальная реальность

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев, В.И. Избранные труды / В.И. Абаев. – Владикавказ: Ир, 1995. – Т. 2. – 724 с.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
3. Бабушкин, А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии, и методика их выявления / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 52–57.
4. Баранов, А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия АН. Сер. лит-ры и яз. – 1997. – Т. 56, № 1. – С. 11-21.
5. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Г.И. Богин. – Л., 1983. – 124 с.
6. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Некоторые общие замечания науки о языке / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Звегинцев В.А. История языкознания 19–20 веков в очерках и извлечениях. – М.: Наука, 1987. – С. 137–164.
7. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – Изд. 2-е, стер. – 123 с.
8. Болдырев, Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 7. – М., 2010. – С. 45–59.
9. Быкова, О. Н. Языковое манипулирование / О. Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск-Ачинск, 1999. – С. 120–140.
10. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 224 с.
11. Виноградов, В.А. Концепты и языковые заимствования // Вопросы филологии. – 2010. – № 2. – С. 3-12.
12. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы : избр. тр. / В.В. Виноградов ; [послесл. А.П. Чудакова ; коммент. Е.В. Душечкиной и др.]. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
13. Витгенштейн, Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. – Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.

14. Воробьёв, В.В. Лингвокультурология: монография / В.В. Воробьёв. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
15. Воркачев, С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования; под общ. ред. проф. С.Г. Воркачева. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.
16. Голованова, Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие / Е.И. Голованова. – М., Флинта, Наука, 2011. – 135 с.
17. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
18. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры : перевод с немецкого языка / Вильгельм фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
19. Демьянков, В.З. Основы теории интерпретации и её приложения в вычислительной лингвистике / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 76 с.
20. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С.17–33.
21. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – М., 2001. – № 1. – С. 35–47.
22. Демьянков, В.З. Когниция и понимание текста / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – М.: Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. университет им. Г. Р. Державина, 2005. – № 3. – С.5–10.
23. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В.З. Демьянков // Язык как материя смысла: сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 606–622.
24. Дзюба, Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для высших учебных заведений / Е.В. Дзюба. – Екатеринбург, 2018. – 280 с.
25. Жаботинская, С.А. Имя как текст : концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) / С.А. Жаботинская // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2013. – № 6. – С. 47–76.
26. Жинкин, Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н.И. Жинкин // Вопросы языкознания. – М., 1964. – № 6. – С. 26–38.
27. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 158 с.
28. Заботкина, В.И. Явление полисемии и категоризирующая деятельность сознания / В.И. Заботкина, Е.Л. Боярская // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 7. – М., 2010. – С. 60–68.
29. Иванова, С.В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности: учебное пособие / С.В. Иванова. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 134 с.

30. Ильина, Е.В. Концептосфера как информационная база мышления / Е.В. Ильина // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 12 [Электронный ресурс]. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/60595> (дата обращения: 25.03.2019).
31. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
32. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
33. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
34. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – М., 1989. – С.3–8.
35. Караулов, Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю.Н. Караулов. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
36. Квятковский, А. П. Метафора // Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М.: Сов. Энцикл., 1966. – С. 156–158.
37. Кириллова, Н.Н. Практическое пособие по лингвокультурологии: французский язык / Н.Н. Кириллова, А.Л. Афанасьева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 212 с.
38. Колесов, В.В. Введение в концептологию: учеб. пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 248 с.
39. Колшанский, Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 5-30.
40. Коршунов, Д.С. Как мы думаем? Нейро-иероглифическая метафора / Д.С. Коршунов // Проблемы порождения и восприятия речи: материалы XIII выездной школы-семинара. Ответственный редактор: Е.В. Грудева. – Череповец, 2015. – С. 16–22.
41. Косицкая, Ф.Л. Письменно-речевые жанры рекламного дискурса моды в аспекте межъязыковой контрастивности (на мат-ле французских и русских каталогов моды): дис. ... канд. филол. наук / Ф.Л. Косицкая. – Томск, 2005. – 269 с.
42. Кравченко, А.В. О профессиональной и языковой компетенции в журнальных публикациях по когнитивной лингвистике // Языки профессиональной коммуникации: сб. ст. участников Третьей междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред.-сост. Е. И. Голованова. – Челябинск, 2007. – Т. 1. – С. 59–63.
43. Красиков, В. И. Концепты в функции философских основоположений / В. И. Красиков // Язык. Этнос. Картина мира / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2003. – С. 10–16.
44. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.

45. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
46. Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
47. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 199 с.
48. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
49. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.
50. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М., Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
51. Кубрякова, Е. С. Что может дать современная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов. – Тамбов, 2006. – С. 26-31.
52. Кубрякова, Е.С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о её роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 7. – М., 2010. – С. 13–18.
53. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
54. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры. 2004. – 792 с.
55. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12--51.
56. Лейчик, В. М. Языки профессиональной коммуникации лингвистов // Языки профессиональной коммуникации: сб. ст. участников Третьей междунар. науч. конф.: в 2 т. – Челябинск, 2007. – Т. 1. – С. 63–68.
57. Леонтьев, А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики / А.А. Леонтьев // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 5-14.
58. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 287 с.

59. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: Блиц, 1999. – С. 147–165.
60. Лосев А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. – 269 с.
61. Лосев, А.Ф. Самое само: сочинения / А.Ф. Лосев. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.
62. Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С. 11–246.
63. Лук, А.Н. Мышление и творчество / А.Н. Лук. – М., Политиздат, 1976. – 144 с.
64. Любимова, Н.А. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия её составляющих / Н.А. Любимова, Е.В. Бузальская // Мир русского слова. – 2011. – № 4. – С. 13–20.
65. Марков, В.Т. Когнитивный план речемыслительной деятельности (речевой коммуникации) / В.Т. Марков // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – С. 102–113.
66. Маслова, В.А. Концепты разных типов и пути их реконструкции / В.А. Маслова // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сборник научных статей. – Вып. 6. – Москва; Архангельск, 2013. – С. 160–169.
67. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 7-е изд., стер. – М.: Флинта, 2016. – 296 с.
68. Митяева, А.П. К вопросу о лингвокогнитивном и лингвокультурологическом подходах к изучению концептов / А. П. Митяева // Молодой ученый. – 2015. – №10. – С. 1420-1423.
69. Митяева, А.П. Подходы к изучению концептов / А. П. Митяева // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сборник материалов XV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, г. Томск, 19-21 мая 2015 г. : в 3 ч. – Томск : Изд-во ТПУ, 2015. – Ч. 2. – С. 3–8.
70. Нестерова, М.А. Когнитивистика: истоки, вызовы, перспективы : монография / М.А. Нестерова. – Сумы : Университетская книга, 2015. – 334 с.
71. Павилёнис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павилёнис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
72. Пигалев А. И. Культурология : [учебник для вузов] / А. И. Пигалев . – Волгоград : Либрис (Изд-во Волгогр. ун-та), 1999 . – 419 с.
73. Пименова, М.В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с.
74. Пименова, М.В. Политическая концептуальная система / М.В. Пименова // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2. – С. 47–55.

75. Пименова, М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М.В. Пименова // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – Т. 2. – С. 127–131.

76. Питина, С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира [Текст]: Дис. ... д-ра филол. наук / С.А. Питина. – Челябинск, 2002. – 364 с.

77. Плужникова, Н.Н. Философские проблемы изучения искусственного интеллекта в области когнитивных наук / Н.Н. Плужникова // Социальные и духовные основания существования человека в современном обществе: сборник научных трудов. – Саратов, 2018. – С. 149–152.

78. Пономарёва, Е.Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь — Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова) / Е.Ю. Пономарёва : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.20. – Тюмень, 2008. – 22 с.

79. Попова, З.Д. «Слабые места» публикаций по когнитивной лингвистике (к проблеме унификации и стабилизации лингвокогнитивной терминологии) / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык. Этнос. Картина мира. – Кемерово, 2003. – С. 16-23.

80. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ; Восток – Запад, 2007. – 314 с.

81. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во "Истоки", 2007. – 250 с.

82. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропоцентрической парадигмы / В.И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 23-25.

83. Приходько, А.Н. Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. – Днепропетровск: Белая Е. А., 2013. – 307 с.

84. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций / Т.Г. Скребцова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

85. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования : словари / Ю.С. Степанов. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

86. Теркулов, В.И. Номинатема : опыт определения и описания / В.И. Теркулов. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 228 с.

87. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И.С. Улуханов. – М. : ЛКИ, 2008. – 232 с.

88. Уфимцева Н.В. Язык, культура и образ мира билингва / Н.В. Уфимцева // III Междунар. науч. конф. «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». – Варшава, 2006. – С. 138–144.

89. Федоров В. В. В чем необходимость поэта? / В. В. Федоров // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк, 2006. – Вып. 10. – С. 480-487.

90. Филиппова Л. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование : учеб. пособие. / Л.С. Филиппова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 248 с.

91. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.

92. Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

93. Эйнштейн А. Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности // Собрание научных трудов / А. Эйнштейн. – М., Пг., 1923. – Т.1. – С. 78-89.

94. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Канон, 1991. – 330 с.

95. Dokulil M. Tvoreni slov v ceštine. I. Teorie odvozování slov / M. Dokulil. – Praha : CAV, 1962. – 263 s.

96. Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction / Anna Wierzbicka. –Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 2003. – 502 p.

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

*Рекомендовано к изданию Учёным советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(протокол № 1 от 25.01.2019 г.)*

Теркулов В. И.

ОСНОВЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Учебное пособие
для студентов направления подготовки
45.04.01. Филология

Авторская редакция

Адрес издательства:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24. г. Донецк, 283055

Подписано в печать ____ г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 6.67.
Тираж 50 экз. Заказ № ____
Донецкий национальный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство про внесение субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004г.